

ЯПОНИЦЫ



В. А. Пронников, И. Д. Ладанов



В. А. Пронников, И. Д. Ладанов

ЯПОНИЦЫ



В. А. Пронников, И. Д. Ладанов

ЯПОНЦЫ



*Этнографические
очерки*



ИЗДАТЕЛЬСТВО «НАУКА»
ГЛАВНАЯ РЕДАКЦИЯ ВОСТОЧНОЙ ЛИТЕРАТУРЫ
МОСКВА 1983

902.7

П81

Ответственный редактор

С. А. АРУТЮНОВ

П $\frac{0508000000-005}{013(02)-83}$ КБ-5-34-82

© Главная редакция восточной литературы
издательства «Наука», 1983.

ПРЕДИСЛОВИЕ

Япония, наш восточный сосед, — древнее, самобытное государство. Развитие всесторонних связей СССР и Японии вызывает к ней растущий интерес советской общественности. Этот интерес охватывает различные аспекты японской действительности. Советские люди больше хотят знать о материальной и духовной жизни Японии.

В нашей стране опубликованы работы, где глубоко освещаются вопросы географии и истории Японии. За последние годы у нас получили признание исследования по вопросам политической жизни, экономики и культуры послевоенной Японии. Советские ученые приложили немало усилий, раскрывая внутренние процессы японской действительности, анализируя социальные противоречия, протекающие в японском обществе на фоне научно-технической революции и неутраченных политических бурь. Серьезные монографические исследования на эти темы подробно знакомят читателей с актуальными проблемами современной Японии. Советские исследователи проанализировали социальную организацию японского общества, показали специфику классовых боев, рост прогрессивных политических партий. Большое внимание уделено раскрытию механизмов влияния правящих группировок на рабочий класс и другие слои общества. Наши читатели получили фундаментальные сведения о системе идеологической обработки народных масс, имеющей целью внедрить в сознание людей антинаучные идеи о «классовом равенстве» японского общества, и т. п. В ряде крупных работ и статьях советской периодической печати раскрыты механизмы промышленного производства, особенности японской экономики. Все это дает советскому читателю богатейшую информацию о Японии. Тем не менее мы знаем Японию одновременно и очень хорошо и еще очень слабо. Последнее относится главным образом к области духовной жизни японцев, их национально-психологическим особенностям.

Современная Япония расположена на архипелаге, который тянется с севера на юг вдоль восточного побережья Азиатского континента, ее главные острова Хоккайдо (наименее населенный) на севере, Хонсю и Сикоку в центре и Кюсю на юге. Имеется также более трех тысяч небольших островов. Площадь Японии около 400 тыс. квадратных километров, население – 115 млн. человек. Почти 80% суши японского архипелага покрыто горами, среди которых много вулканов. Природа на Японских островах нередко выступает как грозная разрушительная сила.

Извержения вулканов, землетрясения, наводнения, горные обвалы и ураганы испокон веку заставляли японцев предпринимать действия, которые способствовали выработке таких качеств, как мужество, терпеливость, самообладание, сноровка. В отношении природы японцы питают диаметрально противоположные чувства: чувство обреченности и чувство благоговения.

Природные условия японских островов оказали заметное влияние на формирование национальной психологии японцев, но это только одна сторона дела. Определяющим фактором здесь, безусловно, выступил способ производства. То, что представляют собой люди, отмечали К. Маркс и Ф. Энгельс, «совпадает... с их производством – совпадает как с тем, что они производят, так и с тем, как они производят. Что представляют собой индивиды, – это зависит, следовательно, от материальных условий их производства» [8, с. 19].

Японцы издревле занимались охотой, морским промыслом, земледелием, животноводством. На протяжении веков большая часть самостоятельного населения возделывала рисовые поля. Все эти виды труда по-особому формировали у японцев трудовые навыки, привычки, систему поведения. Чтобы выжить в сложных социальных условиях Японии, надо было обладать такими чертами, как трудолюбие, дисциплинированность, стремление к согласованным действиям в группе, а также готовность четко выполнять указания признанного лидера группы и т. п. Обстоятельства исторического существования японцев побуждали японцев проявлять эти черты поведения, что не могло не привести к устойчивому закреплению их в национальном характере.

Всестороннее представление о Японии и японцах создается не только на основе социально-политических и экономических знаний, но и ориентацией в проблемах японской этнографии и той ее части, которая имеет отношение к национальной психологии.

Многие советские ученые, ведущие исследования в области социальных наук, считают, что при рассмотрении любого социального процесса конкретной этнической общности необходимо тщательным образом учитывать психологический фактор. Советские философы, разрабатывающие методологические вопросы социальной психологии, указывают здесь на важность изучения «общественных потребностей, социальных чувств и настроений, классового и национального психических складов, национальной психологии...» [60, с. 214], т. е. тех факторов, которые дают возможность представить психологический облик изучаемых народов.

Психологический облик японцев, как и любой другой этнической общности, формируется под влиянием прошлого опыта и новых веяний, причем прошлое в этом процессе играет исключительно важную роль. В данном случае важной является мысль К. Маркса, которую он высказывал в своей работе «Восемнадцатое брюмера Луи Бонапарта»: «Люди сами делают свою историю, но они ее делают не так, как им вздумается, при обстоятельствах, которые не сами они выбрали, а которые непосредственно имеются налицо, даны им и перешли от прошлого» [3, с. 119–120]. Здесь имеет место историческая преемственность.

В данной книге мы показываем широкий круг национально-психологических особенностей современных японцев. При этом мы применяем термин «национальная психология», понимая под ним психологию всей нации. Национальный характер рассматривается как центральный структурный компонент национальной психологии.

Конечно, как отмечали основоположники марксизма, проявляется эта психология у разных классов по-разному. Буржуазия и рабочий класс, писал Ф. Энгельс, «это два совершенно различных народа, которые также отличаются друг от друга, как если бы они принадлежали к различным расам» [10, с. 356]. В реальной жизни люди без труда улавливают психологию людей, принадлежащих к различным классам и социальным

прослойкам. Однако это не исключает известной общности их национально-психологических черт. К. Маркс и Ф. Энгельс указывали на такие черты при характеристике психологии англичан, ирландцев, французов, немцев [4, 9, 10, 11]. Известный советский философ Г. Е. Глезерман в своей работе «Классы и нации» показывает, что подобного рода черты «вырабатываются в результате всей истории данной нации, в течение многих поколений под влиянием условий ее существования» [53, с. 33]. Общациональные черты поведения отражают специфику национальной психологии любой этнической общности людей.

Все явления национальной психологии японцев вслед за советскими философами и социальными психологами, работающими над проблемами психического склада нации, рассматриваются нами на фоне японской культуры. При этом мы обращаем внимание не на содержание той или иной формы культуры, а на проявление ее в манере поведения японцев.

При работе над книгой использованы данные экспериментальных психологических исследований по вопросам индивидуальной и групповой психики японцев, работы японских и зарубежных авторов по проблемам японского национального характера, труды русских и советских путешественников, писателей, журналистов. В своих выводах мы основывались также на личных наблюдениях и впечатлениях, сложившихся в ходе общения с различными категориями японцев.

Настоящая работа, конечно, не претендует на всестороннее освещение сложных и довольно противоречивых проблем японской этнографии и национальной психологии.

Глава I

ЯПОНСКИЙ НАЦИОНАЛЬНЫЙ ХАРАКТЕР

Термин «национальный характер» используется в работах как советских, так и зарубежных авторов. Широко этот термин употребляли основоположники марксизма. В работах К. Маркса и Ф. Энгельса встречаются выражения: «английский национальный характер», «немецкий национальный характер», «особенности характера каждого народа» и т. д. Основоположники марксизма рассматривали национальный характер в качестве важнейшего фактора, отличающего одну нацию от другой. «Английский национальный характер, — пишет Ф. Энгельс, — существенно отличен как от немецкого, так и от французского» [9, с. 602].

Анализируя национальный характер той или иной нации, К. Маркс и Ф. Энгельс выделяли в нем определенные существенные черты. В работе «Положение рабочего класса в Англии» Ф. Энгельс, описывая черты национального характера ирландцев, отмечает: «Ирландцы по своему национальному характеру сродни романским народам, французам и в особенности итальянцам... У ирландцев чувства и страсти безусловно берут верх над разумом. Чувствительный, легко возбудимый характер ирландцев не дает развиваться рассудительности и мешают равномерной, настойчивой деятельности» [10, с. 493—494].

Основоположники марксизма подчеркивали, что национальный характер, его черты являются результатом многовекового развития нации, достоянием ее истории. Поэтому, обращаясь к национальному характеру какого-нибудь народа, они прежде всего исследовали социальную историю этого народа.

В работах основоположников марксизма отмечалась зависимость облика и образа жизни людей от условий материального производства, от способа их деятельности. «Ка-

кова жизнедеятельность индивидов, таковы и они сами», — писали К. Маркс и Ф. Энгельс в работе «Немецкая идеология» [8, с. 19]. Исходя из того, что «человек — продукт природы, развившийся в определенной среде и вместе с ней» [12, с. 34], и что сущность человека «есть совокупность всех общественных отношений» [2, с. 3], можно выделить две группы факторов, оказывающих наиболее общее влияние на формирование психологических особенностей людей, принадлежащих к различным социально-этническим общностям. Это — факторы природной среды и факторы социальной среды. Именно эти два фактора оказали решающее влияние на формирование различных этнических общностей, в том числе и японцев.

1. КТО ТАКИЕ ЯПОНЦЫ?

Вопросы этногенеза японцев в настоящее время остаются довольно спорными. На этот счет имеется сравнительно много взглядов и теорий. Тем не менее ни одна из этих теорий еще не нашла удовлетворительного решения проблемы.

Согласно получившему у нас признание взгляду, древнейшую основу населения Японии составляли айны. Хозяйство их базировалось на охоте, рыболовстве, лесном и прибрежном собирательстве. На Хоккайдо к айнам примешивались мигрировавшие туда выходцы с восточного побережья Азиатского материка. На островах Кюсю и Сикоку и на юге Хонсю айнское население смешивалось и ассимилировалось с аустронезийскими племенами.

В середине первого тысячелетия до нашей эры на Японские острова через Корейский пролив с юга Корейского полуострова проникают так называемые прото-японские племена. С их приходом на островах появились домашние животные — лошадь, корова, овца, к этому периоду относится и возникновение культуры поливного риса. Процесс культурного развития пришлых племен, их взаимодействие с местным аустронезийско-айнским населением происходил вплоть до V в. Основным направлением хозяйства на Японских островах окончательно стало рисосеяние.

К VI—VII вв. японская народность восприняла из Кореи, а также и из Китая элементы китайской и корей-

ской культуры. В VIII в. завершилась ассимиляция на юге Кюсю остатков аустронезийского населения. Одновременно начался процесс заселения лесистого севера острова Хонсю. Местное айнское население этого острова частично смешалось с пришельцами, частично было оттеснено на север.

В настоящее время Япония — одна из самых однородных по этническому составу стран мира, основу нации (более 99 процентов населения) составляют японцы. Айны теперь сохранились лишь на Хоккайдо, их численность не превышает 20 тыс. В Японии проживает около 600 тыс. корейцев, которые в основном переселились туда в годы второй мировой войны, и до 40 тыс. китайцев. Лиц европейского и американского происхождения в стране немного, и почти все они считают себя временными жителями.

Социальная история японцев

Первые сведения о японцах содержатся в китайских источниках, относящихся к I в. до н. э. — V в. н. э. В VIII в. появляются японские хроники, представляющие собой своды мифов и исторических преданий. Это «Кодзики» («Записки древности» — 712 г.) и «Нихон сёки», или «Нихонги» («Анналы Японии» — 720 г.).

Согласно японской системе верований — синтоизму, японская нация ведет свое начало от богини солнца Аматэрасу, прямым потомком которой был легендарный император Японии Дзимму (Дзимму-Тэнно), взшедший на престол «государства Ямато» в 660 г. до н. э. и положивший начало непрерывной династии японских императоров. В Японии принято подразделять историю страны на эры правления того или иного императора. В настоящее время (с 1926 г.) японцы живут в эру императора Хирохито.

В сущности значение императора как символа всегда выступало важнейшим фактором цементирования национального самосознания японской нации. Это самосознание оказалось очень стойким по отношению ко всем заимствованиям. Его не сумели размыть ни конфуцианство, ни буддизм.

Буддизм проник в Японию из Индии через Корею и Китай в VI в. Буддийские проповедники не боролись

против местной религии — синтоизма, они использовали ее с целью привлечения на свою сторону населения. Один из известных деятелей буддизма того времени Кобо Дайси (774—835) доказывал, что синтоизм и буддизм тесно связаны между собой, что лучезарная богиня Ама-тэрасу — это и есть воплощение Будды. Буддизм в Японии подвергся значительной трансформации, в результате он стал отличаться и от индийского, и от китайского. Японский бонза не всегда был священнослужителем, он был (и остается) кем угодно: учителем, дельцом, политиком, солдатом. Буддизм проник в Японии во все поры общественной жизни, он оказал влияние на образование, литературу, искусство. Переплетясь с конфуцианством, буддизм наложил специфический отпечаток на психологию японца.

Конфуцианство пришло в Японию сначала через Корею — в IV—V вв., и затем непосредственно из Китая — в VI в. В этот период китайский язык стал языком высшего общества Японии, на нем велась официальная переписка, создавалась литература. Все это порождало условия для распространения конфуцианства. Его доктрина обожествления предков, почитания родителей, беспрекословного подчинения низших высшим, подробнейшая регламентация поведения прочно врезалась во все сферы психологии людей. Конфуцианские представления хорошо выражены в следующем изречении: «Отношения между высшим и низшим подобны отношениям между ветром и травой: трава должна склониться, если подует ветер». Социальные нормы поведения современных японцев во многом отвечают смыслу данного изречения.

Буддизм и конфуцианство стали играть в Японии роль своеобразной идеологической и моральной надстройки. Конфуцианство, например, постепенно превратилось в господствующую идеологию правящего военно-феодалного сословия, которое сложилось в Японии как закономерный результат ее исторического развития.

В период Камакурского сёгуната (1192—1333) * вы-

* Сёгунат — форма правления, при которой вся власть в стране сосредоточивалась в руках феодального военачальника (сёгуна). Император при правлении сёгунов властью фактически не располагал, хотя ему поклонялись и его «божественность» не оспаривали.

делилось военно-служилое дворянство, появилось сословие самураев, признававших «военную доблесть» основой общества. В первое время самураи имели земельные наделы, но в 1653 г. указом сёгуна Иэцуна (1651–1680) все они были переведены на жалованье, и у них была отобрана земля. Целая армия ронинов* стала бродить по стране в поисках средств существования и подвигов. Самураи создали свой моральный кодекс «бусидо», который постепенно стал неписанным кодексом для своего общества.

Формальная ликвидация сословия самураев с падением сёгуната Токугава (1867) не означала, конечно, искоренения этических норм бусидо из психологии японца. Беспредельная преданность сюзерену, вассальная готовность пойти за своим господином даже в могилу, кодифицированная процедура самоубийства – харакиси – все это не исчезло бесследно. «Самурайские доблести» воспринимались и культивировались японцами всех социальных слоев с большой готовностью во многом потому, что от них веяло подлинно своим, японским духом. Эти качества помогали японцам противостоять иностранному влиянию, они в какой-то мере поддерживали в сознании японцев идею самоизоляции, которая возникла в начале XVII в.

В 1611–1614 гг. сёгун Иэясу издал ряд указов о запрещении христианской религии, настойчиво проникавшей на Японские острова, об изгнании из Японии иезуитов и других миссионеров. В последующие годы усилились преследования и даже казни христиан. В 1624 г. был запрещен въезд и проживание в Японии испанцев, а в 1638 г. были изгнаны португальцы. В 1633–1636 гг. издавались указы о запрещении японцам покидать страну, а соотечественникам, живущим за ее пределами, под страхом смертной казни запретили возвращаться в Японию. В 1636 г. всем иностранцам, которые жили в Японии, было приказано переселиться на остров Дэсима (в районе Нагасаки). В 1639 г. было окончательно запрещено исповедание христианства. Португальским кораблям, поскольку они доставляли христианских миссионеров, запрещалось даже приближаться к японским берегам. Так Япония изолировала себя от остального мира.

* Ронин – самурай, не имеющий покровителя-сюзерена.

Изоляция удобрила в Японии почву для культивирования различных феодальных принципов домостроя и социальных норм поведения. Так, в период изоляции получил распространение принцип лояльности, лежащий в основе *дзюнси* — обычая, согласно которому вассал в случае смерти сюзерена следовал за своим господином в могилу. Этим же принципом определялся обычай кровной мести (*катакиутси*), когда самураем должен был отомстить за насильственную смерть своего господина или старшего члена семьи. В японской национальной литературе в связи с этим долгое время популяризировался «подвиг 47 ронинов» (1702), которые после смерти сюзерена сделали себе хакарири.

Изоляция страны негативно отразилась на экономическом развитии, однако она способствовала консолидации всех компонентов японской национальной психологии. И когда в середине XIX в. Япония встретилась лицом к лицу с иностранными державами, японская традиционная культура, законсервировавшаяся в эпоху Токугава, могла успешно противостоять воздействию иноземной культуры. При этом она усваивала рациональные элементы западной культуры.

Незавершенная буржуазная революция 1867–1869 гг., известная под названием «Мэйдзи исин» — «реставрация Мэйдзи» (по посмертному имени японского императора Муцухито, правившего с 1868 по 1911 гг.), положила начало некоторым реформам, приведшим к коренным изменениям в области экономики, политики, культуры. События последующих лет привели к ряду существенных изменений в системе социальных отношений, однако они мало повлияли на психологию нации. Островное положение Японии, длительная изоляция от внешнего мира не могли не отразиться особым образом на характере народа. У японцев сложились такие национально-психологические качества, как трудолюбие, организованность, готовность к безоговорочному подчинению, настойчивость, выдержка, нетребовательность в отношении жизненных условий.

Хотя не все из этих черт обладают одинаковой степенью существенной устойчивости, они четко прослеживаются как в феодальный, так и в капиталистический периоды Японии.

Американский исследователь Дуглас Харинг отмеча-

ет в связи с этим, что формирование таких черт, особенно готовности к безоговорочному подчинению, происходило под влиянием более трехсотлетнего господства в стране тоталитарной системы угнетения, основанной на всепроникающем шпионаже и полицейском произволе. То, что было создано при Токугава, как считает Харинг, было лишь модифицировано и продолжено в постемэйдзийской императорской Японии [26]. Указанные качества способствовали развитию централизованного государства. Япония быстрыми темпами реорганизовала промышленность, ввела усовершенствования в сельское хозяйство, реформировала общественное устройство. Самурайский воинский дух побуждал народные массы на борьбу за «доблесть нации». За какие-нибудь три-четыре десятилетия Япония шагнула очень далеко. Не будь у этой нации соответствующих психологических качеств, буржуазные отношения не получили бы столь интенсивного развития, как это имело место после выхода Японии на путь капиталистического развития.

В августе 1945 г., когда Япония потерпела поражение в войне и японский император объявил о безоговорочной капитуляции, многие японцы восприняли эту весть как величайшую катастрофу. Официальное опровержение идеи божественности императора, а следовательно, божественного происхождения японской нации, как гром среди ясного неба, поразило японцев. Но хотя японское общественное сознание и вынуждено было резко переориентироваться на совершенно новые идейные позиции, оно сохранило в своих глубинах ориентацию на унаследованные нормы. Именно об этом наглядно свидетельствуют материалы по изучению японского национального характера, которое проводится в Японии Институтом математической статистики с 1953 г. регулярно через каждые пять лет [224].

Исследования показывают, что японцы не склонны отказываться даже от того, что уже сами считают устаревшим. Это касается, в частности, принципов домостроя, традиций, этикета и т. д. Так, на вопрос «Как вы думаете, замужняя женщина должна заниматься только домашними делами или еще работать на производстве?» — 78% мужчин и женщин сказали, что ей лучше сидеть дома. На вопрос «Есть ли врожденная разница в умственных способностях мужчины и женщины?» —

62% мужчин и 63% женщин ответили утвердительно (в обоих случаях опрашивалось по 700 человек). На вопрос «Стоит ли японцам обходиться без привычных оборотов вежливой речи, в частности без многообразных форм „я“, „ты“, „вы“» – 60% опрошенных ответили, что этого делать не стоит, и лишь 28% назвали существующую практику общения устаревшей. Не менее показательны ответы японцев по вопросу о самоубийстве, по поводу взглядов на кодекс поведения и т. д.

Японский язык

На японском языке сегодня говорят 115 млн. человек в Японии. Отдельные группы населения, понимающие японский язык, живут в Корее, Гонконге, на Тайване, Гавайях, Гуаме и в некоторых районах Бразилии. Хотя японский язык построен на той же иероглифической основе, что и китайский, общность двух языков ограничивается письменностью. Сам же японский язык, его грамматика и лексика относятся к языкам не аналитическому, как китайский, а агглютинативного строя. Да и генетически они различны.

Японцы не имели исконно японской письменности и свои древние хроники записывали китайским письмом. Конечно, японцы приспособили китайские иероглифы к фонетическому строю своего языка, но это внесло большие трудности не только в систему письма и чтения, но и в понимание японского текста. Японские слова, записанные такими иероглифами, произносимыми на японский лад, нередко обозначали совсем другие реалии, чем слова, записанные аналогичными иероглифами в китайском тексте. В связи с этим японцы стали использовать фонетические системы *хирагана* и *катакана* (объединенных под общим названием *кана*). С помощью *кана* японцы начали записывать слова, для которых не находилось китайских смысловых иероглифов. Кроме того, *кана* оказалась удобной для обозначения служебных глаголов, окончаний знаменательных глаголов и грамматических частиц. Таким образом, японцы теперь используют и иероглифы и *кана*.

Если взять наугад какую-нибудь страницу современного японского журнала, то на ней будет в полтора-два

раза больше *кана*, чем иероглифов. Это соотношение изменяется в зависимости от характера текста. Обычно иероглифами в японской литературе записывают слова, обозначающие предметы, действия, состояния, признаки и т. п. Так, если передать на японский язык предложение «человек приехал из города», надо корневые морфемы «человек», «город» и «ех» в слове «ехал» обозначить иероглифами, а послелог «кара», соответствующий русскому предлогу «и з», — значками *кана*.

Перед второй мировой войной в известных токийских газетах употреблялось от 7500. до 8000 иероглифов. Первая попытка сократить количество употребляемых иероглифов относится к 1872 г., когда было предложено довести их до 3167. В 1946 г. министерство просвещения рекомендовало сократить этот список иероглифов до 1850. Принята также упрощенная и сокращенная форма написания около 740 иероглифов. В настоящее время число употребляемых иероглифов в японской прессе доходит до 4—5 тысяч, а в специальной литературе — до 8—10 тысяч. Как видно, японская письменность представляет собой смешанную идеографически-фонетическую систему. Иероглифы — символ того, что является у японцев общим с некоторыми другими странами Дальнего Востока (Китай, Корея и др.), а *кана* делает японскую письменность уникальной по сравнению с названными странами. Японцы считают, что в совокупности их письменность дает возможность по особому ощутить национальную самобытность. Японская специфическая речь еще ярче оттеняет это ощущение (см. четвертую главу).

2. ЧТО ПИШУТ О ЯПОНЦАХ?

Вопросы национального характера японцев уже не одно десятилетие занимают историков, философов, психологов различных стран. Сейчас можно говорить о массовом увлечении на Западе различными аспектами духовной жизни японского народа. Исследователи западных стран пытаются проникнуть в сущность общественного сознания японцев, стараются понять мотивацию поведения японской нации.

Большинству западных авторов свойственна субъективность в оценке национальной психологии японцев. При рассмотрении различных ее сторон западные исследователи не всегда учитывают социально-экономические факторы, их влияние на духовную жизнь японцев. Одной из наиболее характерных работ в этом плане является вышедшая в 1947 г. книга американского этнографа Р. Бенедикт «Хризантема и меч» [163].

«Хризантема и меч» была первой послевоенной книгой о японском национальном характере и пользовалась исключительной популярностью. В том же году в Токио был опубликован ее перевод на японский язык. Американские оккупационные власти, очень хотевшие, чтобы общественность потерпевшей поражение Японии познакомилась с этой книгой, содействовали ее публикации большими тиражами. Выход книги в значительной степени стимулировал последующие исследования о японском национальном характере.

Р. Бенедикт никогда не жила в Японии. Работу над книгой она начала в июне 1944 г., когда американские войска высадились на о-в Сайпан. Американские власти поручили Р. Бенедикт проделать исследование о японском национальном характере в узко практических целях: политическим и военным деятелям нужен был материал для определения военной стратегии и послевоенной политики в отношении Японии. Р. Бенедикт, в частности, исследовала следующие вопросы, которые дебатировались американскими политиками и военными, планировавшими и принимавшими решения в отношении Японии: «Возможна ли капитуляция без вторжения? Следует ли бомбить императорский дворец? Что можно ожидать от японских военнопленных? Потребуется ли после установления мира введение в Японии постоянно действующего военного закона, чтобы поддерживать порядок? Следует ли американской армии быть готовой к ожесточенному сопротивлению японцев в каждом укрепленном горном ущелье? Не произойдет ли в Японии революция подобно французской или русской до заключения мира? Не является ли альтернативой революции искоренение японцев как нации?» и т. д.

Характерна реакция японских ученых на книгу.

В 50-х годах ряд японских ученых выступили с опровержениями. Так, прогрессивный японский психолог Хироси Минами показал, что книга Р. Бенедикт хотя и всеобъемлющее исследование, но представление автора о «рядовом японце» оказалось во многом устаревшим. В своем исследовании Р. Бенедикт ограничивалась в основном сведениями о японцах, проживавших в США, а также данными, почерпнутыми из японских фильмов и довоенных литературных источников, вследствие чего подход автора к психологии японцев оказался предвзятым. Указывалось, что в книге немало надуманных утверждений [199].

Хотя формулировки Хироси Минами, пожалуй, слишком категоричны, в целом его критика не лишена оснований. Со своей стороны, мы бы добавили, что в концепциях Р. Бенедикт проступает фрейдистский подход к толкованию социальных процессов, автор при характеристике психического склада японцев оперирует такими психоаналитическими моделями, как «культура вины» и «культура стыда». В целом правильно характеризуя японца как воплощение межличностных обязательств (семейных, групповых, общинных) и подмечая его оглядку на тех, с кем он находится в постоянном общении, Р. Бенедикт относит японскую культуру к «культуре стыда» (западную она называет «культурой вины»). Утверждать, как это делает автор, что «стыд» является движущей силой японской нации, — это закрывать глаза на социальную основу развития человеческого общества — способ производства.

Известно, что стыд и вина относятся к моральным категориям и с точки зрения советской психологии — это переживания индивидуального плана. Без сомнения, «стыд» и «вина» проявляются в виде эмоциональных оценок. Но это всегда эмоции конкретного человека, имеющие место в конкретной ситуации, их проявление у целой этнической общности не доказано на фактах и не обосновано логически. Несмотря на существенные недостатки, книга Р. Бенедикт оказала значительное воздействие на характер дальнейшего развития японской этнопсихологии.

Много шума наделала книга Исайя Бен-Дасан «Японцы и евреи» [161]. Момент появления книги был необычным. Он связан с бурными событиями, происходившими в то время в Японии. В ноябре 1970 г. покончил жизнь са-

моубийством Юкио Мисима, буржуазный писатель, который призывал к возрождению японского самосознания, к военно-фашистскому перевороту и подчеркивал исключительность японской нации. Газетная шумиха вокруг этого самоубийства продолжалась до весны 1971 г. На международной арене и в самой Японии в этот период отмечались серьезные изменения: японо-американская «текстильная война», «долларовый шок», значительные сдвиги в сфере отношений Японии с США и Китаем и т. д. Во всем мире заговорили о японском «экономическом чуде». Одновременно стали много говорить о моральной деградации японской нации. Все это побудило японцев сделать «переоценку ценностей», заставило задуматься над тем, куда идет Япония. В результате – поток исследований японского национального характера.

Проводя идею о некоторой схожести в формировании национальных особенностей японцев и евреев, Бен-Дасан утверждал, что вся целиком японская нация представляет собой единую массу верных последователей так называемого японизма, что японцы фактически не имели своей подлинно японской базы развития, что они никогда определенно не высказывали своего мнения, что они не выступали творцами своей жизни, а лишь приспосабливались к обстоятельствам. Бен-Дасан указывал на примитивность социальных процессов в японской истории и подчеркивал, что каждый якобы может понять психологию японца, не прибегая к научному анализу. Такой произвольный подход к исследованию особенностей психического склада нации, по справедливому замечанию японского психолога Хироси Минами, свидетельствует о научной некомпетентности автора.

Несомненный вклад в исследование отдельных сторон японского национального характера внес американский ученый японского происхождения Хадзимэ Накамура своей работой «Образ мышления восточных народов» [205].

В книге исследуется культура Индии, Китая, половина книги отводится Японии. Х. Накамура указывает на особое умение японцев отобрать в других культурах то, что представляет для них интерес на конкретном этапе их исторического развития. Например, буддизм после его появления в стране в VI в. был воспринят именно как буддизм, который требовался Японии в тот период, т. е. в весьма простых своих формах.

Автор книги прослеживает, каким образом, опираясь на свою культуру и традиции, Япония заимствует иностранный опыт и создает новое. Как взаимодействуют эти элементы, определяя своеобразное сочетание консерватизма и динамизма. Этот механизм регулирования заимствований при сохранении традиции, как мы видим, исторически изменялся, но никогда не исчезал.

Французский исследователь Р. Гийен в своей книге «Япония: третья великая» делает серьезный анализ промышленной и финансовой структур страны [177]. При этом он показывает те стороны национального характера, которые позволили японцам превратить свое государство в «великую мировую державу». Он высоко оценивает японское усердие и рвение и с похвалой отзывается о трудолюбии народа, чьи усилия и поддерживают экономический прогресс, создают динамичность экономики.

Р. Гийен видит Япониию как страну с «двухъярусной культурой», где сосуществуют новая и старая культуры. Он показывает, что приверженность японцев к древним традициям — это способ ухода от мирской суеты, и сожалеет о том, что «самый артистичный в мире народ» делают соучастником в «преступлениях торгашества», которое разрушает природную красоту Японии. Р. Гийен считает, что только старая культура может противостоять «губительной модернизации». Он полагает, что «двухъярусная культура» будет существовать еще долго.

Американский ученый Р. Халлоран, много лет проживший в японской семье и глубоко вникший в специфику японского быта, провел социологическое исследование, которое легло в основу его книги «Япония воображаемая и действительная» [179]. Как и Р. Гийен, он отмечает, что японской культуре и национальному характеру свойственно ярко выраженное своеобразие. Важная черта этой культуры — ее приверженность традиции и активность в восприятии нового. Р. Халлоран при этом отмечает, что Япония не просто заимствует элементы зарубежной культуры, она их определенным образом трансформирует и перерабатывает. В книге обстоятельно аргументируется мысль о том, что в японской культуре имеется специальный механизм, позволяющий ассимилировать элементы чужих культур с последующим их преобразованием.

Известный вклад в изучение национальной психологии внесла работа С. Галика «Восток и Запад» [178]. В книге

исследуется широкий круг вопросов, связанных с анализом психического склада различных этнических обществ Востока. При этом Японии уделяется особое внимание. Автор подробно рассматривает формирование японского национального характера, описывает семейную систему Японии, религиозные верования, этические и социальные ценности японской нации. Он выделяет как устойчивые черты японского характера вежливость, любовь к природе, самообладание, быструю реакцию на новое.

Японцы о японцах

В Японии существует самостоятельная школа этнопсихологов. Эта школа имеет определенные достижения в исследовании национальной психологии японцев. Однако японские авторы стремятся по тем или иным признакам национального характера противопоставить японцев другим этническим общностям, забывая при этом, что различия возникают между нациями в процессе исторического развития.

Хироси Минами в своих работах [291–293], обращая внимание на своеобразие соотечественников, отмечает как самую важную черту в характере японцев склонность к самоанализу. Он считает, что эта черта возникла и укоренилась потому, что другие страны будто бы постоянно бросали Японии вызов, а японцам нужно было обдумывать свои действия. Нечто подобное мы находим в работах и других авторов. Исследователи-японцы всегда выделяли набор черт характера, отличающих японцев от представителей других этнических общностей.

Типичной в этом отношении является работа Яити Хага «Десять очерков о национальном характере» [343], в которой отмечаются следующие национальные особенности японцев: преданность властям и патриотизм; почитание предков и соблюдение чести семьи; секуляризм и практицизм; умение наслаждаться природой; оптимизм и искренность; элегантность и изящество; художественное мастерство; чистота и простодушие; учтивость и великодушие.

Итиро Кавасаки в книге «Япония без маски» [194], однако, дает несколько другой перечень. Эта книга произвела сенсацию как работа, в которой в резкой форме даются

негативные характеристики японцев. «Япония без маски» вызвала критику со стороны прогрессивной японской интеллигенции за надменное и презрительное отношение Кавасаки к своим соотечественникам. В 1970 г. как бы в продолжение «линии Кавасаки» вышла работа Осаму Такахаши «Безобразные японцы», в которой резко критикуется авторитаризм, бюрократизм, формализм и другие отрицательные черты японцев.

Некоторые японские исследователи делали попытки изучать национальный характер своего народа в широких рамках истории Японии, а также путем сравнения культур. В этой связи упомянем работы «Структура сознания японцев» и «Окружающая среда и культура Японии», принадлежащие перу Юдзи Айда [351, 352]. Он рассматривает японскую культуру в сопоставлении с культурой других народов мира. Айда критически настроен в отношении заимствованной чужестранной «послевоенной демократии». Он подчеркивает чувствительность японцев, их внимание к чувствам и нуждам других, подчинение личных интересов общественным, точнее, групповым. Другой японский ученый, Такэо Дои, в своем исследовании «Структура амаэ» [247] сосредоточивает внимание на индивидуальной психике японцев. Он строит доказательства, идя от индивидуальной психологии к культуре. Дои определяет *амаэ* как «зависимость от благожелательности других». Согласно его точке зрения, такая зависимость является центральной эмоцией японца. Дои строит теорию *амаэ*, исходя из опыта клинической психиатрии, и экстраполирует переживание того или иного человека на весь психический склад нации. В этом есть, несомненно, натяжка, хотя некоторые моменты подмечены довольно точно.

Работы современных авторов во многом базируются на идеях, изложенных еще в сочинениях прошлого века. В этом отношении характерны классические трактаты Сицурэй Миякэ [295], в которых довольно красочно описываются привлекательные стороны японского национально-го характера, а именно: умение восторгаться красотой, отделять добро от зла, избегать соблазнов. Идеи Миякэ призывают на помощь каждый раз, когда хотят противопоставить японскую культуру западной. Так, например, сделал Томио Тэдзука в работе «Размышления о молчаливой Японии», где анализируется функция религии в структуре японского национального характера [340].

Книжный мир наводнен работами японских авторов, где национальный характер рассматривается с разных точек зрения. Вместе с тем каждый автор считает своим долгом сосредоточить внимание на конкретном круге своеобразных черт. Здесь нет необходимости приводить все работы. Ограничимся обзором приведенных исследований в надежде, что это даст достаточное представление о выдвинутой проблеме.

Русские о японцах

Основной чертой ряда исследований в буржуазной русской литературе является подчеркивание экзотичности Японии и национального своеобразия. Это соответствовало европоцентристской концепции, согласно которой Восток рассматривался как «окостеневший старый мир», уже не способный к самостоятельному возрождению, импульс развитию которому могла дать только западная цивилизация. Известно, что подобные теории служили оправданием колониальной политики западных держав, в том числе заключению неравноправных договоров с Японией. Такое представление о Востоке связано с метафизическими взглядами на восточные общества как на традиционные, застойные, лишённые динамизма, свойственного якобы только странам Запада.

Революционные демократы 60–70-х годов прошлого века видели будущее Востока в его свободном, прогрессивном развитии и постепенно прокладывали пути к более правильному, научному пониманию истории Японии и ее национальной культуры. Под влиянием идей революционных демократов находились многие из писавших о Японии в то время. К их числу принадлежат такие видные деятели русской науки и культуры, как А. И. Воейков, А. Н. Краснов, Д. Н. Анучин и др.

О трудах русских исследователей, в которых все они касаются национально-психологических особенностей японцев, подробно рассказывает известный советский востоковед К. М. Попов в своей книге «Япония» [123].

В дореволюционной России книг о Японии издавалось значительно меньше, чем в Западной Европе или Америке, однако старые русские исследователи, испытавшие влияние идей революционных демократов — этого нового

направления в общественной мысли дореволюционной России, — смогли глубже проникнуть в существо происходивших в Японии социально-политических процессов.

В 1871 г. была издана работа М. И. Венюкова «Обозрение японского архипелага в современном его состоянии» [42]. Во второй части этой работы — «Японцы дома и в обществе» М. И. Венюков описывает сословия, быт, нравы и обычаи, религию и т. д. Он пытается представить общий ход развития японской культуры. Автор также уделяет внимание вопросам литературы, искусства, организации семьи.

Весьма ценным представляются путевые записки А. И. Воейкова [47], побывавшего в Японии в 1876 г., когда страна уже была открыта для иностранцев. Наряду с другими сведениями ему удалось собрать значительный фактический материал о культуре, быте и нравах японского народа. Его особенно интересовало, как японцы проявляют себя в борьбе со стихией, как взаимодействуют с природой.

В 90-х годах дважды совершил поездку в Японию крупный русский ученый-географ профессор Харьковского университета А. Н. Краснов. Первый том его капитального труда «Чайные округа субтропических областей Азии, условия произрастания и свойства чайных культур на Востоке, организация чайного дела» [95] полностью посвящен Японии. Автор выходит за рамки заголовка и подробно описывает население страны, его быт, систему народного образования, религию.

Если многие из изучавших Японию исследователей стремились отразить в своих работах личные впечатления, то Д. Н. Анучин первым из русских дает основательное описание страны и его населения, основанное на исторических источниках. В очерке «Япония и японцы» [25] он пишет о происхождении японской нации, об особенностях ее культурного развития, а также о нравах и обычаях. Д. Н. Анучин заметил такую черту японского национального характера, как стремление к заимствованиям и умение творчески перерабатывать новшества. Автор подчеркивает чувство национальной гордости и достоинство, преданность своему народу, готовность к самопожертвованию, храбрость, терпение, выносливость японцев.

В 1881 г. была опубликована работа русского географа и социолога Л. И. Мечникова «Японская империя (страна, народ, история)» [103]. Автор пробыл в Японии с 1874 по

1876 г. по приглашению официальных властей для чтения лекций в Токийском университете. Во второй части книги он рассказывает о населении Японии, ее духовной культуре, национальных особенностях японцев.

В 1903 г. вышла книга русского консула Григория дэ Воллан «В стране восходящего солнца». Автор характеризует японцев как нацию со своеобразной культурой, способной к заимствованиям, которые как бы дополняют ее собственные духовные ценности. Вместе с тем автор подчеркнул умение японцев сохранять самобытность.

В 1904 г. вышла книга «Япония и ее обитатели» — сборник очерков русских исследователей П. Ю. Шмидта, В. Л. Ранцова, Д. М. Бурова и Г. Востокова.

В разделе «Природа Японии» П. Ю. Шмидта высказывается в целом верное, но несколько прямолинейное мнение о влиянии способа ведения сельского хозяйства на формирование национального характера японцев. Он подчеркивает, что ручной труд на небольших по площади рисовых полях приучил японца к кропотливому труду, заставил быть аккуратным и расчетливым до крайности. То, что японцу не приходилось иметь дело с домашними животными, обуславливает, по его мнению, мягкость манер, вежливость и деликатность японского крестьянина. В то же время автор очерка отмечает и отрицательное воздействие природных условий и способов ведения сельского хозяйства на характер японцев. «Вечная мелкая борьба с природой, тяжелый ежедневный труд, непрерывные заботы о дневном пропитании — вызвали в душе лишь мелкие, эгоистические стремления, не оставляли досуга для более возвышенных стремлений д у х а, — того досуга, которым пользовались европейцы и которому они в значительной степени обязаны высоким развитием своей культуры. Мелочность, расчетливость, практическая складка, отсутствие высоких идеальных порывов и безразличное отношение к вопросам духа — эти черты, присущие японской нации, всецело являются результатом многовековой борьбы с природою за дневное пропитание, борьбы, так сказать, с голыми руками...» [159, с. 21].

П. Ю. Шмидт считает, что тяжелый, опасный труд по добыванию морепродуктов, постоянная борьба со стихийными бедствиями также не могли не отразиться на характере японцев. «Если японской народности свойственны подвижность и ловкость, если она обладает энергией и

предприимчивостью, — пишет П. Ю. Шмидт, — то в этом немалую роль играют те многовековые испытания, которые перенесла эта народность, отвоевывая у моря право на свое существование» [159, с. 25]. Он отмечает, что именно постоянное общение с богатой и разнообразной природой привило японцам «чувство изящного, склонность наслаждаться красотой».

«Исторический очерк Японии» В. Л. Ранцова посвящен этногенезу японцев и его влиянию на характер. Автор приходит к выводу, что японская нация образовалась от смешения племен, пришедших не только с островов юга и севера, но и с Азиатского материка. Она впитала в себя различные антропологические, культурные, языковые и психические особенности этих племен. В. Л. Ранцов подробно описывает влияние буддизма и китайской культуры на культуру Японии.

Г. Востоков в своем очерке отмечает, что исследователи быта, нравов и обычаев японцев при оценке японского национального характера пользуются сведениями следующих двух категорий. Первая — коммерсанты, которые сталкиваются преимущественно с представителями мелкой японской буржуазии. В подавляющем большинстве они отзываются о японцах дурно, считая их хитрыми, нечестными, скрытными, неспособными к упорному труду и склонными к переимчивости. Вторая категория источников — такие посетители Японии, как туристы и путешественники, которые во время кратковременного пребывания имеют возможность соприкоснуться, да и то поверхностно, главным образом с японской интеллигенцией и обслуживающим персоналом. Они слишком идеализируют японцев, восхваляя их ум, вежливость, веселый нрав, честность и т. д.

Г. Востоков, со своей стороны, отмечает у японцев сдержанность в проявлении чувств. «Выражать при посторонних сильную радость, печаль или страх считается у них неприличным, — пишет автор. — Это придает в глазах некоторых поведению японцев характер фальши и, во всяком случае, значительно затрудняет наблюдение японцев». Г. Востоков особо останавливается на таких чертах японского национального характера, как «артистичность натуры» и «отсутствие чувства личности». Он отмечает также быструю восприимчивость японцев ко всему новому, передовому, их трудолюбие и настойчивость. Г. Востоков подметил многое из того, что не заметили другие. «При по-

явлении в 1850-х годах американо-европейских эскадр, — пишет он, — они должны были признать свое бессилие; чувство национальной гордости, глубоко уязвленное сознанием превосходства европейцев, однако, не смирилось, и со свойственными им настойчивостью и стремительностью японцы задались целью овладеть этим превосходством, которое в их представлениях сводится к техническому прогрессу и к военным усовершенствованиям, и не только овладеть, но и превзойти. И вот они в тридцать лет совершили в своей стране переворот, в сравнении с которым наши шумные европейские революции представляются топтанием на одном месте. Если в этом перевороте японцами руководило чувство национального достоинства, то национальная гордость стала увлекать их дальше. Утвердившись в мысли, что они сравнились с европейцами в культуре, японцы не удовлетворились сознанием такого равенства и стали мечтать об исключительном признании своего народа в истории человечества. Народился своего рода японский мессианизм» [159, с. 360].

Хотя оценки японцев, даваемые вышеназванными русскими ориенталистами далеко не полны и теоретически недостаточно фундированы, они заслуживают внимания как серьезная предпосылка к созданию важного направления в японоведении — исследования японского национального характера.

Японцы в работах советских авторов

Исследование проблем японского национального характера получило свое дальнейшее развитие в нашей стране после Великой Октябрьской революции. В этом были свои трудности, которые объяснялись отсутствием межличностных контактов с Японией.

Анализируя советскую литературу о Японии 20—30-х годов, считаем целесообразным указать на такие, вызвавшие в свое время немало споров, две книги о японцах, как «Корни японского солнца» (1927 г.) и «Камни и корни» (1935 г.) Б. Пильняка — первого советского писателя, побывавшего в Японии (в 1926 и 1932 гг.).

Указанные две книги представляют собой краткие очерки, рассказывающие о быте, культуре, политическом строе японцев. В своей основе они достаточно субъектив-

ны. В книге «Корни японского солнца» автор указывает на такие национальные особенности японцев, как «развещественность», т. е. отсутствие зависимости от вещей. По мнению автора, эта особенность главным образом отличает японцев от других этнических общностей. Вторая книга Б. Пильняка «Камни и корни» насыщена такими эпитетами, которые еще более подчеркивают уникальность японцев. В результате Б. Пильняк приходит к выводу о том, что «никогда человек Запада не проникнет в душу японца».

Значительный вклад в исследование проблем японского национального характера внес советский ученый Н. И. Конрад. В своих исследованиях, анализируя японские сказания, мифы, песни, литературные памятники и театр, он нарисовал яркую картину японской жизни, касаясь и вопросов японской национальной психологии, рассматривая многие национальные черты поведения. Так, анализируя страницы древнего японского эпоса «Кодзики», Н. И. Конрад замечает: «„Кодзики" — своя, родная, близкая каждому японцу книга. К ней восходит все то, что составляет исконное, освобожденное от всяких примесей содержание японского национального духа. „Кодзики" — ключ не только к японской мифологии, религии, истории, литературе, но и к самой Японии, к самим японцам. Через „Кодзики" мы познаем и „век богов" и эпоху Тэмму; через нее же мы, как нельзя лучше, приближаемся к „подлинно японскому" и в современной Японии» [90, с. 150]. Н. И. Конрад по-особому, через поэзию и прозу лучших японских литераторов, демонстрирует читателю воинственность самураев и трудолюбие крестьян, властолюбие японской аристократии и удивительную простоту труженика. В работах Н. И. Конрада японская культура предстает в своей уникальности.

В последние десятилетия в нашей стране появляется все больше работ, авторы которых стремятся полнее понять японский национальный характер, особенности японской культуры. Этот интерес неслучаен. Он вызван, с одной стороны, бурным экономическим ростом Японии после второй мировой войны, а с другой — расширением торгово-экономического и культурного обмена между Советским Союзом и Японией. Здесь следует обратить внимание на работу Н. Т. Федоренко «Кавабата: взгляд в прекрасное» [145].

Описывая дом Я. Кавабата, где Н. Т. Федоренко беседовал с этим выдающимся литератором, советский ученый говорит о том, что он испытывал «ощущение развешествленности, освобождения человека от вещей, прелесть чистого пространства, скромной красоты». В этой связи автор вспоминает и книгу Б. Пильняка «Корни японского солнца», где также говорится, что «японцы освободились от зависимости перед вещью». В очерке Н. Т. Федоренко отмечается вежливость, гостеприимство японцев как важная черта национального характера. В разделе «Ощущение Японии» читаем: «Передо мною раскрылся вид на японский традиционный сад. И я подумал, долго ли еще будет сохранять свою силу закон японского гостеприимства: не задерживать уходящего, не прогонять приходящего?»

Очерчивая на основе творчества Я. Кавабата психические особенности японцев, Н. Т. Федоренко, в частности, одну из самобытных черт видит в особом ощущении поэзии. «В художественном опыте Кавабата, — отмечает автор, — ясно прослеживается влияние эстетических воззрений дзэн, основанных на внутреннем созерцании. Дзэн — значит выявить все свои духовные силы и вступить в пределы „не-я“, пережить целостность мира. Состояние дзэн достигается медитацией — сидя в надлежащей позе, сосредоточить духовные силы на одном и обрести познание». Н. Т. Федоренко обращает внимание на подсознательную основу мирозерцания японцев. Эти же идеи акцентировались автором и ранее в его работе «Японские записки» [146]. В работах Н. Т. Федоренко представлена яркая картина японской действительности, колоритная и сочная.

Несколько под другим углом зрения подходит к Японии В. В. Овчинников. В книге «Ветка сакуры» [112] на богатом фактическом материале даются зарисовки жизни, быта японцев, различных сторон национальных традиций.

Следует отдать должное таланту В. В. Овчинникова, его стремлению разнопланово показать национальный характер, выявить различные стороны японских традиций. Автор говорит о происхождении таких черт национального характера японцев, как обостренное чувство прекрасного, чувство собственного достоинства, уважение к окружающим людям, скромность и др., хотя не делает должного акцента на исторически сложившихся условиях жизни японцев, которые определили национальный характер.

«Можно сказать, — пишет В. В. Овчинников, — что понимание красоты заложено в японцах от природы — от природы в самом буквальном смысле этого слова. И здесь уже можно говорить не только о влиянии синто, но и о том глубоком следе, который оставил в японском искусстве буддизм» [112, с. 41]. Многие черты японского национального характера, такие, как понимание красоты, любовь к природе, он выводит непосредственно из упомянутых религиозных доктрин.

Особенно большую ценность для нас представляет книга С. А. Арупонова и Г. Е. Светлова «Старые и новые боги Японии» [29]. Авторы, в доступной для широкого читателя форме излагают развитие и функционирование основных японских религий, красочно повествуют о различных сторонах японской национальной психологии. Это в значительной степени удастся им потому, что они во многом опираются на личные наблюдения во время своих длительных путешествий по Японии. Размышления и суждения С. А. Арупонова и Г. Е. Светлова помогли полнее представить систему социальной регуляции поведения японцев, которая освещена в специальной главе нашей книги.

Заметный вклад в исследование проблематики психологии японцев внесла книга С. И. Королева «Вопросы этнопсихологии в работах зарубежных авторов» [91]. По существу, это первый в советской литературе опыт систематизированного критического анализа существенных вопросов зарубежной этнопсихологии и, в частности, исследования японского национального характера.

С. И. Королевым проделана большая работа по отбору наиболее ценного из того, что было создано наукой, и произведен анализ основных зарубежных направлений этнопсихологических исследований. Книга содержит интересные положения, важные для раскрытия проблемы японской этнической общности. Нами были учтены приводимые автором доказательства того, что психический склад конкретной нации является следствием совокупности ряда природно-биологических факторов и накопленных за длительный исторический период преемственно передаваемых особенностей.

Следует назвать также и книгу И. А. Латышева «Япония наших дней» [98], где дана развернутая картина социальных процессов современной Японии. Автор на большом

фактическом материале рисует политические и бытовые сцены японской действительности периода превращения Японии в один из трех капиталистических центров мирового экономического соперничества. В книге прослеживается влияние научно-технической революции на возникновение и распространение в Японии так называемой «массовой культуры». Страна наводняется всеми видами массовой коммуникации — телевидением, комиксами, рекламой, кинобоевиками. Все это, как убедительно показывает И. А. Латышев, создает в Японии атмосферу «западности». Однако японцы, говорит автор, все же остаются японцами. Они находят в себе силы противостоять этому бездуховному «наводнению». В этом несомненно сказывается проявление японского национального характера, национального самосознания и национальных чувств народа.

Заметный вклад в понимание национального характера японцев внесла Т. П. Григорьева [62—66]. Представляют интерес суждения автора об особенностях мышления японцев и некоторых аспектах формирования отдельных черт национального характера. Т. П. Григорьева назвала свою главную книгу «Японская художественная традиция», однако содержание ее намного шире. Как верно отмечено в рецензии Е. Б. Поршневой [125], Т. П. Григорьева «нырнула» в глубину японской истории, к истокам японской традиции, к основам духовной жизни японской нации. И это позволило ей «увидеть», ощутить исток психического склада японского народа. Т. П. Григорьева сумела увидеть связь японской художественной традиции с традиционной моделью мира японцев.

Поистине богатейшие россыпи сведений и суждений о национальном характере японцев представлены в работах советских философов, историков, этнографов, литераторов. В этих работах отражена социальная история японцев и показаны доминирующие черты их поведения. Основанные на достоверных фактах, эти работы дают нам возможность оценить многие аспекты всех сторон современной общественно-политической и быденной жизни японского народа.

В данной книге мы, опираясь на соответствующие социально-психологические исследования, а также личные наблюдения, показываем особенности японского национального характера и его проявления в различных аспек-

тах реальной действительности. Мы обращаем особое внимание на специфику социальной регуляции поведения японцев и своеобразии социальной коммуникации в японской культуре. Все это позволит читателю полнее ощутить духовный мир японца, а следовательно, и найти с ним больше точек соприкосновения.

3. ЧЕРТЫ ХАРАКТЕРА ЯПОНЦЕВ

Национальный характер, как указывалось выше, представляет собой объективную реальность и выступает в виде системы специфических черт. Ф. Энгельс отмечал у англичан, например, практицизм, эмпиризм, формализм... [9, с. 10]. К. Маркс указывал такую черту, как староанглийский юмор [4, с. 342]. По отношению к национальному характеру применимо положение И. П. Павлова, относящееся к характеру как к общепсихологическому явлению (в этом плане мы разделяем точку зрения А. И. Горячевой [60, с. 105]): «Если вы представите, — говорил И. П. Павлов, — отдельные черты совершенно врозь, то, конечно, вы характера... не определите, а нужно взять систему черт и в этой системе разобрать, какие черты выдвигаются на первый план, какие еле-еле проявляются, затираются и т. д.» [114, с. 564].

Опираясь на данное методологическое положение, мы составили представление о системе черт японского национального характера, используя литературные источники, мнение людей, имевших длительное общение с японцами, и, наконец, свои личные наблюдения. В нашем исследовании, как это принято в социальной психологии, черты национального характера сгруппированы по принципу «этническая общность — группа — личность».

В японском национальном характере, по нашему мнению, рельефно выделяются: а) общеэтнические черты — трудолюбие, сильно развитое эстетическое чувство, любовь к природе, приверженность традициям, склонность к заимствованиям, этноцентризм, практицизм; б) черты группового поведения — дисциплинированность, преданность авторитету, чувство долга; в) обыденно-житейские черты — вежливость, аккуратность, самообладание, бережливость, любознательность.

Общезнаменительные черты

Трудолюбие и связанное с ним усердие во всех сферах трудовой деятельности — важнейшая черта японского национального характера. Конечно, трудолюбие присуще и другим народам. Вряд ли можно сказать, что, например, немцы, американцы, англичане менее трудолюбивы. Однако трудолюбие японца или немца — это не одно и то же. Немец трудится размеренно, экономно, у него все рассчитано и предусмотрено. Японцы отдаются труду самозабвенно, с наслаждением. Присущее японцам чувство прекрасного они выражают и в процессе труда.

В японском языке есть специфическое выражение *фурю*. Оно состоит из иероглифов *фу* — ветер и *рю* — поток, понятие «ветра и потока» передает чувство прекрасного. Согласно утверждениям японского писателя Тэцудзо Таникава эстетическое чувство — это основа японского национального характера, именно та кардинальная черта, вокруг которой группируются все остальные [142, с. 72].

Всем известно, пишет Т. Таникава, что в каждой японской семье, как бы ни была она бедна, всегда находится горшок с растениями и панно-картина, висящее в специальной нише. Если имелся какой-нибудь маленький клочок земли, то на нем разбивался садик. В таких садиках сажали два-три дерева, ставили каменный фонарь, покрывали землю мхом и вели за садиком тщательный уход [142, с. 73]. Такие садики современные туристы находят во многих уголках японских больших городов. Если бы к тому имелась возможность, то каждая японская семья стала бы обладательницей подобного садика.

Известна тенденция японцев рано (в пятьдесят или пятьдесят с небольшим лет) удаляться от дел и предаваться эстетическому наслаждению природой — деревьями, цветами, птицами, ветром и луной, в соответствии с *фурю*. Все, что в представлении иностранцев соединяется с Японией, пишет Т. Таникава, — обучение женщин художественной аранжировке цветов, искусству чайной церемонии и сочинению стихов; обучение мужчин военным искусствам — имеет отношение к *фурю* [142, с. 74–76].

Японское фехтование носит название *кэндо*, японское искусство стрельбы из лука называется *кюдо*. Первое означает «путь меча», а второе — «путь лука». Под путем здесь, как известно, понимается не путь — дорога, а еди-

ный Закон, единый Путь всех вещей. «Путь меча» и «путь лука», получив такой философский аспект в сознании японцев, были возведены в разряд искусства, отвечающего требованиям красоты. В связи с этим основной целью стрелка из лука, например, должно быть не попадание в мишень, а овладение самим искусством стрельбы. Когда стрелок в совершенстве сможет овладеть каждым своим движением, когда он освободится от навязчивого желания во что бы то ни стало попасть в цель, стрела устремится к цели сама собою. Подобное относится к каратэ, дзюдо, айкидо *. Японцам свойственно умение улавливать движение жизни в самых скрытых ее формах. Эстетические нормы в большой степени определяют жизненную философию японцев, художественный вкус пронизывает весь уклад их жизни.

На протяжении многих веков в Японии культивировалось чувство прекрасного, превращаясь постепенно в своего рода религиозный культ поклонения красоте, который распространялся среди всех слоев населения.

Издавна обучение писать иероглифы не только правильно, но и красиво вырабатывало соответствующий эстетический навык. Поскольку система написания была сложной и при этом точность линии, ее красота и выразительность давались лишь путем эмоционального усилия, то переписывание иероглифов рассматривалось как занятие на уровне эстетики.

В японском языке имеются эстетические понятия *ханами* — любование цветами, *цукими* — любование луной и *юкими* — любование снегом. И в этих категориях языка выражается существенная часть повседневной жизни. Традиция поклонения прекрасному передается от поколения к поколению. Она сказывается во всем, проявляется в чувствах, словах и поступках. Сами японцы считают, что присуще им особое чувство красоты — это их национальное преимущество, которым иностранцы могут только восхищаться.

Повышенная восприимчивость к красоте сделала японцев чрезвычайно эмоциональными. Им свойственно смотреть на все с точки зрения личного переживания, даже тогда, когда поставленная цель может быть достигнута лишь путем трезвого объективного подхода. Конечно, лю-

* Более подробно о военных искусствах см. гл. III.

бовь к прекрасному свойственна всем народам, но у японцев это одна из важнейших черт и переживается ими как национальная традиция.

Традиция, точнее, традиционализм проник в поведение, помыслы и чаяния японской нации, стал важнейшей чертой ее характера. Сложившиеся в японском обществе традиции особенно ярко выражают преемственность в общественной жизни, закрепляя национальные, культурные и бытовые элементы. Японцы бережно относятся к культурному наследию прошлого, они сохраняют классический театр, чайную церемонию, икебана. В динамичном обществе XX века японцы ищут опору в постоянстве и находят его в традиционных формах искусства.

Новогодняя неделя в Японии — дань традициям и древности, а период цветения японской вишни — сакуры считается национальным праздником, и самый разгар его приходится на день рождения Будды. Цветок сакуры — символ мужественной души японца.

Японцы во всем видят смысл, уходящий корнями в далекую древность. На Новый год у каждого дома ставятся ветки сосны (символ долголетия, могущества), сливы и бамбука (символ постоянства и добродетели), развешиваются пучки соломы и узкие бумажные полоски, на которых пишутся новогодние пожелания. Соломенные пучки затем сжигают, «чтобы отогнать злых духов», как это делали в старину. Особенно сильно влияние на японцев традиционных ценностей семейной системы, которая всегда носила консервативный характер. Действия индивида ограничивались определенными рамками — ориентацией на семейный коллектив, полное подчинение главе семьи.

Отношение японцев к культуре, шедшей с континента, не исчерпывалось ни отталкиванием, ни слепым преклонением; достаточно часто оно приобретало характер соревнования, диалога, который стал внутренним принципом японской культуры. Заимствованные элементы иноземной культуры творчески переплавились, приобрели новый характер и постепенно становились составной частью японской традиции. Японию можно охарактеризовать как устойчивую и в то же время «открытую» систему культуры в противоположность странам типа Индонезии («открытая», но неуравновешенная культурная система, хотя традиции ислама и способствуют возникновению противо-

ложной тенденции) и типа Индии, Китая (устойчивый, «закрытый» тип, чрезвычайно неохотно уступающий иноземным влияниям). Психологически японская «открытость» ведет к совмещению любви к традиции с любовью к чужому и новому. Поэтому японский традиционализм — явление особого рода.

В современной Японии с большим вниманием относятся к традициям, к далекому прошлому, к памятникам старины. Японцы усиленно стремятся сохранить неизменными унаследованные от предыдущих поколений нормы поведения, формы культуры. Для них характерно бережное отношение к сложившемуся ранее укладу жизни как к культурному наследию, внимание не только к содержанию поведения, но и к внешним проявлениям, к стилю, благодаря чему форма поведения остается особенно устойчивой. Нынешняя обстановка в Японии свидетельствует о живучести традиций в политическом мышлении и социальном поведении японцев. Японский традиционализм оказывает многоаспектное влияние на общественно-политическую жизнь страны.

Япония благодаря своему островному положению и высокой плотности населения могла ассимилировать постепенно и перерабатывать все вновь доходившие до нее культурные влияния в соответствии со своими национальными задачами. После окончания периода самоизоляции во второй половине XIX в. здесь редко возникало желание создать защитный барьер против слишком сильного внешнего культурного натиска. Впитывая чужую культуру постепенно, Япония сумела сохранить свою исконную культуру, оперируя по своему усмотрению элементами привходящих культур, т. е. по-настоящему их ассимилируя, а не отгалкивая, как это были вынуждены делать многие другие культуры, чтобы просто сохраниться и выжить.

Японцы перенимали у других то, что представляло для них интерес на конкретном этапе их исторического развития. Каждый элемент чужой культуры осваивался таким образом, чтобы можно было его приспособить к японским условиям. В результате заимствования всегда носили прагматический характер, используя для тех или иных нужд. И это было не простое заимствование, а определенного рода гибкая трансформация в связи с теми социальными потребностями, которые возникали в разные периоды исторического развития. Во всем этом процессе четко виден

устойчивый этноцентризм, явившийся питательной средой одной из доминирующих черт японского национального характера — гордости за свою нацию.

Японский этноцентризм имеет глубокие исторические корни. Он обусловлен особенностями этногенеза, географическим положением и спецификой производства в стране, всем ходом социального развития. Оторванность от континентальных цивилизаций, постоянное опасение нашествия породили у японцев стремление к замкнутости, усилили националистические тенденции. В результате в психологии японцев особое значение приобрела сложная социально-психологическая система, в которой понятие «мы», т. е. японцы, четко противопоставлено понятию «они» — все, кто не японцы. Японцы любят все конкретное, образное. То, что не имеет образности, не возбуждает у них интереса.

Японцы объясняют это своей нелюбовью к абстракциям. В Японии и под философией понимают не то, что в Европе или в Америке. Европейцам, чтобы вникнуть в суть вещей, надо осуществить «отлет» от предмета, абстрагироваться, посмотреть на него со стороны. Лишь после такого мысленного оперирования с предметом европейцы получают затем конкретное представление о нем и осуществляют практическую деятельность с ним. Японцы же делают иначе: им свойственно проникновение в «глубь» предмета без особого абстрагирования. Такой метод «вхождения» заимствован ими у китайцев, чье мышление отличается удивительной конкретностью. При восприятии какого-либо нового предмета китайцы стараются припомнить, подыскать что-нибудь похожее, ранее встречавшееся. Когда им нужно понять это новое, они пытаются найти общие «зерна» его со старым, уже знакомым, и таким путем объясняют смысл и назначение нового. Вот несколько примеров из трактата Сунь-цзы о военном искусстве: «Удар войска подобен тому, как если бы ударили камнем по яйцу»; «Мощь — это как бы натягивание лука, рассчитанность удара — это как бы пуск стрелы»; «...мощь того, кто умеет заставить других идти в бой, есть мощь человека, скатывающего круглый камень с горы в тысячу саженей» [89, с. 31]. Такой тип конкретного мышления в Японии прослеживается как в науке и искусстве, так и в повседневной жизни.

У японцев, как и у китайцев, конкретность мышления

связана с особенностью языка и письменности. Складывание такой черты характера, как практицизм, во многом обусловлено привычкой выражать свои мысли конкретным образом.

Решая те или иные задачи, японцы действуют на основе своего предыдущего опыта, сопоставления результатов практических действий, а не путем абстрактных построений. Сталкиваясь со сложными ситуациями, они подходят к их решению с утилитарных позиций. Многие исследователи японского национального характера подчеркивают, что японцами принимается сразу то, что имеет для них практическую ценность. Этому соответствует и японская логика мышления: она основывается скорее на обстоятельствах, чем на заданных принципах.

Черты группового поведения

Группа – это объединение людей по различным признакам, например по возрасту, профессии, полу и т. д. Социальная психология под группой понимает такое образование, в котором люди осознают свою принадлежность к этому образованию, хотя мера и степень осознания этой принадлежности может быть различной [23]. Группа здесь выступает как «микросреда», в которой четко проявляются вполне определенные групповые черты. Подобное явление характерно для любой этнической общности, разница заключается лишь в степени групповой сплоченности. В Японии она очень высока. В системе черт группового поведения японцев выделяются прежде всего дисциплинированность, преданность авторитету и чувство долга.

В межличностных отношениях японцев дисциплинированность проявляется как стремление к упорядоченности. Эта черта предполагает строгое следование определенному порядку, совершение поступков, приемлемых для других, прилежное исполнение своего долга, бескорыстное уважение вышестоящих и старших.

В Японии существуют организации, называемые *кёдо-тай* (букв. объединение, община). Особенности этих организаций в значительной степени объясняются исторической традицией. Потребность коллективной организации работ и жизни тесно связана с групповым конформизмом. Японцы воспринимают организации как органические единицы. Для каждой организации характерна тенденция

быть всеохватывающим объединением в определенном месте (в деревне, на предприятии и т. п.) и включать всех потенциальных членов. В организации господствует патерналистское покровительство со стороны лидера, что ориентирует ее на особые ценности, создает атмосферу солидарности и как бы семейных отношений. Систему этих отношений называют отношениями *оябун-кобун*. *Оябун* означает личность со статусом *оя* (родитель), *кобун* — личность со статусом *ко* (ребенок). *Оябун* — глава объединения — выступает как защитник интересов группы, его роль сходна с ролью отца и главы семьи. От его способностей, статуса, личной привлекательности зависит функциональная прочность отношений *оябун-кобун*. *Кобун* — все остальные члены объединения — находятся между собой в таких же отношениях, как в семьях младшие и старшие братья, они должны беспрекословно следовать за *оябуном* в интересах стабильности объединения и, следовательно, жизненного благополучия каждого его члена. По своей организационной основе такие корпорации напоминают семейно-цеховое ремесленное производство.

В течение многих веков в сознании японцев культивировалась необходимость следования примеру вышестоящего. Это рассматривалось в качестве важной ценности жизни. Основой таких взглядов на взаимоотношения людей послужили идеи Конфуция, проникновение которых в Японию началось еще в IV в. Конфуцианство закрепляло традиционно-патриархальные устои и социальное неравенство, регламентировало общественные отношения, устанавливая строгую иерархию в семье и обществе. С самого детства японцу прививается привычка подчинять свое «я» интересам группы. В нем воспитывается сознание зависимости от семьи; первые поклоны, которым учат японского ребенка старшие, дают ему представление о субординации, о его месте в группе.

Строгая регламентация в структуре японского общества, система семейного воспитания и организация образования в стране привели к повышенной значимости авторитета. На первом плане издавна было «беспрекословное следование за авторитетом», а такие ценности, как удовлетворение личных интересов и достижение личного успеха, играли второстепенную роль. Поклонение авторитету и сейчас поддерживается различными средствами, рассматривается как социальная норма.

С эпохи феодализма в Японии популярно изречение, состоящее из пяти иероглифов: *хи-ри-хо-кэн-тэн* (несправедливость — справедливость — закон — власть — небо). Это выражение означает следующее: несправедливость подвластна справедливости, справедливость — закону, закон — власти, а власть подчиняется только Законам Неба.

В течение длительного времени в японском обществе культивировалась мысль о том, что хотя земная власть никогда не превзойдет Законы Неба, ибо они сильнее, чем земные законы, но неразумным будет восставать против нее. Эта идея глубоко укоренилась в сознании японцев. Она берет свое начало от конфуциева *рэй* (к и т. — *ли*), регламентирующего взаимоотношения людей в общественной, служебной и личной жизни. Требования *рэй* послужили основой послушания, повиновения и преклонения перед авторитетом. Смысл конфуцианской морали усвоен японцами в виде следующего изречения: «Отношения между старшим и младшим подобны отношениям между ветром и травой: трава должна склониться, если подует ветер».

Еще в токугавский период японский ученый Дзэкэн Нисикава в своей книге «Судьба крестьянина» (1721) писал: «В силу того, что низшие классы не имели возможности играть какую-либо роль в управлении страной, они обязаны были только подчиняться» (цит. по [293, с. 2]). В 1879 г. министр внутренних дел Хиробуми Ито заявил, что «иметь много людей, которые судили бы о политике, значит навлечь на страну несчастье» (цит. по [293, с. 2]). Дух покорности поддерживался в народе культивированием страха перед властью: полицейскими, правительственными и армейскими чиновниками. В представлении японцев власть — это «нечто длинное и плотное». Воспитывая боязнь «быть завернутым во что-то длинное и плотное», власти насаждали дух смирения и покорности.

Полицейские, например, всегда использовались для культивирования этого духа, начиная с раннего детства. Непреодолимый страх перед полицией, перед правительственными чиновниками остается у японцев и по сей день, особенно среди людей старшего поколения. Это было неоднократно подтверждено данными опроса, периодически проводимого Исследовательским центром по изучению общественного мнения при канцелярии премьер-министра Японии. В книге Масами Симидзу «Как вступить в кон-

такт с другими» в качестве одного из правил жизни указывается, что «смирненное преклонение — лучший способ войти в контакт с правительственными чиновниками» (цит. по [293, с. 4]). Подобные рекомендации содержатся и в книгах последних лет.

Покорность и смирение перед властью имущими превратились в характерную черту многих японцев, легли в основу неписаного кодекса их поведения. (Конечно, у крестьян в далеких провинциях они выражены более отчетливо, чем у рабочих на крупных предприятиях современного типа.) Этот кодекс всегда подкреплялся чувством долга, соблюдением личных обязательств, и все правила поведения сопровождалось педантичными детализированными церемониями. Сейчас эти церемонии приспособлены к новым условиям и занимают в шкале человеческих ценностей большое место как «ответственность за совершаемые поступки из чувства долга». Конечно, нельзя считать эти качества исключительно японскими, их можно наблюдать и у других народов. У японцев же они приобрели силу, способствующую подавлению собственного Я.

Дух покорности создавал у японцев не только привычку механического повиновения, но и сдерживал развитие их личности. Выходившие в токугавский период книги по *сингаку* — «повседневной этике», проповедовали народным массам идею о том, что каждый должен поступать не так, как ему заблагорассудится, а верно служить вышестоящему, забыв о себе. Согласно предписаниям любое свое спонтанное желание японец должен был отвергать как эгоистичное. Высшей добродетелью, по *сингаку*, являлось принесение себя в жертву.

Дух покорности, прививавшийся в течение веков, выработал у японцев определенный тип «психологических наклонностей»: жизнь и поведение индивида регулируются строго установленными нормами, смысл которых не оспаривается. Японцы настолько усвоили эти правила, что в результате каждый стал испытывать удовольствие, когда чувствовал над собой присутствие авторитета.

Обыденно-жизненные черты

Вежливость, аккуратность, терпеливость, бережливость, любознательность и другие примыкающие к ним черты обыденно-жизненного плана группируются вокруг стерж-

невой черты — самообладания, включающего различные оттенки и отношения.

В Японии популярно выражение: «Самурай холоден, как его меч, хотя и не забывает огня, в котором этот меч был выкован». И действительно, самообладание и сдержанность — качества, которые с древних времен считались у японцев признаками храбрости. Эти черты национального характера во многом обусловлены влиянием буддизма, проповедовавшего терпение, самовоздержание и учтивость*. В средние века наличие этих качеств у самурая считалось обязательным условием, так как он должен был уметь сохранять присутствие духа в ответственных случаях.

Идея умеренности и самовоздержания пронизывает все виды японской культуры. Эта философия хорошо иллюстрируется и высказываниями Лао-цзы: «Тот, кто знает, где остановиться, не подвергает себя опасности»; «Тот, кто знает свой жребий, тот не будет унижен». Каждый японец извлекает отсюда идею о том, что нельзя желать большего, чем тебе отпущено судьбой. Японские писатели старых времен, например Камо-но Тёмэй («Надежды на хижину») и Кэнко («Записки от скуки»), защищая эту идею, в художественной форме доносили ее до читающей массы. Все это создавало специфический японский стиль поведения.

Японцы со школьной скамьи усваивают положения о самовоздержании, им постоянно внушают, что такое миропонимание составляет основу жизненной философии. В связи с этим в Японии часто советуют придерживаться таких жизненных правил: 1) примиряйся с ситуацией, какой бы она ни была; 2) находи возможность соблюдать установленные правила; 3) ограничивай себя в развлечениях; 4) причиной несчастья считай самого себя. Следование этим правилам не могло не сказаться на особом подходе японцев к оценке объективной действительности: в характере японцев и их мировоззрении ярко обозначился фатализм.

Эта черта имеет глубокие корни в сознании японцев. Во время чрезвычайных обстоятельств, стихийных бедствий японцы предпочитают придерживаться позиции *тэй-сисэй* — смирения, пассивного выжидания, когда «все прой-

* Подробно о японизированном буддизме см. гл. II.

дет само собой». Литературные произведения и песни, в которых фигурируют слова «судьба», «рок», «предрешенность» и т. п., ценятся и пользуются большой популярностью у современных японцев. Фатализм, иррациональное ощущение предрешенности прослеживается в различных аспектах жизни: за многими жизненными событиями японцы видят какие-то скрытые силы. Однако у современных японцев получил развитие и рациональный подход к действительности, часто связанный с личными интересами. Критерием рационального поведения является успех в жизни. Между тем успех, считают японцы, зависит от вежливости и в большой степени от вежливости.

Вежливость — это несомненно одна из кардинальных обыденно-жизнейских норм в системе национального характера японцев. Вежливость — альфа и омега японского образа жизни. Печать вежливости в Японии лежит повсюду.

На улицах, в садах и общественных учреждениях можно встретить изречения, призывающие к вежливости. «Человек не должен подчиняться ничему другому, кроме добра и вежливости» — гласит одно из самых распространенных изречений. И японцы отвечают на эти призывы именно вежливостью. В Японии никого не удивят приветливые продавцы в магазинах, внимательные шоферы такси, чтивые официанты. «Здесь обслуживание всегда сопровождается улыбкой и никогда — чаевыми!» — отмечает Мишель Комморс в своих очерках «Сервис с улыбкой» (цит. по [146, с. 372]).

Вежливость японца пронизывает взаимоотношения гостиничной прислуги и гостей, водителя такси и пассажиров, хозяина какого-нибудь магазинчика или продавца и покупателей. Японские магазинчики средней руки нередко просто пустуют (продавцы коротают время где-либо в уютном уголке). Покупатель обычно извещает о своем приходе словами: «Гомэн насай!» («Извините, пожалуйста!»). Он может долго рассматривать товар, интересоваться подробностями, расспрашивать и т. д. Ему всегда дадут вежливый ответ. Но перед тем как взять что-либо в руки, японец извинится и спросит разрешения хозяина. Вежливая речь является непременным атрибутом общения в Японии *. В общении, как и в других аспектах жиз-

* Подробно о вежливой речи см. гл. IV, разд. 3.

ни, японцы до педантичности аккуратны. Эта черта бросается в глаза каждому.

Многих, впервые посетивших Японию, поражают устройство жилища, атрибуты одежды и убранства помещений. На всем печать строгости и порядка. И везде поразительная чистота. Наглядную картину этой стороны национального характера японцев создал в своей книге Н. Т. Федоренко.

«Мы входим в „гэнкан" — небольшую прихожую. Каменный пол из отполированных булыжников серых и буроватых тонов. За ним — деревянный настил, приподнятый, как театральные подмости. Здесь мы оставляем верхнюю одежду и, по старинному правилу, снимаем свои ботинки, которые сразу же ставим на увлажненные кругляки таким образом, чтобы можно было легко, как бы с ходу надеть их при прощании. На пол в японском доме не полагается ступать теми же ботинками, в которых вы шли по грязной дороге. Ведь уличную пыль главным образом приносят на обуви... Надеваем легкие туфли и проходим в комнату. Но когда с дошатого пола, зеркально отполированного, нам нужно войти в комнату с циновочным полом, мы снимаем и эти легкие туфли. Ходить по циновке принято лишь в специальных матерчатых носках — „таби" — либо в обычных носках» [146, с. 22].

Естественно, такую идеальную чистоту может позволить себе человек с достатком, в жилищах бедняков — все проще. Однако стремление к такому идеалу общенационально.

Аккуратность и чистоплотность в сочетании с бережливостью служат как бы фундаментом для овладения известными производственно-практическими навыками, позволяющими японцам с поразительной точностью и совершенством создавать продукцию, которая является предметом зависти многих зарубежных фирм. Безусловно, здесь надо отдать должное и любознательности японцев.

Особенности национального характера японцев, как и любой другой этнической общности, социальны по своей природе. «Своеобразие условий жизни каждого народа, — справедливо отмечает Н. Джандильдин, — специфика окружающих его на протяжении всего периода существования явлений вырабатывает у него определенный оттенок в способе восприятия мира, в образе мышления, т. е. то, что дает ему возможность подмечать и обнаруживать черты,

скрытые для других народов» [70, с. 90]. Способ производства, условия жизни японцев создали у них особый стиль проявления познавательных способностей.

Те, кто встречаются с японцами впервые, сразу замечают их пытливість, стремление вникнуть в суть вещей, докопаться до скрытого смысла. «„Что вы скажете о японцах?“ — спросили мы как-то одного нашего инженера, сопровождавшего по Москве группу японских энергетиков. — „Они как-то по-особенному любознательны“, — не задумываясь ответил тот». Как же это «по-особенному»? Нам думается, что мы не сделаем здесь открытия, если скажем, что японцы любознательны по натуре, по духу жизни, нам хочется сказать, что любознательность — это врожденная черта японского национального характера, хотя мы уже не раз подчеркивали тот факт, что национальный характер народа формируется в условиях его жизнедеятельности. Но как бы там ни было, любознательность неотделима от японца.

Надо заметить, что особенностью любознательности японца является ее практическая направленность, даже можно сказать, прагматическая нацеленность. Когда инженер-японец берет в руки необычное для него изделие, он старается «схватить» это изделие в единстве формы и содержания. Любознательность японца детерминирована конкретностью его мышления. В этом несомненно сказалося и влияние буддизма.

Японский буддизм далек от каких бы то ни было аналитических, абстрактных построений. Буддизму свойственна простота, конкретность, лаконичность. Адепты буддизма настойчиво учатся тому, как без слов принимать участие в общении. В этом им способствует постулат о нераздельном единстве субъекта и объекта, суть которого хорошо иллюстрируется одной притчей из буддийской литературы: «Маленькая рыбка сказала морской королеве: „Я постоянно слышу о море, но что такое море, где оно — я не знаю“. Морская королева ответила: „Ты живешь, движешься, обитаешь в море. Море и вне тебя и в тебе самой. Ты рождена морем, и море поглотит тебя после смерти. Море есть бытие твое"» (цит. по [74, с. 55–56]). Японцев учат познавать суть вещей без абстрагирования, потому и любознательность японцев конкретна. Возможно, это имеет прямую связь с особенностями их творческой устремленности.

4. ЯПОНЦЫ В ПОВСЕДНЕВНОЙ ЖИЗНИ

Психологический облик современного японца, как и представителя любой другой общности, определяется особенностями национальной культуры, которая обладает большой устойчивостью ко всем изменениям в жизни общества. Это связано с тем, что в основе культуры лежит национальная история, язык народа, его психология. Процессы модернизации и заимствований не касаются глубинных основ национальной психологии, которые проявляются и у современного японца в общепринятых способах поведения.

Чтобы нагляднее представить себе современного японца, давайте прежде всего посмотрим, как он ведет себя в различных жизненных ситуациях, как «общается» с окружающими его вещами в повседневной жизни.

Японец, как мы знаем, совсем не расположен к тому, чтобы отказываться от привычного. В национальном японском доме у него все по старинке. В токонома — встроенной нише — по-прежнему стоит букет и висит какэмоно (свиток) — картина или иероглифическое изречение. Конечно, национальный дом теперь наполнен атрибутами цивилизации, однако введенные в обиход предками вещи не оставили предназначенных им мест. Нередко, правда, японцу некуда деть или поставить, скажем, телевизор. В обычном японском доме телевизору просто нет места. Самое удобное — это поставить его в токонома. Телевизор в токонома! Возможно ли? По данным статистики, до шестидесяти процентов японцев живут еще в традиционных японских домиках. Тут японцы, конечно, окружены своими национальными вещами.

Японец в национальном доме

По данным статистики, многие из типичных японских домиков, в которых живет большинство населения страны, в значительной степени обветшали. Если в сельской местности и малых населенных пунктах, где влияние модернизации менее заметно, кварталы старых построек сохраняют национальный колорит, то в крупных городах их подавляет современная цивилизация. Хотя некоторые наши журналисты, побывав в национальном доме несколь-

ко часов или проведя в нем один-два дня, восхищаются его устройством и порядком, сказать по правде, такой дом не совсем удобное жилище. Даже японцы в какой-то степени разделяют такую точку зрения, ибо стандартные городские квартиры, по господствующему среди горожан мнению, оказываются более удобными. Это не значит, что японцы склонны перенимать европейские стандарты планировки. Нет, и в городские многоэтажные здания они вносят свой национальный дух. Психологические стереотипы в известной степени диктуют и порядок устройства жилища.

Конструктивной основой традиционного японского дома является деревянный каркас, смонтированный из грубо обработанных брусков. Этот каркас устанавливается на многочисленных опорах, что создает достаточную жесткость и уменьшает возможность разрушения при землетрясениях. Стены дома не имеют функций опоры, как это свойственно нашей деревянной постройке. Они изготавливаются в виде решетчатой рамы, на которую наклеивается полупрозрачная бумага. Стена по желанию может отодвигаться, разбираться, служить окном. Как правило, крыша нависает над стенами дома, что обеспечивает защиту внутренних помещений от летнего полуденного солнца, но не препятствует проникновению вовнутрь его мягких утренних и вечерних лучей.

Обычный японский дом никогда не красят ни снаружи, ни изнутри. Конечно, внутренние конструкции всегда тщательно полируются, от этого они приобретают приятный, ласкающий глаз вид, внешние же предоставляют обрабатывать самой природе. Общий вид дома и его окружение соответствуют национально-психологической концепции *ваби*, означающей возвышенную простоту, как бы опозитизированную убогость (подробнее о *ваби* см. в гл. III).

Ощущение *ваби* углубляется серой тростниковой крышей, которая, нависая над строением, навеивает также и дух старины, печального очарования — *саби*. Однако такая крыша легко может воспламениться от случайной искры и теперь ее поэтому стараются заменить черепицей. При этом, скрупулезно избегая кричащих тонов, делают черепицу темно-серой. Иногда ее доводят до голубых или тускло-коричневых оттенков, что не противоречит духу *ваби*. И все же черепичная крыша оказывается непрактичной: во-первых, она довольно дорогая, а во-вторых, очень

тяжелая. Это ведет к тому, что получают большое распространение облегченные крыши из некрашеной нержавеющей жести. Исходя из принципов *ваби*, здесь также отдают предпочтение нейтральным тонам, соответствующим характеру материала, из которого строятся дома. Однако с середины 60-х годов крыши все чаще стали покрывать яркой краской, отдавая дань новой моде.

Обычно японские национальные дома в городских условиях не имеют прилегающих к ним двориков, поэтому дети играют прямо на улице. Те, кто имеет средства и возможности, возводят у своих домов заборы. Если это удастся, японцы непременно разбивают возле дома миниатюрный, с каменным фонарем садик, а если позволяет место, то воздвигают и миниатюрный чайный домик. Японский дом в городе, как правило, лишен сада, тем не менее японцы все же ухитряются создавать у своих домов нечто вроде зеленых уголков, где непременно помещают несколько неотесанных камней.

Городские условия практически исключают постройку около дома гаражей для личных автомобилей. Приобретение автомобилей (хотя цены на них баснословно высоки) в значительной степени лимитируется местами для стоянок, так как узкие городские улочки совершенно не приспособлены для этих целей. В некоторых крупных городах существует практика продажи автомобилей только тем, у кого есть место для стоянки.

Обычно японский дом имеет приподнятый над землей парадный вход — *энкан*, где при входе снимают обувь, две смежных комнаты, пол которых покрыт циновками (*татами*), миниатюрную кухню, туалет и ванную. Комнаты разделяются бумажными раздвижными стенками; если их полностью раздвинуть, создается общее помещение. В одной из комнат принимают гостей, здесь имеется встроенная ниша — токонома. Из комнат имеется выход на узкую удлиненную застекленную веранду, где теперь, копируя Запад, иногда устанавливают японский миниатюрный столик и два кресла. Это уголок главы семьи — здесь он отдыхает, читает, курит.

Атмосфера японского национального дома воплощает дух глубокого уважения к мужчине, может быть, даже преклонения перед ним, поскольку он является кормильцем семьи. Все в доме строго целесообразно, ничего лишнего. Скупая обстановка создает у главы семьи традици-

онное ощущение своего господства. Хозяйке отводится миниатюрный уголок — кухня, где она усердно трудится для блага мужа и детей, хлопоча по дому чуть ли не круглосуточно.

Утром, если позволяет погода, хозяйка открывает окна и двери и проветривает все закоулки. Она тщательно выбивает вещи и сметает пыль с мебели и деревянных конструкций. В прошлом ее помощником был сквозняк, который она изобретательно устраивала в своем жилище, теперь в ход пускаются пылесосы. Тут же организуется мойка, стирка, утюжка и т. д. Особо ласкового обращения удостоивается кухонная утварь, которая перетирается, перекладывается, перевешивается. Кухня задерживает внимание хозяйки значительно дольше, чем все остальные помещения, на кухне женщина чувствует себя госпожой, здесь все ей подвластно.

Так, через час-другой уютный японский домик приобретает вполне умытый и причесанный вид, всюду блеск, аккуратность, чистота.

Японец в городской квартире

В японских городах получили распространение несколько типов квартир. В них живет основная масса горожан — это двух-, трех-, четырех- и пятикомнатные квартиры. Больше всего в ходу двухкомнатные и трехкомнатные малогабаритные квартиры. Комнаты японской квартиры обычно имеют размеры 12 с небольшим квадратных метров (шесть татами). Двухкомнатные квартиры бывают двух типов. В квартире первого типа миниатюрная кухня, туалет и ванная. Квартира второго типа имеет кухню, достаточную для расположения семьи при трапезе. Такие же кухни имеются в трех-, четырех- и пятикомнатных квартирах. Нетрудно себе представить, что малые по размеру квартиры занимают люди малого достатка, а более поместительные — люди с достатком; представители деловых кругов и аристократия живут в шикарных апартаментах.

Современный японский дух передается характером домашних вещей: это кухонная утварь, обеденная посуда, предметы туалета и гигиены, спальные принадлежности, одежда, орудия уборки, предметы увлечений и развлечения гостей, атрибуты отдыха и семейного времяпрепрово-

вождения. Исследователи насчитывают около двух тысяч таких отдельных предметов. Количество домашних вещей связано с достатком, а следовательно, и с размером квартиры, однако одежда, спальные принадлежности, предметы туалета и гигиены, а также орудия уборки всюду одни и те же, а предметы увлечений и развлечения гостей разнообразнее в более просторных квартирах.

Внешний вид японских городских квартир имеет между собою много общего и в то же время не очень согласуется с эстетикой японского национального дома. Во всех квартирах можно видеть нагромождение различных коробок на шкафах, полках, вешалках, что является следствием ограниченной площади в жилых комнатах. Бросается в глаза изобилие разнообразных кукол, мягких и набивных игрушечных животных. Все они расставлены по полкам, размещены на телевизорах и, если есть, на пианино. На пианино обычно устанавливают французские куклы. Такая деталь связана с тем, что когда первые образцы инструментов впервые появились на японском рынке, они были уставлены французскими куклами и другими парижскими украшениями. Отсюда и пошло: пианино в японском доме не мыслится без французской куклы.

Японские квартиры сегодня наводнены самыми разнообразными украшениями — от кукол и набивных зверушек до разрисованных тарелок, фотографий, обрамленных гравюр и эстампов. Можно сказать, что современная городская квартира японца просто пестрит всевозможными украшениями. Большинство из этих предметов обычно получены в качестве подарков.

Тот факт, что многие куклы и игрушечные зверьки широко используются в Японии в качестве подарков — не случаен. Это связано с анимистическими воззрениями, глубоко укоренившимися в сознании японца. И какие бы неудобства не создавались от наводнения квартиры куклами, японец не выбросит ни одной. Куклы, статуэтки и игрушечные зверьки в японском доме сохраняются годами. Их возят с собой, переставляют с места на место, снимают с устаревшей мебели и ставят на другую, вновь приобретенную.

Беглого взгляда на городскую квартиру японца достаточно, чтобы увидеть резкий контраст между японским национальным домом и современной городской квартирой в Киото, Токио или другом многонаселенном городе. Сте-

ны малогабаритных японских квартир сплошь заставлены шкафами, бюро, полками и т. п. Отсутствие встроенных ниш вызывает необходимость в приобретении громоздких шкафов. Лишь в многокомнатных квартирах можно найти сегодня подлинно национальные уголки с просторными токонома и салонами для чайной церемонии. В малогабаритных современных квартирах все это практически исключено.

Взглянув на убранство городской квартиры, незамедлительно ощущаешь здесь господство женщины. Такое впечатление создают всевозможные украшения, многочисленные игрушки, детская мебель и одежда. В квартире преобладают розовые оттенки. Кухонная посуда и утварь часто выполнены в форме цветов. Дух мужчины ощущается в городской квартире только там, где стоят книжные шкафы, на которых можно увидеть деловые книги и журналы, да там, где пестрят золочеными горлышками бутылки с горячительными напитками. Правда, женщина на время отдает мужчине уголки, где тот может отдохнуть и расслабиться.

В городской квартире острее чувствуешь утерю главой семьи своего былого господства над женщиной. Однако утеря эта не абсолютна. Мужчина уступает женщине лишь право власти над вещами. Сам он все же ускользает из-под ее опеки, включаясь в компании дружков, ищущих различных увеселений. В японском городе наблюдается процесс экстерниоризации ролевых функций семьи. Городская квартира как бы способствует этому процессу: в квартире нет гостевых комнат, мужчине негде принять друзей, негде повеселиться. И вот он идет в бары, в ночные клубы, в бани. Женщина же, как и в старые времена, в основном остается домохозяйкой. Ее дело — поддерживать порядок в доме, воспитывать детей. Однако сегодня она также тянется и во внешний мир.

Японка, как и прежде, внимательно следит за порядком в доме и хлопочет о благополучии своего мужа, воспитывает детей. Но в наше время увеличивается число женщин, вовлеченных в общественное производство. И теперь нередко не доводится до совершенства внутренний порядок японской квартиры, как это делалось веками в японском национальном доме. Японка и теперь может служить идеалом чистоплотности, примером простоты и элегантности. Но согласитесь, что обстоятельства превыше ее унас-

ледованных привычек. Измененная архитектура жилища вынуждает японку отклоняться от национальных стандартов.

Провозглашение равенства женщины с мужчиной в Японии открыло для японки запретные ранее сферы деятельности. Гражданский кодекс 1947 г. дал ей много формальных прав и свобод. Он открыл перед ней дорогу в учебные заведения, включил ее в работу различных общественных организаций. Однако дискриминация женщин в Японии еще очень далека от искоренения. Привилегированное положение мужчины в Японии продолжает процветать.

В этом сказывается все еще очень сильное влияние традиционной системы *из*. Японское слово *из*, обозначая семью, клан, дом, хозяйство и т. п., подчеркивает непрерывность семейной линии. В традиционной концепции *из* выражается сущность группового сознания японцев, основанного на беспрекословном подчинении главе семьи. В современном японском обществе эквивалентом *из* стала компания, где все наемные работники считаются членами хозяйства во главе с предпринимателем.

В процессе развития *из* может трансформироваться в *додзоку* (расширенную семью) и состоять из главной семьи и «боковых семей» — *бункэ* (младшая ветвь рода, фамилии). *Бункэ* соблюдает верность главной семье, которая, в свою очередь, заботится о них.

Все это явилось идеологической основой концепции «нация — семья».

Патерналистская система *из* тяготеет над японской женщиной. Однако господство этой системы дифференцируется в зависимости от принадлежности к тому или иному социальному классу. В необеспеченных рабочих семьях и в сельской местности среди крестьян ощущение традиционного *из* для женщины куда тяжелее, чем в городе в зажиточных семьях.

Экономические и социальные процессы послевоенной Японии наложили большой отпечаток на условия жизнедеятельности японцев. Японская женщина оказалась перед необходимостью выхода на рынок труда. Усилившаяся урбанизация и рост капиталистических отношений в деревне породили распад патриархальных семейных кланов и образование взамен их малых, так называемых нуклеарных семей. Все это привело к резкому сокращению раз-

меров семьи: в 1973 г. средний состав японской семьи насчитывал 3,45 человека, а к 1985 г., по прогнозам японских социологов, эта цифра упадет до 3,11 человек.

Японец вне дома

Поведение японцев вне дома отличается от того, что мы привыкли видеть у себя на родине. Жена и муж в Японии мало делают выходов из дому вместе. Обычно муж старается уйти куда-нибудь без супруги. Следует заметить, что в Японии теперь уже наметилась тенденция выходов всей семьей по воскресеньям. В обычные же дни глава семьи старается развлечься с друзьями.

Согласно статистике, лишь немногим более половины японских глав семейств из средних слоев населения возвращаются домой к девяти часам вечера. Что касается высшего общества, то этот процент падает до десяти [217, с. 136]. Японцы не очень-то стремятся вечером в свои городские квартиры, они стараются отдыхать вне дома.

Вечером и ночью японец тянется к развлечениям вне дома в силу привычки. Унаследовав от предков чувство мужского превосходства, он считает обременительным быть привязанным к дому; японец рвется на просторы города, втягивается в увеселительные компании. Поступить иначе — нельзя. Это расценивается как урон мужского достоинства, потеря социальной роли главы семейства.

Вечерние «выходы» мужской половины населения Японии давно стали неотъемлемой частью японского образа жизни. В них втянуты как любители развлечений, так и те, кто хочет пообщаться с людьми своего круга. Как только начинают ступаться сумерки, к тем местам, где сосредоточены оазисы ночных заведений, стартуют любители повеселиться и вереницы уставших за длинный трудовой день рабочих и служащих. Первые направляются в кабаре с надежной развлечься, а вторые, чтобы отдохнуть, забиться, расслабиться. Кроме того, они должны заботиться о поддержании тесных социальных контактов. Проведение свободного времени за выпивкой со своими коллегами считается необходимым условием для сохранения и укрепления хороших отношений на работе. Обычно рабочие и служащие являются постоянными посетителями сравнительно недорогих ресторанчиков. Как только эти

посетители переступают порог, им тут же готовят рюмочку саке или бокал пива. Посетители чинно усаживаются на приготовленные сиденья и начинают обмениваться новостями.

Разговоры текут разные. Тут и жалобы на боссов, и возгласы возмущения, и советы, и предложения. Раздаются дружеские одобрения, похлопывания по плечу. Весь вечер слышатся какие-то пересуды, осуждения каких-то неполадок и неурядиц. Однако во всем этом нельзя заметить озлобленности или уныния. Японец смотрит на все более или менее спокойно. Бизнесмены «гуляют» чаще не на свои деньги, а за счет «представительских» фондов своих компаний.

Характерно, что ночная жизнь больших городов надолго не затягивается. Волна гуляний катится по ночным заведениям в течение трех часов, где-то с восьми до одиннадцати. К одиннадцати часам ночи большинство гуляющих расходится по домам. После одиннадцати прекращаются многие шоу, полиция начинает свои рейды по злачным кварталам.

В полном разгаре в ночном Токио и подлинно театральная жизнь. До самой ночи работают японские классические театры, кукольные театры, музыкальные театры. Любители могут насладиться и настоящим национальным искусством. Большую роль во времяпрепровождении японцев играет баня.

В бане. Баня в Японии — это больше, чем гигиеническое мероприятие. Это — возможность расслабиться, время для умственного, даже духовного очищения, *мисоги* (обряд очищения водой). Баня — это частично гигиена, частично — ритуал, частично — терапия.

Японцы любят посещать общественные бани. Для многих после рабочего дня баня — это суший рай. Здесь беседуют, спорят, решают важные проблемы. Считается, что, расслабляясь, можно успешнее прийти к соглашению по многим сложным вопросам. Баня как раз то место, где японец забывает о своей характерной сдержанности и делается доступнее. Баня давно вошла составным элементом в жизнь японцев.

Японские города не мыслятся без общественных бань *сэнто*. В Токио их более двух с половиной тысяч, в других крупных городах их также много. Обычно бани *сэнто* представляют собой громадные одно-, двухэтажные здания, ря-

дом с которыми вздымаются трубы. Каждую такую баню ежедневно посещают тысячи горожан. Приток посетителей особенно заметен в вечерние часы. Женщины, дети и старики успевают помыться до вечернего наплыва посетителей. Как правило, *сэнто* открываются в три часа дня и работают до полуночи.

Баня разделяется на мужскую и женскую половины. У входа в банное отделение посетитель снимает обувь, покупает билет и входит в раздевалку. Здесь он раздевается, складывает одежду в специальную корзинку, которую ставит на полку. После этого посетитель входит в зал, где моются, отдыхают, принимают водную процедуру расслабления.

В банном зале *сэнто* имеется бассейн, в котором могут разместиться от десяти до двадцати человек. У стен расположены ряды кранов с горячей и холодной водой. Прежде чем войти в бассейн, посетитель тщательно трет себя намыленными губками и окатывается горячей водой, только после этого он может войти в бассейн. Здесь в обжигающей воде обычно блаженствует с десяток человек. Адаптировавшись к температуре, вновь вошедший прислушивается к разговору, который ведут окружающие, и сам включается в него.

Говорят о чем угодно: от рекламы на зубную пасту до международных событий. Услышанное в бане нередко цепко удерживается в памяти. Люди обмениваются новостями отдыхая, расслабляясь. Не случайно в Японии дает себя знать «банный» источник информации. Нередко можно слышать, как один другому, скажем, в перерыве между делами говорит: «А вот вчера в бане я слышал...» Говорят, что самое лучшее место для разрешения сложных вопросов, философских споров и политических дискуссий — это баня, точнее бассейн с обжигающей водой.

Японская баня является местом, где в известной степени нивелируются характеры людей. Обычно японец довольно застенчив и старается скрыть свое тело в «сорок одежек». Мы не раз удивлялись тому, как в условиях несносной духоты, когда иностранцы готовы были снять с себя все, что можно, японцы всегда оставались при галстуге. Обнажить свое тело перед другими — это не в духе нации. Но вот в бане, оставшись нагишом, японец становится совсем другим человеком. Создается впечатление, что вместе с одеждой он оставляет в раздевалке и застен-

чивость. Баня во многих отношениях раскрывает внутренний мир японца.

В бане за сравнительно небольшую плату посетитель может нанять *сансукэ*, который усердно натрет ему спину, а также сделает массаж. Эту обязанность обычно исполняют молодые мужчины. В отличие от моющихся они имеют на себе нечто вроде плавок. Сансукэ обслуживают как мужское, так и женское отделение, считается, что такая работа не для женщин.

Японцы любят обжигающую воду. В бассейне общественной бани так горячо, что европейцы могут окунуться туда только после специальной тренировки. Сами японцы свою приверженность к горячей воде объясняют по-разному. Однако здесь очевидно следующее: в холодное время хочется согреться, а горячая вода для этого — лучшее средство, летом горячая вода вызывает реакцию охлаждения. Так или иначе, все японцы в любое время года предпочитают обжигающую воду. Дома те, кто имеют ванну, также не отступают от этой привычки.

Во многих национальных японских домах ванны, как и прежде, делают деревянными. Под ванны используются теперь и вместительные баки, для этих целей приспособливают и другие емкости. Городская квартира имеет стандартные ванны, куда можно лечь. Душ в Японии не принят — он не дает такого эффекта, как ванна. Однако ванна — это одно, а баня совсем другое, несравнимое с ванной, считают японцы.

В столице за последние годы открылось несколько бань, находящихся на попечении местных властей. В Токио даже выходит банная газета «Ньюёку таймс». Из 3000 ежедневно выпускаемых экземпляров 2400 распространяются только в банях. Издатели ведут настойчивое просвещение японцев в жанре «банного этикета», пишутся даже «банные стихи». Вот одно из них.

Взгляните, что за диво!

В мужское отделение пробрался

Длинногривый!

Многие правила поведения в банях составляются и редактируются муниципальными советниками по делам общественных бань. Однажды эти советники рекомендовали банной администрации взимать дополнительную плату с длинноволосых мужчин. Японцы в шутку окрестили эти действия «дискриминацией в банях».

Баня в Японии — это серьезно.

В обществе гейши. Слово «гейша» включает два иероглифа: *эй* — талант, *ся* — человек. Таким образом, гейша — это талантливая женщина. Понятно, что не каждая японка может стать гейшей. Исследователи прослеживают в японском языке слово «гейша» со второй половины XVIII в., так что институт гейш в Японии — это сравнительно позднее введение, хотя еще в известных японских хрониках XI—XII вв. упоминается о молодых развлекавательницах, исполнявших функции, которые позднее связались со словом «гейша». Гейши всегда производили сильное впечатление на иностранцев. Вот что рассказывает о них наш соотечественник, исследователь Г. Востоков:

«„Гейши“ — самые образованные женщины в Японии. Остроумные, превосходно знающие свою литературу, веселые и находчивые, они расточают перед вами все свое очарование. С классическим искусством „гейша“ пропоет вам и продекламирует лучшие стихотворения и отрывки из лучших драматических произведений. И все время непринужденно веселая, остроумная и кокетливая, она не теряет своего женского достоинства. „Гейша“ — вовсе не непременно продажная женщина; это, во всяком случае, не входит в ее обязанности; скорее всего это артистка, которую приглашают за известную часовую плату для развлечения и удовольствия художественного... Когда какой-нибудь японец хочет задать друзьям пир, то он устраивает его в чайном домике; жены и дочери его остаются дома, а к столу приглашаются гейши».

Современные гейши, конечно, не всегда отвечают образу гейши, созданному Г. Востоковым. Снижается уровень их традиционного искусства. Тем не менее институт гейш ценится в Японии и, очевидно, сохранится на долгие времена. Сейчас понятие «гейша» объединяет множество различного типа развлекавательниц. Гейши живут в специальных городских кварталах. Стать гейшей не так-то просто, поскольку это искусство требует больших знаний и многих умений. Обучение начинается с раннего возраста, иногда с семи лет. Сейчас нередко профессию гейш начинают приобретать девушки и с шестнадцати лет. Основная масса гейш поступает из семей работников ресторанов и чайных домиков. Довольно часто занятия гейши передаются по наследству от матери к дочери.

Ученица-гейша обучается пению, танцам, актерскому

искусству, игре на различных инструментах, она всесторонне расширяет свои познания. Большое внимание уделяется обучению навыкам ведения беседы. Будущие гейши живут и овладевают своим мастерством в кварталах гейш, называемых *нису*. В Киото гейшу-ученицу называют *май-ко*, а в Токио — *осуяку*. Ученицы носят кимоно, широкий пояс оби и высокую прическу, которая у них отличается от гейш-выпускниц.

Гейшу нанимают для развлечения гостей. Само присутствие гейши в компании создает в Японии обстановку релаксации. Пока подают кушанья, гейша шутит, играет, поет, танцует. Все это создает непринужденность и поднимает настроение. Иностранцы между тем не могут ощутить в полной мере всех нюансов ситуации, так как не способны понять тонкостей японского языка и скрытого смысла высказываний.

Когда гейша выполнит предписанную ей программу, она считается свободной, и может распоряжаться собою по своему усмотрению. Настоящая гейша обычно не входит в интимные отношения с теми, кого развлекает. Однако в Японии имеются разные категории гейш. Ритуал гейш исполняют и настоящие мастерицы своего дела и как бы ремесленницы, стоящие на низшей ступеньке института гейш. Этим девушкам, не обладающих талантом гейши, часто называют «гейшами для постели». Именно они создают иногда в глазах иностранцев искаженное представление о том, что такое японская гейша.

Распорядок дня гейши достаточно уплотнен. Утром она совершенствуется в искусстве аранжировки цветов, чайной церемонии, танцах, пении и т. д. После этого следует легкий обед, затем до трех часов беседа с подругами-гейшами. В три часа гейша начинает прихорашиваться, готовясь к вечернему туру. На это она затрачивает уйму времени, проделывая сотни самых различных процедур, от натирания пяток до укладки волос. В результате гейша принимает вид, способный привлечь внимание любого гостя.

До недавнего времени гейши не распоряжались своим гонораром, поскольку их деятельностью руководила специальная организация. Вечером в соответствии с заявкой гейше давалось направление, и она на рикше отправлялась по назначению (до сих пор в Японии для этих целей имеются рикши). После окончания вечеринки гейша подписы-

вала «направление», где указывалось время, затраченное ею на развлечение гостей. Оплата практиковалась обычно в конце месяца. Гонорар гейши зависел от ее возраста, мастерства, популярности и ряда других факторов. В настоящее время гейша считается свободной женщиной.

Теперь в урочные утренние часы гейше разрешается наряду с классическими занятиями играть в гольф и развлекаться по своему усмотрению. Современная гейша может даже водить автомобиль. По данным статистики, в Токио работает до пяти тысяч гейш, а по всей Японии до тридцати пяти тысяч. Подсчеты показывают, что число гейш-профессионалов идет на убыль. Говорят, что к концу XX в. институт гейш в Японии прекратит свое существование.

Трудно согласиться с этой точкой зрения, поскольку гейша создала специфическую культуру развлечения, которую мужская половина Японии тщательно оберегает.

Глава II

СОЦИАЛЬНАЯ РЕГУЛЯЦИЯ ПОВЕДЕНИЯ В ЯПОНИИ

Исходной основой для анализа системы социальной регуляции поведения людей нам служит марксистское положение о социальной сущности человека. К. Маркс писал: «Индивид *есть общественное существо*. Поэтому всякое проявление его жизни — даже если оно и не выступает в непосредственной форме коллективного, совершаемого совместно с другими проявлениями жизни, — является проявлением и утверждением общественной жизни» [1, с. 590].

В условиях социальной деятельности человек вступает в сложные отношения с другими людьми. «Какова жизнедеятельность индивидов, — писали К. Маркс и Ф. Энгельс, — таковы и они сами» [8, с. 19]. Жизнедеятельность же выражается в образе их жизни, и именно в образе жизни преломляются экономические, политические, идеологические и психологические взаимоотношения людей. Особенности японского образа жизни во многом открываются через понимание системы регуляции поведения, сложившейся в японской культуре. Религиозная традиция Японии дает нам ключ к познанию многих сторон действительности.

1. РЕЛИГИИ, БОГИ, ИДОЛЫ ЯПОНИИ

Официальные опросы, которые постоянно ведутся в Японии различными научными организациями, свидетельствуют о том, что японцы якобы народ нерелигиозный. Некоторые даже относят японцев к атеистам, однако чаще — к религиозно индифферентным. По нашему глубокому убеждению, такой упрощенный взгляд на эту сторону общественного сознания японцев не совсем точен, даже, можно сказать, совсем не точен. Этот факт заметили еще

в прошлом веке наши русские исследователи: «...если вы спросите у японца, — пишет Г. Востоков, — какая его вера, он вас не поймет. Все, что он сумеет вам ответить, это, что, согласно обычаю, ему при рождении дали имя в синтоистском храме, и что, вероятно, при похоронах его будут провожать буддийские бонзы. Между этими двумя крайними точками жизни он легко может стать на время христианином» [159, с. 336].

В системе религиозных доктрин, бытующих в Японии, главенствующее место занимает истинно японская религия синто.

Синто (путь богов). Это древняя японская религия. Хотя истоки ее, по общему признанию, неизвестны, ни у кого не вызывает сомнения тот факт, что она возникла и развилась в Японии вне китайского влияния.

Японец обычно не стремится вникать в суть и происхождение синто, для него это и история, и традиция, и сама жизнь. Синто напоминает мифологию древности. Практическая же цель и смысл синтоизма состоит в утверждении собственной древней истории Японии и божественного происхождения японского народа: согласно синто, считается, что микадо (император) — потомок духов неба, а каждый японец — потомок духов второго разряда — ками. Для японца ками означает божество, предков, героев, духов и т. д. Мир для японца населен мириадами ками. Набожный японец думает, что после смерти он станет одним из ками.

Синтоизм свободен от религиозного духа «центральной власти» всевышнего, он учит главным образом культу предков и поклонению природе. В синтоизме нет других заповедей, кроме общежитийских предписаний соблюдать чистоту и придерживаться естественного порядка вещей. У него есть одно общее правило морали, которое русские исследователи понимали так: «Поступай согласно законам природы, щадя при этом законы общественные» [159, с. 339]. По синтоистским представлениям, японец обладает инстинктивным пониманием добра и зла, поэтому соблюдение обязанностей в обществе тоже инстинктивно: если бы было не так, то японцы «были бы хуже зверей, которых ведь никто не учит, как надлежит им поступать». О синтоизме мы находим сведения в японских литературных источниках «Кодзики» («Записки древности», 712 г.) и «Нихонги» («Анналы Японии», 720 г.).

«Кодзики» — это священная книга синтоизма, хотя, конечно, отмечают С. А. Арупонов и Г. Е. Светлов, не в том смысле, как Библия в христианстве или Коран в исламе. «„Кодзики“, — пишет Н. И. Конрад, — своя, родная, близкая каждому японцу книга. К ней восходит все то, что составляет исконное, освобожденное от всяких примесей содержание японского национального духа. „Кодзики“ — ключ... к самой Японии, к самим японцам. Через „Кодзики“ мы познаем и „век богов“... через нее же мы, как нельзя лучше, приближаемся к „подлинно японскому“ и в современной Японии» [90, с. 150].

«В книге, — справедливо отмечает Н. И. Конрад, — объединены две идеи — идея кровного племенного единства и идея политической власти. Отражение первой — в расширении племени во времени: в отношении к прошлому, в соединении с рождением вообще всех вещей; во включении всего инородного в состав племени, в подчинении ему, в протягивании генеалогической линии по главным представителям — богам, вождям, царям — как проявлении единства племени. Отражение второй — в представлении политической власти как выполнения богами, вождями, царями воли высших богов» [90, с. 149].

Японские хроники утверждают, что первоначально в мире царил хаос, но затем все приобрело стройный порядок: отделились небо и земля, обособились женское и мужское начала: первое — в лице богини Идзанами, второе — в лице ее мужа Идзанаги. У них рождаются богиня солнца Аматэрасу, бог луны Цукиёми и бог ветра и воды Сусаноо. Аматэрасу и Сусаноо вступают между собой в борьбу. Аматэрасу побеждает и остается на небе, а Сусаноо изгоняется в страну Идзумо на землю. Сын Сусаноо, Окунинуси, становится правителем Идзумо. Аматэрасу не мирится с этим и вынуждает Окунинуси отдать правление ее внуку Ниниги. Последний сходит с неба и вступает в правление государством Идзумо. В знак власти ему вручаются три священных предмета — зеркало (символ божественности), меч (символ могущества) и яшма (символ верности подданных). От Ниниги произошел Дзиммүтэнно (титул *тэнно* означает Верховный правитель; сохраняется за царствующим домом до наших дней; передается на европейских языках словом «император»), мифический первый император Японии, положивший начало династии японских императоров — микадо. Зеркало, меч и яшма

с давних времен являются эмблемой японского императорского дома.

Дзимму-тэнно, судя по последним данным японских историков, жил на рубеже III и IV вв., возглавляя местный клан. Умер в 307 г.

Микадо в сознании японца стоит вне связи с каким-либо классом. «Божественное» происхождение роднит микадо со всем народом, делая его главой нации — семьи. Даже сёгуны, господствовавшие в Японии более трехсот лет, называли себя представителями микадо. Идея микадо, освященная синтоизмом, не исчезла из сознания японцев и сегодня, хотя, конечно, ее регулирующая сила значительно ослабла.

Современные японцы не придают серьезного значения этой идее, однако подсознательно они все же благоговеют перед ней. Свидетельством этому являются различные обряды в честь императорской семьи, совершаемые в синтоистских храмах. (По некоторым данным, их насчитывается более ста тысяч.)

Синтоизм сформировал у японцев особый взгляд на мир вещей, на природу, взаимоотношения. Этот взгляд базируется на пяти концепциях (см. [221, 222, 223]).

Первая концепция утверждает, что все сущее является результатом саморазвития мира: мир появился сам по себе, он хорош и совершенен. Регулирующая сила бытия, согласно доктрине синто, исходит из самого мира, а не от какого-то верховного существа, как у христиан или мусульман. На таком понимании мироздания покоится религиозное сознание японца, удивляющегося задаваемым ему европейцами вопросам: «Какая у вас вера?» или еще того более «Верите ли вы в бога?»

Вторая концепция подчеркивает силу жизни. Согласно мифологии первое сексуальное сближение произошло между богами. И потому секс и моральная вина никогда не связывались в сознании японцев. Все, что естественно, согласно данному принципу, должно уважаться, не уважается только «не чистое», но и всякое «не чистое» может быть очищено. Именно на это направлены ритуалы синтоистских храмов. Они порождают у людей склонности приспособления, адаптации. Благодаря этому японец оказывается способным принять почти любую модернизацию после того, как она очищена, скорректирована, согласована с японской традицией.

Третья концепция утверждает единство природы и истории. В синтоистском воззрении на мир нет разделения на живое и неживое: для приверженца синто все живое — и животные, и растения, и вещи; во всем природном и в самом человеке живет божество ками. Некоторые считают, что люди и есть ками, или, вернее, ками располагаются в них, или в конечном счете они могут впоследствии стать ками и т. д. Согласно синто, мир ками — это не потустороннее обиталище, отличное от мира людей. Ками объединены с людьми, поэтому людям не нужно искать спасения где-то в другом мире. Согласно синто, спасение обеспечивается путем слияния с ками в повседневной жизни.

Четвертая концепция связана с многобожием. Синто возник из местных культов природы, поклонения местным, родовым и племенным божествам, ни о каком единобожии тогда и речи быть не могло. Первобытные шаманские и колдовские обряды синто начали приходить к известному единообразию только с V—VI вв., когда императорский двор стал брать под свой контроль деятельность синтоистских храмов. В начале VIII в. при императорском дворе был создан специальный департамент по делам синто, а в X в. составлен список богов синто (тогда пантеон синто насчитывал 3132 бога). В последующем это число значительно увеличилось.

Пятая концепция синто связана с национально-психологической основой. Согласно этой концепции, боги синто, ками, породили не людей вообще, а только японцев. В связи с этим в сознании японца с самых первых лет жизни укореняется представление о том, что он принадлежит синто. Отсюда вытекают два важнейших фактора регуляции поведения. Это, во-первых, тот факт, что ками самым интимным образом связаны только с японской нацией, и, во-вторых, с синтоистской точки зрения выглядит смешным, когда лицо, принадлежащее к другой нации, может поклоняться ками и исповедовать синто. Такое поведение неяпонца воспринимается как нелепость. Вместе с тем синто не удерживает самих японцев от того, чтобы они исповедовали любую другую религию. Не случайно почти все японцы параллельно с синтоизмом считают себя приверженцами какой-нибудь другой религиозной доктрины. Если суммировать количество японцев по принадлежности к отдельным конфессиям, то получится число, превышающее общее население страны.

Культовое действие в синто заключается в поклонении божеству конкретного храма, которое, в сущности, не имеет отношения к другим храмам. Ритуалы синтоистских храмов заключаются в услаждении местного божества. Эта простота церемонии, требующая от людей лишь приношений и простейших ритуальных действий, явилась важнейшей причиной стойкости синто на протяжении столетий. Для японца, справедливо отмечают С. А. Арупонов и Г. Е. Светлов, особенно живущего в сельской местности, свой храм, его ритуалы, его ежегодные красочные праздники стали необходимой частью жизни, которой следовали его отцы и деды и которой следует он сам, не прилагая к этому никаких усилий, а просто поступая так, как заведено, как поступают все — родственники и соседи.

Несмотря на существенные отличия в обрядах между отдельными храмами, сложились и некоторые общие черты. Это связано с определенными усилиями центральной власти внести порядок в культовую практику или даже сделать синто государственной религией. Такая попытка предпринималась, например, после реставрации Мэйдзи (1868 г.). Хотя старания властей окончились неудачей, некоторая упорядоченность все же была достигнута. Это выразилось прежде всего в создании системы обучения священников синто (каннуси), осуществляющих культовые действия в храмах. С 1868 г. до 1945 г. большинство каннуси назначалось правительственными распоряжениями, в последующем это стали делать муниципалитеты. Во многих случаях должность каннуси передается по наследству. Конституцией 1946 г. произведено отделение религии от государства.

В храме совершаются различного рода богослужения. Верующие становятся перед алтарем, бросают какую-нибудь монету в специальный решетчатый ящик, кланяются, хлопают несколько раз в ладоши и произносят (или же проговаривают про себя) слова молитвы. Храм организует и различные праздники.

Так, праздник мацури устраивается один раз, а в некоторых храмах два раза в год. Обычно праздник связан с началом сельскохозяйственных работ, с уборкой урожая, а также с какой-либо памятной датой в истории храма или местного божества. Праздник отмечается очень пышно. Служители храма оповещают о нем не только тех, кто обычно посещает храм, но и всю округу. Праздники мацу-

ри собирают большие толпы людей, которые участвуют в церемониях или в развлечениях. В некоторых храмах мацури проводится в виде красочных карнавалов.

Несмотря на отсутствие единства в почитании божеств, устройство синтоистских храмов тем не менее единообразно. Основу каждого храма составляет *хондэн* (святилище), в котором хранится *синтай* (святыня, божество). К *хондэну* примыкает *хайдэн*, т. е. зал для молящихся. Изображений богов в храмах нет, однако некоторые храмы украшены изображениями львов или других животных. При храмах Инари есть изображения лис, при храмах Хиэ — обезьян, при храмах Касуга — изображения оленей. Эти животные рассматриваются в качестве посланников соответствующих божеств. Все это свидетельствует о связи синто с многочисленными специфическими народными верованиями.

Народные верования. Обычно под народными верованиями понимают религиозную практику, которая не связывается с церковной иерархией. Это комплекс представлений и действий, основанных на предрассудках, суевериях и т. д. Хотя народные верования отличаются от храмового культа, однако связи здесь очевидные. Обратимся, например, к культу лисицы.

Японцы веками соблюдали культ лисицы. Божество в образе лисицы (Инари), верят японцы, имеет тело и разум человека. В Японии построены специальные храмы Инари, в которых собираются люди, якобы обладающие лисьей натурой. Под ритмические звуки барабанов и завывания священников прихожане с «лисьей натурой» впадают в состояние транса. Они полагают при этом, что это Инари вселяет в них свои силы. От этого люди с «лисьей натурой» считают себя в некотором роде колдунами и провидцами, предсказывающими будущее. Встречу с одной колдуньей описал известный исследователь Востока С. Галик [178, с. 195–196].

Изучая психологию японцев, С. Галик путешествовал по стране. Однажды его пригласили посетить деревню, которая славилась тем, что в ней жила старуха-колдунья, поклоняющаяся божеству Инари.

Предварительно договорившись о цели беседы, С. Галик с проводником вошел в убогую хижину колдуньи, которая сидела на возвышении. Вошедшие усиленно кланялись, но хозяйка молча указала им место на татами и подала гостям

по чашке тепловатого чаю. На улице светило солнце, но в хижине было темно. Гости едва различали фигуру старухи. Проводник объяснил колдунье, что с ним приехал издалека человек, слышанный о дарованных ей божеством Инари способностях предсказывать будущее, и он хотел бы узнать о своем будущем.

Ни слова не говоря, старуха повернулась к востоку, взяла находящийся у нее под рукой небольшой барабан и тихо ударила по нему. В течение нескольких минут она монотонно выбивала несложные ритмы и бормотала что-то едва различимое. Колдунья употребляла исключительно архаичные обороты, и спутники прилагали большие усилия, чтобы понять их смысл. Закончив эту церемонию, старуха дала понять, что сеанс окончен. Посетители положили на низенький столик, который стоял перед ней, завернутый в традиционную белую бумагу небольшой гонорар и вышли. Старуха, как и при приветствии, не ответила на поклоны, что само по себе не свойственно японцам, особенно японским женщинам.

Сопровождающий С. Галика японец с печальной миной объяснил ему смысл гадания. Старуха сказала, что при возвращении на родину он попадет в кораблекрушение, но останется жив, что дом его сторит, но что он все же станет богатым и женится на красавице. С. Галик отметил, что ни одно из предсказаний не сбылось.

Издавна известно в Японии поклонение волку. До недавнего времени волка считали духом гор Оками. Поклоняясь, люди просили Оками защитить посевы и самих тружеников от различных напастей. Рыбаки до сих пор просят его послать им благоприятный ветер. В ряде провинций люди до недавнего времени считали волка главным среди всех животных, так как верили, что он многое может сделать. К нему обращались во время стихийных бедствий и даже просили излечить от болезней. Многие боятся волка и молятся ему в храмах, где, по их мнению, он выступает как посланник духа гор Оками.

В некоторых районах Японии, особенно прибрежных, с давнего пор сохранилось поклонение черепахе. Рыбаки и сейчас считают черепаху (камэ) божеством (ками) моря, от которого зависит их удача. Огромные черепахи в Японии — не редкость. Если они попадают в сети, рыбаки ожидают, что им будет сопутствовать удача. Черепах осторожно вытаскивают из сетей, кладут на песок и на-

чинают поить сакэ. Затем их пускают в море. Убивают черепах в Японии далеко не везде. Там, где черепах употребляют в пищу, убивают их лишь «профессионалы». Это своего рода ремесло, которое передается от поколения к поколению.

Известно поклонение змеям и моллюскам. Японцы не брезгают ими, и нередко употребляют их в пищу. Однако есть такие, которые считаются священными. Это таниси, обитатели рек и прудов. Некоторые считают, что благоговеиное отношение к таниси пришло в Японию из Китая. По преданиям, в районе Айдзу когда-то стоял храм Накамин Хатимэн, у подножия которого находились два пруда. Если кто-нибудь ловил таниси из этих прудов, то ночью во сне слышал голос, требующий ее возвращения. Если же кто сильно болел, то, несмотря на страх, вылавливал таниси, и ночью, услышав голос ками пруда, обещал выпустить ее обратно только после выздоровления. В старых японских медицинских книгах указывается, что таниси — хорошее средство от глазных болезней, однако есть легенды и о том, что от глазных болезней вылечивается только тот, кто не употребляет таниси в пищу.

Есть места в Японии, где до сих пор верят в священность рыбешки окодзэ. Эта маленькая рыбешка в легендах занимает очень большое место. Она считается представительницей ками гор. Охотники заворачивают окодзэ в белую бумагу и произносят нечто вроде заклинания: «Окодзэ, если ты пошлешь мне удачу, я разверну тебя и дам увидеть солнечный свет». Многие рыбаки вешают у дверей своих хижин сушеную окодзэ в надежде, что им будет сопутствовать удача, а дом получит защиту от злых духов. Когда рыбаки попадают в беду, они обещают ками моря принести в дар окодзэ, если тот смилостивится и спасет их.

Многие японцы считают, что стрекоза томбо приносит удачу и счастье. Иногда стрекоза ассоциируется с храбростью и даже с национальным духом. Стрекозу воспринимают как воинственное насекомое, поэтому многие в прежние времена носили предметы с изображением стрекозы. Даже сейчас сохраняется этот обычай: изображение стрекозы можно увидеть на одежде мальчика, на предметах, которыми он пользуется. Такое отношение к стрекозе идет из глубины японской истории. Раньше Японию называли «землей стрекозы», даже в современной литературе мож-

но встретить слово Томбо как синоним Японии. Это связано с тем, что японский архипелаг своими очертаниями напоминает контуры стрекозы.

С древних времен акулу (самэ) в Японии считают существом, наделенным божественной силой, т. е. ками. Об акуле ходит много легенд. В одной из них рассказывается, как акула однажды откусила женщине ногу. Отец женщины в молитвах просил духов моря отомстить за дочь. Спустя некоторое время он увидел, как в море большая стая акул преследовала одну хищницу. Рыбак поймал ее, убил и нашел в желудке ногу дочери. Рыбаки верят, что акула может помочь избежать несчастья в море и даже может вынести утопающего к берегу на своей спине. Считают, что за священной акулой тянутся косяки рыбы. Если рыбаку посчастливится встретить ее, он возвращается с богатым уловом. Японцы употребляют некоторые виды акул в пищу.

Нередко в Японии над входом в дом, особенно в деревне, можно увидеть высушенного краба (кани). Вешают его как амулет, защищающий от злых духов и болезней. Рассказывают, что однажды кани появились на берегу района, где их никогда не видели. Люди высушили кани и повесили на деревья. После этого злые духи стороной обходят эти места. До сих пор живет предание, что, когда в междоусобной войне между кланами Минамото и Тайра последний потерпел поражение и его воины погибли в море, они превратились там в крабов. Поэтому в ряде сельских районов считается, что тыльная сторона краба напоминает человеческое лицо.

Наряду с поклонениями отдельным видам животных в Японии существует поклонение горам, горным источникам, камням, деревьям и т. д. Для крестьянина природа издавна служила надежным источником жизни, поэтому он и обожествил ее в своих представлениях. Отдельные камни, деревья и т. д. могут вызывать у японцев истинное наслаждение. Это можно сказать, например, про иву.

Японцы боготворят плакучую иву (янаги). Ее изящные тонкие ветви, колышущиеся под малейшим дуновением ветра, вызывают у них высокие эстетические чувства. Многие поэты воспевали янаги, художники часто изображали ее на своих гравюрах, свитках, полотнах. Все грациозное и изящное японцы сравнивают с ветвями ивы. Янаги — это слово женского рода, поэтому в литературе

оно используется как эпитет к героине женского пола. Поэт XVIII в. Ёса Бусон (1716–1783) посвятил янаги свое знаменитое трехстишие:

«янаги тири	Ива опала,
симидзу карэ иси	Ручей иссох,
токородоко	Голые камни...

Пер. В. Марковой

Стихотворение предваряется таким пояснением: «Написано во время странствий по провинции Симоцукэ в начале десятой луны, когда, стоя под старым деревом, название которому ива Югё, любовался я открывшейся передо мною картиной» [84, с. 241]. Дерево, о котором идет речь, — знаменитая ива, воспетая многими поэтами Японии.

Янаги японцы относят к деревьям, приносящим счастье и удачу. Из ивы делают палочки для еды, которыми пользуются только в праздник Нового года. Много есть причин, почему японцы очень любят иву. Ива быстро распускается в вазе с водой, она даже предсказывает дождь (перед дождем ее листья поднимаются к небу, как бы приветствуя омовение земли).

Народные верования в Японии очень разнообразны. Они постоянно изменяются, однако многое остается неизменным. Большое влияние на верования оказали привнесенные в Японию религии. Это можно показать на примере культа косин [29, с. 155–170].

Косин (год обезьяны) — название одного из годов старинного циклического летосчисления, применявшегося в Японии до 1873 г. Оно состоит из повторяющихся 60-летних циклов. Последним годом косин был 1980 год. Культ косин связан с даосизмом, принесенным в Японию из Китая. Даосы считали, что в ночь косин, когда наступает новый год косин, обитающее в теле человека некое таинственное существо во время сна покидает его и поднимается на небо, где докладывает небесному владыке о его греховных делах. На основании этого доклада небесный владыка может лишить человека жизни. Поэтому рекомендовалось проводить ночи косин без сна. В Японии этот обычай получил очень широкое распространение. Постепенно он вобрал в себя также элементы синтоизма и буддизма.

С течением времени косин утратил свой религиозно-мистический характер, однако и поныне в ряде мест Япо-

нии люди в эту ночь по-прежнему не ложатся спать, собираются вместе, а то и развлекаются выпивкой и угощениями. Для ожидания и встречи года косин в некоторых сельских районах возводятся специальные башенки. Даже те, кто не верит в сущность косин, рассматривает эти башенки как защиту от всяческих бед.

В народные верования японцев как бы сами собою вошли многие божества из буддийского пантеона. Так, в Японии получил большую популярность буддийский святой Дзидзо. Он известен как покровитель детей и путешественников, избавитель от болезней, гарант долголетия, спаситель и т. д. Во дворе одного из храмов в Токио можно увидеть статую Дзидзо, опутанную соломенными веревками. Это так называемый Сибарарэ Дзидзо — «священный Дзидзо»; если у человека похищают какие-то ценности, он связывает Дзидзо и обещает освободить при обнаружении пропажи.

Исследователи следующим образом классифицируют народные верования японцев: производственные культы (связанные в основном с сельским хозяйством и рыболовством), культы исцеления (обеспечивающие якобы излечение от болезней), культы покровительства (направленные на защиту от эпидемий и других бед извне), культ-хранитель домашнего очага (оберегающий дом от пожара и поддерживающий мир в семье), культ удачи и процветания (дающий приобретения и блага жизни), культ отпугивания злых духов (направленный на избавление от разной нечисти — чертей, водяных, леших). Конечно, как справедливо отмечают многие исследователи, Япония далеко не та, что была хотя бы сто лет назад, когда суеверия буквально пронизывали все стороны жизни народа. Время сделало свое дело. Тем не менее в Японии современные взгляды на жизнь продолжают уживаться с чуть ли не первобытными поверьями.

Рассмотренные выше и подобные им поверья отражают различные стороны национальной психологии японцев, их обыденное сознание. Если в далеком прошлом эти поверья опирались на обожествление различных сил природы и представления о связи живых с мертвыми, то в современных условиях остались одни обряды. Исполнение обрядов стало в Японии традицией.

Известно, что традиция выполняет в жизни общества регулятивные функции. Она выступает средством стаби-

лизации утвердившихся в обществе отношений, осуществляет воспроизводство этих отношений в жизни новых поколений и служит в качестве нормы поведения людей в совместном общении. Сила той или иной традиции и связанной с ней нормой поведения зависит от национально-психологических особенностей народа. И поскольку для японцев, как отмечалось выше, характерна исключительно сильно выраженная традиционность, то нормативные функции народных поверий будут еще долго давать себя знать в жизнедеятельности японской нации. Это во многом связано также с тем, что народные поверья в Японии как-то совместились с положениями главных восточных религий, в частности с буддизмом и конфуцианством. Они в ряде случаев мирно ужились и с так называемыми новыми религиями.

Буддизм. Эта религия проникла в Японию еще до нашей эры, однако решительное влияние на психологию японцев она стала оказывать лишь с V—VI вв., когда на Японские острова начали прибывать буддийские монахи. Буддийские священные книги, написанные на китайском языке, были первыми книгами, появившимися в Японии. Буддизм в Японии попал в сложную религиозную обстановку и, естественно, не мог не японизироваться. Однако традиционные формы буддизма пережили века. Их жизненность, говорит Г. Г. Свиридов, состоит «в особенностях коренных психологических стереотипов, сформировавшихся в глубокой древности» [133, с. 223]. Чтобы понять регулирующее влияние буддизма на поведение японцев, надо исходить из учета его основных классических положений.

Общепризнанно считать, что основатель буддизма (Будда) родился в VI в. до н. э. в княжеском роде Шакиев (Могущественных), его назвали Сиддхартха, а когда он достиг совершеннолетия, ему дали имя Гаутама. Отец держал наследника вдали от мирских дел, возил его на золоченой колеснице, скрывая от глаз посторонних. Молодой князь не знал забот, купался в роскоши и не ведал настоящей жизни. Однажды все же он увидел нищего старика, в другой раз — калеку, в третий — покойника и в четвертый — бродягу. Увиденное потрясло Гаутаму и переменило его судьбу. Он отказался от богатого наследства, оставил жену и сына и в 29 лет стал странствующим аскетом.

Шесть лет Гаутама провел в скитаниях, живя подаянием. Как-то ночью, сидя под деревом Бо (Бодхи, т. е. познание) в глубокой задумчивости, он понял смысл бытия, на него снизошло просветление. Гаутама познал четыре святые истины: жизнь в своей основе есть страдание; причиной страдания являются страсти, потребности, желания людей; чтобы избавиться от страданий, надо пресечь все желания; сделать это можно только путем ухода от действительности и достижения «высшего просветления» — нирваны.

С того времени как Гаутама стал Буддой (будда по-санскритски «просветленный», «достигший прозрения»), его стали именовать Шакья-Муни (святой из рода Шакьев).

Дальнейшую жизнь Будда посвятил проповеди своего учения. Умер он 80 лет. Последователи стали наделять его различными сверхъестественными способностями: он мог быть невидимым, летать по воздуху, ходить по воде, держать в руках солнце и луну и т. д. Постепенно Будда приобретал в представлениях людей и качества других богов.

Главным в буддизме является уход от житейской действительности. Буддизм проповедует отречение от страстей, провозглашает тщетность мирских забот, призывает к душевному покою.

Буддисту, как вытекает из канонов, следует бежать из сансары (материального, чувственного мира), чтобы перейти в мир нирваны. Согласно учению Будды, сансара — это иллюзорный мир, а нирвана — мир подлинный. Реальность, как следует из догматов буддизма, — это движение специфических частиц — дхарм. Всё в мире образуется из комбинации дхарм. Буддийские схоласты насчитывают от 75 до 100 разновидностей дхарм. Выделяют также определенные группы дхарм: дхармы бытия и небытия (то, что рождается и исчезает, и то, что существует вечно); дхармы волнения и покоя (то, что подвержено страстности и суете, и то, что стремится к успокоению); дхармы психических состояний (ощущение благоприятного, неблагоприятного и безразличного отношения к окружающему); познавательные дхармы (ощущение, восприятие, представление); дхармы сознания и подсознания (подконтрольные сознанию абстракции и то, что неподконтрольно сознанию).

Дхармы, согласно буддизму, никогда не исчезают, а лишь соединяются в различные структуры. В связи с этим и человеческая смерть понимается как распад одной структуры дхарм и появление другой в образе человека, животного, насекомого, растения и т. д. Жизнь, по буддизму, — это цепь бесконечных перерождений. Чтобы обеспечить себе «хорошее перерождение», не переродиться, скажем, в змею или насекомое, человек должен соблюдать предписания буддизма. Представление о месте человека в мире изложено в многочисленных посланиях Будды. Суть их хорошо видна в обращении Будды к своим ученикам перед смертью.

«Пусть мое учение освещает вам путь жизни! Положитесь на него; не верьте ничему другому. Будьте сами светом себе. Надейтесь только на себя; не надейтесь на других. Блюдите свое тело, заботьтесь о чистоте его; не поддавайтесь искушениям; разве вы не знаете, что искушения принесут вам страдания? Заботьтесь о душе своей; знайте, что она вечна; разве вы не убеждены в том, что забвение ее, ваша гордыня и себялюбие принесут вам неисчислимы страдания? Будьте внимательны ко всему, что окружает вас; разве вы не видите, что все это извечная «самость»? Разве вы не знаете, что все это со временем распадется на части и будет развеяно? Не пугайтесь страданий, следуйте моим заветам и вы избавитесь от них. Делайте всё с душою и вы будете моими верными учениками.

Друзья мои... Не забывайте, что смерть — это только распадение тела. Тело нам дали родители. Оно вскормлено пищей, поэтому болезни и смерть неизбежны. Но вы знаете, что Будда — это не тело, это Просветление. Тело исчезнет, а мудрость Просветления останется навечно. Просветление будет жить с вами в виде Дхармы. Тот, кто видел мое тело, еще не видел меня. Меня видел тот, кто познал мое учение. После моей смерти вашим учителем будет моя Дхарма. Следуйте этой Дхарме и вы будете верны мне» [228, с. 11–13].

В раннем буддизме упор делался не на мировоззренческие вопросы, а на нормы поведения человека. Эти нормы не отрицали того, что содержалось в приемлемых для народа уже испытанных кодексах жизни. В результате буддизм быстро завоевал многочисленных сторонников. Его победное шествие из Индии по Южной и Восточной Азии

началось в III в. до н. э. На рубеже новой эры буддизм распространился в Китае, в IV в. — в Корее и в VI—VII вв. утвердился в Японии.

Естественно, такая громадная по числу адептов религия не могла долго сохранять единство и довольно скоро стала дробиться на секты. Самый существенный раскол произошел в I в., когда в рамках буддизма определились два направления: хинаяна и махаяна. В IX в. от махаяны отпочковалось своеобразное направление буддизма — ламаизм. Хинаяна получила основное распространение в странах Южной и Юго-Восточной Азии, махаяна — в странах Восточной и Центральной Азии, ламаизм — на Тибете и в Монголии.

Хинаяна (букв. «малая колесница») означает «узкий путь спасения». Последователи этого направления считают, что только монашеская жизнь может привести к нирване. Будда в хинаяне почитается не в качестве божества, а как великий учитель. Считается, что он достиг совершенства праведной жизнью и созерцанием. Он указал путь к спасению в виде неукоснительного следования его учению. Обрядность в хинаяне ограничивается главным образом культом Будды и почитанием мест, связанных с его жизнью, поклонением ступам — сооружениям, в которых хранятся буддийские реликвии.

Махаяна (букв. «большая колесница») означает «широкий путь спасения». По учению махаяны спастись может не только монах, но всякий, кто будет соблюдать определенные заповеди и предписания. Будда рассматривается махаяной как бог. Считается, что было бесчисленное количество будд, что следующий будда сменит ныне существующего через восемь с лишним миллионов лет. В пантеоне махаяны насчитывается более тысячи будд, которые придут к людям в будущем. Еще больше насчитывается бодхисаттв.

Согласно буддийским канонам, бодхисаттва — это просветленный человек, который отказывается от нирваны, чтобы помочь всем людям достичь просветления. Бодхисаттвы «сближают» людей с буддой, приходят к ним на помощь по их зову. Бодхисаттвам помогают архаты, т. е. святые, которые достигли познания основополагающих истин бытия и распространяют учение буддизма среди масс населения.

В Японию буддизм занесли китайские и корейские мо-

нахи. Многие из них создавали на Японских островах свои секты. Между сектами развернулась борьба на почве доктрин хинаяны и махаяны. Последняя воспринималась японцами как более приемлемая, поэтому повсюду стали возникать махаянистские храмы. Число монахов росло так быстро, что император Камму (781—806), опасаясь монашеского «нашествия», в 794 г. перенес свою столицу из Нары в уезд Уда.

Новая столица получила название Хэйан. Она просуществовала до 1191 г. (на этом месте теперь находится город Киото). Наиболее значительной особенностью этого периода было распространение влияния буддийских сект тэндай и сингон.

Секта тэндай (по-китайски тянь тай) появилась в Японии в 754 г. Ее основателем был японский священник Сайтё, прошедший обучение в Китае. В 827 г. ему посмертно присвоили звание Дангё Дайси (Великий учитель). Сайтё проповедовал доктрину махаяны, согласно которой сущность Будды находится в каждом, кто стремится к самосовершенствованию и хочет стать бодхисаттвой. Для этого, учил Сайтё, надо пройти специальные испытания и обучения.

Секта сингон (от китайского чжэнь янь — «истинное слово») была основана монахом Кукуем (774—835). Согласно его учению, безграничная вера в Будду ведет людей от мирских забот к спасению. Отличительной особенностью секты явилась ярко выраженная терпимость в отношении синто. Секта примиряла приверженцев синтоизма и буддизма, удерживала своих сторонников от выступлений против синтоистских божеств. Синтоистские священники, в свою очередь, не настраивали прихожан против буддистов. Вскоре на секту сингон стали смотреть как на ветвь буддизма в синтоизме. В результате в 937 г. в японском синто выделилось своеобразное направление, которое получило название ребу синто, т. е. синто-дубль, объединяющее в себе две религии.

В течение XII столетия в Японии возникли четыре другие буддийские секты — дзёдо, синсю, нитирэн и дзэн. Последняя оказалась наиболее влиятельной. Именно этой секте удалось не только в какой-то степени привлечь к себе приверженцев других сект буддизма, но и оказать серьезное воздействие на формирование национальной психологии (о чем речь пойдет в гл. III). Вместе с тем

заметное влияние на психологию японцев оказала секта дзёдо, усиленно проповедовавшая амидаизм.

Известно, что в сутрах махаяны будда Амида (властитель рая) упоминается наряду с другими многочисленными буддами. В китайском буддизме будда Амида стал известен с VI в. Что касается Японии, то мнения исследователей расходятся и поэтому трудно здесь назвать какую-либо дату или период. Тем не менее все известные секты японского буддизма начиная со средних веков проповедуют преклонение перед Амидой.

Культовая практика амидаистов известна в Японии под формулой *нэмбуцу* (*нами амида буцу*). Достаточно, например, умирающему десять раз повторить эту формулу – молитвенное восклицание, как якобы явится Амида и облегчит его страдания. Если то же самое проделает женщина, она может переродиться в мужчину. Наиболее ярые приверженцы Амиды обращаются к нему по многу раз в день: «Доброе утро, Амида!», «У меня недомогание, Амида», «Не будет ли дождь, Амида?», «До свидания, Амида!» и т. д. Обращение к Амиде постоянно совершенствовалось и утончалось. Один из лидеров секты дзёдо утверждал даже, что он ежедневно делает тысячи обращений к Амиде.

Преклонение перед Амидой вошло у многих японцев в привычку, что повлияло на их поведение, языковое общение, взаимоотношения. Процедура *нэмбуцу* превратилась в Японии в своеобразную систему психической регуляции. Хорошо известно, что если долго и упорно твердить себе какое-нибудь приказание или запрещение, то результат непременно скажется – мы внушим себе определенную норму поведения. В современных условиях психологи некоторых стран широко применяют метод самовнушения при отучении людей от вредных привычек (курения, употребления наркотиков и т. д.). Японцы же давно практикуют то же самое, следуя предписаниям буддизма.

Высшая цель японского буддизма, отмечает японский исследователь Кисимо Хидэо, освобождение человека от страданий. Большинство из них, подчеркивает он, связано с трудностями, возникающими в окружающем мире. Но эти трудности становятся реальным страданием только в том случае, если воспринимать их в качестве страдания. Ключ к преодолению жизненных страданий в са-

мом человеке. Японский буддизм, сосредоточивая внимание на внутренних проблемах человека, рекомендует рациональный подход к переживаниям действительности. В отличие от классического буддизма, проповедующего отказ от желаний, японский пропагандирует разумное отношение к желаниям. По канонам японского буддизма только нереальные желания являются причиной тревог и беспокойства. «Просветление» (по-японски *сатори*) не связано с отказом от прелестей жизни. Достигнув просветления, как следует из практики современных сект, японец должен продолжать наслаждаться жизнью. Буддизм для японского народа — это жизнеутверждающая религия. Прагматический склад ума побуждает японца смотреть на все с точки зрения полезности. И синто, и буддизм, и, конечно, конфуцианство — величайшие ценности для японца.

Конфуцианство. Обычно под конфуцианством понимают религиозно-философскую систему, возникшую в Китае 2500 лет назад. Во времена победного распространения этой системы по различным странам Азии в китайском языке не было отдельного слова для обозначения понятия «религия»: употребляемый в таких случаях иероглиф *цзяо* (по-японски *кё*) в переводе обозначал и религию и учение. Именно в таком понимании конфуцианство восприняли и японцы.

Создатель названной системы Конфуций (551 — 479 гг. до н. э.) родился в семье мелкого чиновника. По-китайски его фамилия Кун, а имя Цю, однако чаще его зовут Кун-цзы (учитель Кун). Биография Конфуция дошла до нас обросшая всевозможными легендами.

В официальной литературе Конфуций изображается примерным сыном, ревнителем старинных обычаев, усердным чиновником. Довольно долго пробыв на различных должностях, Конфуций оставил чиновничью карьеру и занялся проповедью своих этических взглядов. Он ездил по удельным княжествам и давал советы их правителям по управлению подданными. Постепенно эти советы оформились в специальные своды, в которых в определенном свете трактовались древние традиции. Сам Конфуций получил признание как человек высокой мудрости, у него появилось много учеников. По данным источников, у Конфуция было 72 ученика, из которых 12 находились при нем почти безотлучно. Пропутешествовав по Китаю до

66 лет, Конфуций вернулся в родной удел Лу, в котором оставался до конца жизни. Умер он 72-х лет в Цюйфу. На месте дома Конфуция был построен храм. Постепенно храмы Конфуция были возведены по всему Китаю.

Конфуцианство занималось моральным поучением людей, особенно молодежи. «Молодые люди, — наставлял Конфуций, — должны дома проявлять почтительность к родителям, а вне его — уважительность к старшим, серьезно и честно относиться к делу, безгранично любить народ и сближаться с человеколюбивыми людьми. Если после осуществления всего этого у них останутся силы, их можно тратить на чтение книг» [71, ч. 1, с. 141]. В этом Конфуций ставил себя в пример: «В пятнадцать лет я обратил свои помыслы к учебе. В тридцать я обрел самостоятельность. В сорок лет я освободился от сомнений. В пятьдесят я познал волю неба. В шестьдесят лет научился отличать правду от неправды. В семьдесят лет я стал следовать желаниям своего сердца...» [71, ч. 1, с. 143]. Конфуций считал свое учение даром всевышнего. «Если мое учение проводится в жизнь, на то воля [неба]...» — с гордостью подчеркивал он [71, ч. 1, с. 165].

По учению Конфуция общество делится на «благородных мужей» и «ничтожных людей». Первые выступают в качестве эталона совершенства, они обладают пятью добродетелями — человечностью (*жэнь*), чувством долга (*и*), учтивостью, деликатностью (*ли*), умом, знаниями (*чжи*), верностью (*синь*). Ко всему этому примыкает добродетель сыновней почтительности (*сяо*).

Китайский иероглиф *жэнь* состоит из двух смысловых элементов: «человек» и «два». Конфуций считал, что человек обладает врожденным чувством человечности, которое проявляется в общении с другим человеком. В широком смысле *жэнь* означает совокупность принципов взаимоотношений: милосердие, сдержанность, скромность, доброта, сострадание, любовь к людям, альтруизм. Долг, по Конфуцию, означает высший закон *жэнь*, он объединяет сумму моральных обязательств, которые человек принимает на себя добровольно. В нормах поведения (этикет, обряды, благопристойность) реализуется чувство долга. Чтобы все это проявлялось во взаимоотношениях людей без напряжения, люди должны обладать основами морально-этических знаний. Такие знания приобретаются, по Конфуцию, только посредством усвоения узаконен-

ных установлений, изречений и подражания. В связи с этим верность в смысле покорности и безоговорочного следования авторитету должна быть неизблемой. Особый принцип, пронизывающий все общество, у Конфуция *сяо* – сыновняя почтительность, любовь сына к родителям, и прежде всего к отцу.

Согласно *сяо*, дети должны не только исполнять волю родителей и верно служить им, но и всем сердцем любить их. Если человек не любит родителей, а еще более, не признает своих сыновних обязанностей, – он существо никчемное. Конфуций учил, что лучше умереть, чем отказаться почитать родителей. Все эти идеи были изложены в особых трактатах, которые усиленно внедрялись в умы людей в разные времена. Государство заботилось о распространении идей *сяо* среди подданных. Это объяснялось тем, что сам принцип включал в свою орбиту не только взаимоотношения между отцом и сыном, но и общество в целом: отношения между императором и министрами, между местными властями и населением. Сыновняя почтительность (безоговорочное подчинение отцу) распространялась на всю иерархию государства, означая подчинение существующему порядку.

Если буддизм можно считать индивидуально-психологической системой регуляции поведения, то конфуцианство – морально-этической, на основе которой строится поведение людей в обществе. Наиболее заметно влияние конфуцианства на японцев в этом плане начало сказываться во времена принца Сётоку (573 – 621), когда была принята состоящая из семнадцати статей конституция.

Господствовавшие в Японии синто и буддизм оказывались значительными препонами, поэтому вплоть до средних веков идеям Конфуция не суждено было завладеть умами японцев. Учение Конфуция, пишет Д. Кин, передавалось тогда еще как тайная традиция, как собственность знатных родов [84, с. 21]. Главы этих родов по-прежнему верили только старшим сыновьям. Даже монахи дзэн-буддизма, которые завезли из Китая письменные памятники конфуцианского учения, не решались проповедовать это учение открыто. Лишь во второй половине XVI – начале XVII в., когда работы китайских философов были переведены на японский язык, конфуцианское учение обрело массовость.

На конфуцианство японские мыслители стали смот-

реть как на учение, способное влиться в подлинно японскую действительность, а не как на систему, навязанную со стороны. Идеи Конфуция стали внедрять в юриспруденцию и административное управление, они проявились как регулирующая сила во многих аспектах жизни, причем нередко в совершенно противоположном истолковании по сравнению с тем, что было в Китае.

«Как ни парадоксально, — замечает Д. Кин, — расцвет „веселых кварталов“ в крупнейших городах Японии явился следствием провозглашения конфуцианства государственной идеологией. Стремясь к созданию стабильного, неизблемого общества, конфуцианцы предписывали жесткий порядок, который определяется системой поведения, основанной на принципах вассальной верности и сыновней почтительности. Семья рассматривалась при этом как ячейка государства, и уважение к главе семьи было столь же обязательным, как и преданность сюзерену. Хозяин дома был обязан содержать свою семью, но какое-либо проявление любви к жене и детям считалось неподобающим. Жена должна была безоговорочно подчиняться воле мужа, ей запрещали показывать свою ревность, ей редко позволяли говорить; если неудовлетворенность семейной жизнью толкала ее в объятия другого мужчины, то наказанием ей служила смерть» [84, с. 110].

Конфуцианцы считали любовь неуместным элементом семейных отношений, они не скрывали своего мнения о том, что мужчина имеет право развлечься на стороне. Правительству же было выгодно создавать «увеселительные заведения». Посещение этих заведений не считалось зазорным; скорее мужчина, не желавший их посещать и предпочитавший оставаться все время в кругу семьи, считался излишне добродетельным и даже человеком, лишенным вкуса. Однако конфуцианство здесь требовало придерживаться определенного правила: мужчина мог развлекаться в той мере, в какой ему позволяли средства, но, если он вдруг влюблялся в куртизанку, что угрожало семье и могло привести к катастрофе, — такое считалось недопустимым.

В японской литературе средних веков сложилось направление конфуцианского толка: все создавалось в назидательных целях. Ученые-конфуцианцы писали трактаты, стихи, новеллы, однако художественная ценность этих творений, по оценке исследователей, весьма ограни-

ченна. Конфуцианцам лучше удавались нравоучительные функции.

Проповедник учения Конфуция в Японии Хаттори Унакити пишет: «Конфуций не является только китайским мудрецом. Он восточный мудрец, подобно тому как он становится ныне, а в будущем делается мировым мудрецом» (цит. по [129, с. 413 – 414]).

Идеи Конфуция проникли во все поры японского общества. Начиная с первых десятилетий периода Токугава они стали основой воспитания и образования для всей японской нации. Регулирующая сила этих идей в жизни проявлялась как соблюдение определенных канонов, сформулированных последователями Конфуция [39, с. 214 – 215]:

уважай больше всего сыновнюю почтительность и братскую покорность, чтобы должным образом поднять общественные отношения; обращай великодушно со всеми родственниками, дабы поддерживать дух гармонии и смирения; поддерживай мир и согласие с соседями, чтобы предупреждать ссоры и тяжбы; признавай важность земледелия и шелководства, дабы обеспечить достаточное количество пищи и одежды; цени умеренность и экономию, чтобы не допустить расточительства, растраты своих сил; высоко ставь школу и учебу, чтобы занятия ученых шли должным образом; порицай и изгоняй посторонние учения, чтобы возвысить учение истинное; излагай и объясняй законы, чтобы предостеречь невежд и упрямцев; проявляй благопристойность и учтивость, дабы упорядочить нравы и обычаи; усердно трудись на собственном поприще, чтобы все люди стремились к своей цели; поучай сыновей и младших братьев, чтобы удержать их от дурных дел; ставь преграду ложным обвинениям, чтобы покровительствовать честным и хорошим людям; предостерегай от укрывательства беглецов, чтобы укрыватель не попадал под подозрение; вовремя и полностью плати подати, чтобы с тебя не требовали недоимок; группируйтесь в сотни и десятки, чтобы положить конец воровству и кражам; учись подавлять гнев и злобу, чтобы придавать должное значение личности.

Подобные догмы, усиленно внедряемые на протяжении веков в сознание людей, отложились в психологии нации в виде вполне определенных поведенческих стереотипов. Вряд ли можно утверждать, что в современной

Японии эти догмы остались незыблемыми нормами социальной регуляции, однако значение их бесспорно.

Весьма заметно также влияние на поведение японцев религиозных идей даосизма.

Даосизм — философское учение, возникшее в Китае в начале VI в. до н. э. Как религия даосизм оформился на рубеже нашей эры. Основателем даосизма признают Лао-цзы (VI—V вв. до н. э.), считающегося великим философом Китая. Его учение изложено в трактате «Дао-дэзин» («Книга пути и добродетели»).

Главная категория даосизма — *дао* (путь). Она понимается как первопричина материального мира и духовной жизни людей. *Дао* представляется как общий путь развития: все, что есть, происходит от *дао*, развивается по законам *дао* и, совершив круговорот, возвращается в *дао*. Никто не может чувственно воспринять *дао*: то, что можно увидеть, услышать, пощупать, понять, — это не *дао*. Проявление *дао* в реальной действительности осуществляется через *дэ* (добродетель). Задача человека состоит в том, чтобы стремиться к *дао*. Это делается путем слияния с природой, с окружающей жизнью. Основным принципом деятельности человека является принцип «недеяния».

Согласно учению Лао-цзы, «недеяние» заключается в том, чтобы следовать природе вещей и пути развития мира, не стараясь переделывать его, не мешать тому, что происходит. «Недеяние» — это не ничегонеделание, это такое поведение, которое согласуется с *дао*. В Японии эта доктрина мироощущения и деятельности получила распространение во многих аспектах жизни: в литературе, искусстве, воинском обучении, спорте и т. д.

Христианство. Впервые японцы познакомились с христианством в XVI в., когда в 1548 г. вместе с испанскими купцами в Японию прибыли три католических священника. Им было разрешено отправлять богослужение, чем они незамедлительно воспользовались. Миссионеры (как первые, так и последующие) были приятно удивлены вниманием, проявленным японцами. Гости сочли, что новая религия легко найдет путь к сердцам японцев. Однако вскоре выяснилось, что внимание это было результатом того, что вместе с миссионерами прибывали заманчивые товары. Местные феодалы всячески поощряли контакты своих подданных с миссионерами, получая при этом

заморские подношения. По некоторым данным, к 1582 г. в Японии находились 80 христианских миссионеров, которые обратили в новую веру до полутора сотен тысяч человек.

Казалось, идеи Христа пользуются растущей популярностью, но вскоре власти повели решительную борьбу с христианством вплоть до репрессий против миссионеров, а также местных новообращенных. В 1614 г. был издан соответствующий эдикт. К середине XVII в. христианство в Японии было фактически ликвидировано.

Второй период его распространения начался лишь спустя двести лет. В 1859 г. в Нагасаки обосновалась первая протестантская миссия. В Иокогама в 1862 г. были построены католическая, а в 1872 г. протестантская церкви. Деятельность миссионеров становилась все оживленней. Однако к концу XIX в. на них снова обрушиваются гонения властей, и они вынуждены были отсиживаться в своих миссиях. После новых взлетов и падений за христианством сохранилось в Японии лишь третьестепенное значение.

Число христиан в Японии составляет 873 тыс., из них 357 тыс. — католики. Наиболее крупной протестантской организацией Японии является Объединенная церковь Христа (201 тыс. последователей). В нее вошли пресвитериане, методисты, конгрегационалисты, баптисты и другие группы. В Японии имеются также не входящие в Объединенную церковь Христа пресвитериане (13 тыс.), методисты (52 тыс.), лютеране (25 тыс.), члены организаций Внецерковное христианское движение (50 тыс.), Дух Иисуса Христа (37 тыс.), «Армия спасения» (15 тыс.) и др. Православия придерживаются 25 тыс. человек [221, с. 127].

Нужно сказать, что японцы в большинстве своем мало сведущи в тонкостях христианства. Их прагматический ум не склонен к абстрактно-мистичному христианскому учению, они относятся к нему с каким-то недоверием и страхом. Среди миссионеров постепенно сложилось мнение, что японская действительность — не очень хорошая питательная среда для христианства. Упорное нежелание японцев принять христианские идеи многими объяснялось как неприспособленность общественного сознания японцев к принятию более сложной мировоззренческой системы, нежели синтоизм, буддизм или конфуцианство.

Хотя прямого воздействия на национальную психологию японцев христианство не оказывает, оно влияет на их поведение косвенным образом. Это видно на примере деятельности адептов «новых религий».

«Новые религии» (*синко-сюкё*). В японской действительности под влиянием самых различных факторов, большей частью при ощущении утраты идеалов, возникали новые религии. Некоторые из них опирались на какие-то события в истории Японии, другие были результатом активности предприимчивых дельцов от религии. В основу доктрин новых религий положены определенные догматы синто, буддизма или христианства или же эклектическая смесь всех этих религий. Все *синко-сюкё* условно можно объединить в следующие группы: религиозного согласия; неосинтоистские; метабуддийские; неоконфуцианские.

Среди *синко-сюкё* религиозного согласия выделяются прежде всего секты, придерживающиеся монотеизма. Они признают единого бога, которого объявляют творцом вселенной. Все люди, считают сектанты религиозного согласия, — это дети всевышнего, который печется об их счастье и благополучии. Несчастья и болезни, утверждают они, сваливаются на людей потому, что те нарушают гармонию между объективной действительностью и внутренним «я», потому что уклоняются от соблюдения высших законов Неба. Основными догмами таких сект можно назвать следующие: вера в создателя; соблюдение моральных заповедей; любовь к ближнему; стремление к миру и благополучию. В культовой практике адептов религиозного согласия дух синто вполне уживается с буддизмом и христианством. Секта Сэйтё-но изэ (Дом роста) является наиболее ярким представителем *синко-сюкё* религиозного согласия.

Сэйтё-но изэ возникла в 1930 г. Догматы ее состоят из смеси буддийских и христианских доктрин. От христианства здесь идет идея о едином и добром божь-творце, а от буддизма — положение о медитации (подробно см. гл. III). Согласно учению основателя данного религиозного направления, Танигути, известного своими крайне правыми взглядами, человек, осознавший себя сыном бога, якобы наделяется неограниченными возможностями и становится полным хозяином своей судьбы, своего внутреннего мира. В Японии имеется 45 церквей Сэйтё-но изэ

и около двух тысяч домов для собраний. Служба в церк-вах начинается с чтения одного из священных текстов. Затем проповедник произносит речь об учении Танигути, после чего присутствующие обмениваются рассказами о чудесных исцелениях. В заключение следует *дзаданкай* (беседа за чашкой чая). Молящиеся обычно пребывают в позах созерцания (*синсокан*). Численность приверженцев около 1,5 млн. В основном это представители сред-ней, отчасти крупной буржуазии и интеллигенции. Боль-шинство активных адептов — женщины средних лет.

Близко к упомянутой религии примыкают Сэкай кю-сэй кё (Религия спасения мира), насчитывающая свыше 500 тыс. приверженцев, и PZ кёдан (Религиозная ассо-циация абсолютной свободы), имеющая более 1,3 млн. последователей. Обе организации основной упор делают на вовлечение масс в религиозную жизнь путем приоб-щения людей к красоте. Известный успех в этом деле объясняется эстетическими наклонностями японской нации.

Особое место в ряду *синко-сюкё* религиозного согла-сия занимает религия Иттоэн с числом приверженцев 1—2 млн. человек. Последние называют Иттоэн не рели-гией, а образом жизни. Молельный дом (зал духов) Ит-тоэн имеет три алтаря — буддийский, христианский и алтарь Охикари (алтарь света). Приверженцы Иттоэн проповедуют возвышенные идеи альтруизма и бескорыст-ного служения ближнему. Самой существенной чертой культовой практики этой религии является «молитва в действии»: очистка туалетов, уборка общественных мест, подметание улиц и т. д.

Неосинтоистские религии своими корнями уходят в доктрины синто, обновленные их собственными учения-ми. Эти религии склонны выделять ограниченный круг божеств. В своей практике они исходят из следующих догматов: боги являются творцами вселенной, они же определяют и ее дальнейшее развитие; осознание смысла жизни и смерти достигается через ощущение неделимо-сти материального и духовного мира; избавление от бо-лезней, несчастий и злых духов осуществляется посред-ством поклонения богам. Наставники неосинтоистских сект призывают прихожан жить по воле богов и быть полезными людям. Как правило, неосинтоистские секты практикуют обычные культовые действия синто. В неко-

торых сектах культ синто дополняется действиями, заимствованными из буддизма или христианства.

К неосинтоистским *синко-сюкё* относится одна из самых ранних «новых религий», основанная в 1838 г. женщиной по имени Накаяма Мики. Эта религия носит название Тэнрикё (религия божественной мудрости). Число ее адептов превышает два с половиной миллиона человек. В Японии имеется свыше 15 тыс. храмов Тэнрикё и свыше 6 тыс. мест для собраний.

Главным божеством Тэнрикё является Тэнри-о-но микото (Господь божественной мудрости), часто называемый Оя-гами (Отец-бог). Этот бог якобы вселился в тело Накаяма Мики и ее устами вещал людям божественные истины. Согласно принятым сектой догматам, бог дал человеку на время его тело и создал ему условия жизни, отсюда основная доктрина Тэнрикё — *касимоно-каримоно* (отданное взаимы — полученное взаимы). Если человек понимает это и полагается на Оя-гами, то его ждет счастье и удачи, если же нет, — его душу покрывает *хокори* (пыль), которая выступает в виде жадности, ненависти, зависти, невежества и т. д. Избавление от греховной пыли осуществляется путем различных обрядов и трудов для Оя-гами. Молитвами и безвозмездным трудом человек открывает себе путь к *ёкигураси* — радостной жизни.

Тэнрикё ведет интенсивную пропаганду среди населения. Главную роль в этом играет духовный центр Ояса-то (Обитель бога) в городе Тэнри. Секта Тэнрикё имеет свой университет, научно-исследовательский институт азиатской культуры, лучшую в стране библиотеку, этнографический музей, школы, больницы, приюты для сирот и другие учреждения и сооружения. Считается, что долг каждого члена Тэнрикё — вести миссионерскую работу. Для этой цели на трехмесячных курсах готовятся миссионеры-профессионалы (*ёбоку*). Для распространения идей Тэнрикё используются новейшие средства информации: печать, радио, кино.

Среди неосинтоистских религий имеются разновидности мессианских сект. Согласно их воззрениям, миром управляют боги. Однако свои функции они осуществляют не непосредственно, а через заместников на земле. Последние живут среди людей и сносятся с богиней солнца, побуждают людей воздавать богине должное и тем самым обеспечивать ее благосклонность, которая была якобы

утеряна из-за греховности и деградации человека. Приверженцы этих идей верят, что со временем наш греховный мир будет разрушен и наступит Царство богов. Наставники сект призывают верующих готовиться к встрече Царства богов, для этого, разъясняют они, надо жить по воле богини солнца, т. е. быть кротким, довольствоваться малым.

Метабуддийские религии по своему происхождению восходят к доктринам буддизма, однако основные буддийские догмы толкуют несколько по-другому. В связи с этим буддийские организации относятся к ним враждебно. Главными сектами этих религий являются Сока-гаккай и Риссё косэй кай.

Сока-гаккай (Общество создания ценностей) была основана в 1930 г. школьным учителем Макигути Цунэсабуро. Идеологической основой секты является учение Нитирэна, а храм секты – Тайсэкидзи – ее духовным центром. Согласно учению секты, мандала *, находящаяся в храме, написана самим Нитирэном, а поэтому наделена абсолютной чудодейственной силой. Достаточно якобы смотреть на мандала, повторяя формулу – молитвенное восклицание «Наму-мёхо-рэнгэкё» (Господи, помилуй!), чтобы привести себя в состояние просветления, излечиться от болезней или стать богатым и т. д. Наставники Сока-гаккай поучают, что вступление в секту дает человеку все эти блага. Проповедь подобных идей привлекла в секту несколько миллионов приверженцев. Секта ведет большую пропагандистскую работу. Вербовка новых адептов – одна из главных обязанностей членов секты (каждый дает обет привлечь не менее трех человек).

Члены секты разделены на семь рангов: рядовой, ассистент, преподаватель, помощник доцента, доцент, помощник профессора, профессор. Присвоение очередного звания зависит от глубины усвоения учения Нитирэна. Члены общества посещают лекции и сдают экзамены. Лица, выдержавшие экзамены, сами начинают вести лекторскую работу. Это имеет большое психологическое значение: люди, не нашедшие применения своим силам в официальных институтах Японии, могут найти себя в религиозной деятельности. Одни, включаясь в религиозную

* Мандала – картина, символизирующая возникновение мира.

активность, удовлетворяют свою потребность в деятельности, другие повышают таким образом свой социальный статус.

Сока-гаккай широко проповедует доктрину Нитирэна — *обуцу мёго* (слияние политики и религии). Согласно этой доктрине, судьбы народов якобы зависят от морали и религии правителей: их «плохая мораль» и «плохая религия» — причина страдания народа. Отсюда следует, что во главе государства должны стоять люди, придерживающиеся «хорошей морали» и «хорошей религии».

Сока-гаккай берет на себя воспитание власть имущих. Она развернула бурную политическую деятельность. Основным лозунгом она приняла идею борьбы за «третью цивилизацию», т. е. за государство, которое не должно быть ни капиталистическим, ни социалистическим. Во многих случаях в этой «борьбе» просматриваются крайне правые взгляды. Для рядовых же членов идея «третьей цивилизации», связанная с известной критикой правящих группировок, дает надежду на лучшее устройство мира. Лидеры Сока-гаккай всеми силами стараются поддерживать у своих приверженцев эту иллюзию. Они вовлекают рядовых в торжественные шествия, музыкальные праздники, массовые спортивные мероприятия и т. д. Участники всех этих действий, естественно, ощущают себя приобщенными к мощной действующей организации. В связи с этим не случайным является тот факт, что в современных условиях Сока-гаккай — это самая многочисленная секта «новых религий».

Риссё-косэй-кай (Общество по установлению справедливости и дружественных отношений) занимает второе место среди метабуддийских групп Синко-сюкё. Она объединяет более трех миллионов адептов. Отделения секты имеются во многих префектурах, однако основная масса приверженцев находится в Токио и прилегающих районах.

Секта основана в 1938 г. молочником Нивано Никкё. Доктрины секты также зиждутся на учении Нитирэна. Однако в основу деятельности взяты только положения о законе перерождения. Риссё-косэй-кай делает упор на разрушение цепи этих перерождений и обретение блаженного покоя. Для этого якобы нужно осознать свои ошибки и грехи, раскаяться перед Буддой и обществом и начать

жизнь, направленную на служение ближним. Главное, что привлекает людей в деятельности секты, — это *ходза* (групповые собеседования). Собеседования проводятся ежедневно. Местом их бывают храмы и дома для собраний. Руководителем собеседования обычно выступает опытный активист, владеющий методикой психологического воздействия. Темы собеседования относятся к самым разнообразным волнующим людей жизненным проблемам: как воспитывать детей, как добиться успеха, как улаживать личные отношения, как составлять букеты и т. д. Специалисты Риссё-косэй-кай широко практикуют предсказания судеб людей, гадают о путях развития вселенной. Они уделяют много внимания опеке яслей, детских садов, школ, домов престарелых, больниц. В отличие от Сока-гаккай эта секта не принимает активного участия в политической жизни.

В Японии имеются и неоконфуцианские секты. Эти секты учат своих адептов, что Путь Неба является всеобщей формой бытия в земном и потустороннем мире. Этот путь един для всех народов. Человек, согласно Пути Неба, должен жить на основе принципов благочестия, искренности, вежливости, веры и любви к людям. Верующим рекомендуется чаще молиться, поклоняться предкам, почитать род основателей сект. Мировоззрение адептов этих сект пропитано идеями конфуцианства и даосизма. Последний, хотя внешне это менее заметно, на самом деле имеет большое влияние. Идеи даосизма прослеживаются и в народных верованиях.

В целом следует сказать, что религия в Японии осуществляет вполне определенную регулятивную функцию, формируя у людей серию устойчивых национальных стереотипов. Многие буддийские и синтоистские культы прочно вошли в жизнь нации, однако популярность в народе приобрели церемонии, не требующие каких-то сложных действий.

На Западе довольно широко распространилось мнение о необычайной веротерпимости японцев. Такое суждение и верно и ошибочно. Веротерпимость японцев, можно сказать, однобока: японцы допускают к себе лишь те религии, которые не ломают местных религиозных традиций, религиозным же доктринам, идущим против этого течения, японцы всегда ставили прочный заслон. Все это говорит не о слабой, а по-особому выраженной религиоз-

ности японцев. Регулятивная функция религии в Японии ничуть не слабее, а может быть, даже сильнее, чем на Западе.

2. СОЦИАЛИЗАЦИЯ В ЯПОНСКОЙ КУЛЬТУРЕ

Под социализацией понимают сложный и многогранный процесс становления человека как личности, вхождение его в социальную среду, приспособление к ней, освоение определенных социальных ролей. Подчеркивая тесную связь индивида с обществом, К. Маркс писал: «...история отдельного индивида отнюдь не может быть оторвана от истории предшествовавших или современных ему индивидов, а определяется ею» [8, с. 440].

Люди каждого последующего поколения начинают свою жизнь в мире предметов и явлений, созданных их предшественниками. Участвуя в различных формах общественной деятельности, люди развивают в себе те специфические способности, которые кристаллизуются в их культуре. Так же обстоит дело и с развитием мышления и приобретением знаний.

Процесс социализации включает в себя ряд стадий. Несмотря на известную несогласованность исследователей по данному вопросу, в этом процессе выделяют первичную социализацию (социализацию ребенка), социализацию подростка и социализацию юношества. На каждом этапе сказывается влияние семьи, школы, сверстников, общественности. В зависимости от характера культуры страны влияние этих институтов различно. Социализация начинается в семье.

Семейная система Японии. Семья как первичная ячейка общества оказывает решающее влияние на социализацию человека. Именно в семье индивид впитывает ценности соответствующей культуры. Можно сказать, что семья как зеркало отражает социальную психологию нации. Каждая нация культивирует свою, присутствующую только ей, атмосферу семейных отношений.

Современная семья японской нации сохраняет от прошлого ряд специфических особенностей. Среди них характернее всего патриархальность.

Ребенок, родившийся в японской семье, начинает свою жизнь по-особому. Первый мальчик, например, со дня

рождения пользуется особым расположением окружающих. Очень скоро он начинает ощущать свою значимость, и это способствует формированию в его характере эгоцентризма и стремления к лидерству. Младших братьев побуждают развивать в своем характере покорность и послушание. Что касается девочек, то столь же скоро они начинают осознавать свое подчиненное положение и истине смиряются с опущенной им в обществе долей прислуживать, терпеть и покоряться.

В современной Японии, поразившей за последние десятилетия мир своими достижениями во всех областях науки и техники, патриархальность хотя и приглушена, однако, будучи неотъемлемым элементом культуры, прорывается в сегодняшнюю жизнь из глубины веков. В японском языке нет даже слов «брат» или «сестра». Вместо этого находим «старший брат» и «младший брат», «старшая сестра» и «младшая сестра». Идея выше и ниже стоящего никогда не покидает сознание японского ребенка, независимо от того, имеет ли он в виду только своих братьев и сестер.

Сильное чувство солидарности в семье, распространенное в Японии повсеместно, является другим следствием семейной системы. В жизни это чувство выражается в неукоснительном соблюдении заповедей о почитании родителей. Семья, как ее представляют японцы, включает в себя всех предков далекого прошлого и всех потомков далекого будущего. Поэтому понятие долга человека включает определенные обязательства как перед его потомками, так и перед предками.

Чувство особого почитания умерших в Японии пережило сотни поколений и сохраняется поныне, несмотря на ряд социальных потрясений. Японская культура не только успешно противостояла «оппозиционным» взглядам на культ предков, но даже некоторым образом укрепила его в сознании нации.

Культ предков в Японии берет начало из далекого прошлого. В японской действительности имеются три вида этого культа: почитание императорского дома; почитание покровителя рода; почитание семейных предков. В японских домах для этого всегда устраивались: *камидана* (синтоистская «домашняя божница», или «святой божественный алтарь») и *буцудан* (буддийский «домашний алтарь», или «алтарь Будды»).

Камидана — это деревянная доска-подставка. Посредине доски ставится *тайма* (жертва), представленная рисом, саке и веткой сакаки *. Домашние каждое утро совершают ритуал почитания перед этим алтарем, хлопая в ладоши и низко кланяясь. Вечером же перед ним зажигаются свечи. Алтарь *буцудан* также представляет собой полированную доску, на которой устанавливают модели монументов с именами умерших. На алтаре в виде приношений помещают цветы, ветки сикими **, чай, рис и другую растительную пищу. В домах, где исповедуют преимущественно синтоизм, имеется еще доска, предназначенная исключительно для почитания предков семьи. На доске размещают символы с указанием имен предков, дат их рождения и смерти. Жертвоприношения здесь состоят из риса, чая, рыбы и веток сакаки.

Семья в понимании японца прочно покоится на родовых устоях. Члены семьи, подобно струям воды, поддерживают поток рода в его нескончаемом движении. Обычно японская семья в недалеком прошлом имела свиток-список своей семьи, рода, клана, и эта реликвия передавалась от поколения к поколению. Концепция семьи в Японии подчеркивает непрерывность семейной линии, затухание которой воспринимается как страшное бедствие. Предки для японца являются частью настоящего.

В Японии считают, что благополучие семьи зависит от того, насколько преданно каждое поколение выполняет ритуал благопочитания предков. Сыновняя почтительность выступает здесь как цементирующее средство. Согласно учению Конфуция, существуют три тысячи проступков, степень тяжести которых подпадает под пять категорий, но нет более тяжкого проступка, или даже преступления, чем непочтительность детей по отношению к родителям.

В патриархальной семье брак заключается вне зависимости от эмоционального влечения. Хотя в современной Японии положение изменилось, пережитки прошлого дают себя знать довольно основательно. Естественное стремление молодых людей друг к другу в принципе не оценивается как нечто серьезное. И хотя сегодня в Японии далеко не все подчиняются этому «зову предков»,

* Сакаки — клейера японская, синтоистское священное дерево.

** Сикими — иллиний анисовый, бадьян.

напряжение от необходимости быть почтительным во что бы то ни стало имеет место. В японской литературе часто описывались случаи самоубийства влюбленных, не имевших возможности соединиться. И хоть сегодня подобный финал встречается не столь часто, угроза разлучения стоит перед влюбленными вполне реально.

Преграды на пути осуществления желаний молодых сердец порождают меланхолию и смирение. «Сиката — га най» («Ничего не поделаешь») — фраза, которую можно услышать от японцев очень часто.

Когда японцы хотят покритиковать европейцев, они обычно подсмеиваются над «культом женщин». Запад, утверждают японцы, управляется слабым полом. В Японии же до сих пор в ходу три вида повинований: дочь повинуется родителям, жена — мужу, вдова — старшему сыну.

Уважительное, «западное» отношение к женщине не понимается в Японии, в японском языке есть ходовое выражение: «дан — сон, дзё — хи» («уважать мужчину и презирать женщину»). Сама сущность японской семьи проникнута этим духом, который подсознательно воспринимается еще в детстве. Достаточно сказать, что для мужчин привычно при обращении к жене местоимение *омаэ* (ты), которое всегда относится к нижестоящему. В то же время жена при обращении к мужу употребляет вежливое *аната* (вы), которое принято по отношению к вышестоящему. В современных семьях, особенно в городах, многие мужья, как и их жены, употребляют вежливое местоимение при обращении друг к другу, что является показателем влияния западной культуры. Эта тенденция стала заметной после второй мировой войны, а в современных условиях усилилась. Тем не менее прошлое не исчезло.

Чувство подчиненности, в большей или меньшей степени сознательное, способствует угнетению эмоций японской женщины. С детского возраста она начинает сознавать свою «второсортность», она чувствует, что семья, особенно отец, предпочитает сына. По мере того как она взрослеет, с ней обращаются совсем иначе, нежели с ее братьями. Более того, она обнаруживает, что является практически неполноправным членом семьи, так как рано или поздно ее выдадут замуж в чужую семью, где от нее будут ждать, чтобы она рожала и воспитывала сыновей.

Иерархия предков в семье, где родилась женщина, равно как в семье, куда ее выдают за мужа, — это иерархия предков-мужчин. Буддизм учит, что женщина стоит ниже мужчины, что она несет зло, что она причина раздоров. Чтобы добиться состояния нирваны, блаженства и вечного покоя, женщине, согласно буддийской доктрине, нужно переродиться в мужчину. Но для этого она обязана страдать, ибо только этим может искупить свои врожденные грехи.

Достигнув совершеннолетия, молодая женщина с тревогой ожидает того времени, когда она переселится в чужую семью, где ей придется подчиняться свекрови. В старой Японии разводы происходили большей частью из-за недовольства свекрови своей невесткой. В этих случаях молодую невестку отсылали с позором к ее родителям.

Новая конституция Японии (1946 г.) предоставила женщинам равный статус с мужчинами. Патриархальная система семьи формально была осуждена, и униженное положение женщины по закону ликвидировано. Но разве можно покончить с тем, что веками укоренилось в жизни и в быту нации, что расценивалось в качестве высокой добродетели? Дух патриархата еще действителен во многих японских семьях. Это и деспотическая отцовская власть, и слепое подчинение жены мужу, и особенно чувство превосходства у мужчины, который внутренне считает себя выше женщины. До тех пор пока будет жить в народе буддийская доктрина о том, что рождение мужчиной или женщиной — результат соответственно добродетели или зла, совершенного человеком в его прошлом, чувство превосходства у японских мужчин будет, несомненно, оставаться.

Японские женщины, опьяненные предоставленной конституцией свободой, пытаются делать свободолобивые жесты, идут на различные крайности, вплоть до требований свободной любви и разводов. Недавние исследования показали, что 62 процента замужних японок думают о разводе. Однако только незначительная часть японок отваживается на этот шаг. Живучие традиции крепко удерживают их от «опрометчивых» действий. Они собираются вместе, оживленно дискутируют о женской свободе, но все же предпочитают, возвращаясь под крышу брачной обители, не гневить своих мужей. А мужчины, давая им

возможность всласть наговориться о свободе, неукоснительно требуют, чтобы жены хорошо знали свое место. Причин здесь много.

Японская женщина связана ответственностью перед детьми, ее возможности заработать на жизнь очень невелики. Кроме того, в новых законах в значительной степени сохранились старые патриархальные идеи. В них обходится вопрос о необходимости раздела имущества при разводе, о материальной поддержке женщины после развода и даже о крыше над ее головой. Если рядом нет близких родственников или если женщина не имеет какой-нибудь нужной специальности, то развод для нее станет большим несчастьем, чем жизнь с нелюбимым или разгульным супругом.

Причина, на которую сейчас чаще всего ссылаются японки, требующие развода, — это супружеская несовместимость (раньше, как сказано выше, причиной развода было недовольство свекрови). Молодая жена очень скоро после замужества убеждается, что она не так много значит для своего мужа, даже если тот ее и обожает. Целый день муж проводит на работе, затем он занимается своими делами, досиживает в баре, отдыхает в бане... Жене опять-таки ничего не остается, как обслуживать его во всех отношениях. Традиция притягивает женщину в лоно домашнего очага, но сегодня женщине надо работать, заработка мужа не хватает.

Общественное мнение до сих пор отрицательно относится к разведенным женщинам, администрация смотрит на них с предубеждением. Женское равноправие в Японии пока что не имеет реального содержания. По традиции на женщину в Японии продолжают смотреть только как на мать, как на хранительницу семейных добродетелей.

Образ матери в Японии прежде всего связан в умах японцев с тем смыслом, который заключен в слове *амаэ*. Японское слово *амаэ* трудно передать русским аналогом. Оно означает чувство зависимости от матери, переживаемое детьми как нечто желательное. Употребляемый здесь глагол *амаэру* означает «воспользоваться чем-либо», «быть избалованным», «искать покровительства». Этими словами японцы выражают отношение к матери. Они положительно рассматривают стремление детей к родительской опеке, такую же оценку в их сознании получает и

ответное действие родителей по отношению к детям. Однако чрезмерная степень *амэ* расценивается неодобрительно. Это связано с тем, что опека, граничащая со слепой преданностью, в конце концов отрицательно сказывается на характере детей. Как лицо, облеченное полномочием обеспечивать необходимое равновесие в воспитательном воздействии, мать для японца — это не только символ нежности и ласки, но и носитель функции социального контроля: мать обладает влиянием, ей поклоняются, ее побаиваются.

В современных условиях образ матери уже не столь тесно связывается с *амэ*. Этот образ подвергается различным социально-психологическим наслоениям современного индустриального общества и различным веяниям Запада. Сегодня случается так, что мать в японской семье подвергается нареканиям за излишнюю «ученость» и отход от «истинно японских» норм отношения к мужу. Хотя влияние современности не сломало еще традиционного взгляда на японскую мать как на хранительницу домашнего очага, изменения ощутимы: дети стали более непослушными, а муж — более покладистым. По форме мать все еще ревностно соблюдает традицию, уважая приоритет мужчины, по существу же она многое пытается делать по-своему: жизнь дает ей больше самостоятельности.

Совсем недавно в Японии жена занималась в доме буквально всем, предоставляя мужу возможность проводить свободное время по своему усмотрению. Кухня в доме считалась тем местом, куда мужчине зазорно было заглядывать. Сегодня это в прошлом. Считается, что восемь из десяти глав семей безоговорочно вручают зарплату женам, с тем чтобы они выдавали им потом определенные суммы на карманные расходы. Сегодня не редкость увидеть в Японии мужчину, который занимается страшной или нянчит детей. Все больше появляется на улицах мужчин с хозяйственными сумками, выполняющих поручения жены по закупке продуктов. Подобные факты у некоторых японцев вызывают печальную улыбку и саркастические замечания о том, что «японец теряет свое достоинство», а «японка утрачивает свою женскую добродетель». Однако возврата к прошлому нет. Слабая половина человечества стремится доминировать в семейных отношениях и в Японии.

Подобное, конечно, не означает, что патриархальность японской семьи сошла на нет. Этого не может случиться ввиду стойкости японской традиции. Для многих иностранцев, идеализирующих Японию, японка остается удивительным созданием нации, она привлекательна внешне и внутренне, ее духовный мир вызывает у них восхищение. Японская женщина не теряет своего достоинства даже во сне — скромная, благовоспитанная, она спит в красивой позе, лежа на спине со сложенными вместе ногами и вытянутыми вдоль тела руками. Такая манера была особенно строгой в самурайских семьях, где девочек к этому приучали специально, связывая перед сном ноги.

К. Судзуки, японка, проживающая в США, говорит по этому поводу: «Я не могу удержаться от того, чтобы не сделать замечания своей 19-летней дочери, когда вижу, что она спит в неподобающей позе. С моей точки зрения, это нескромно. Моя мать называет это неумением контролировать себя». К. Судзуки объясняет причину таких строгостей тем, что воспитанная японка не может показаться людям в непристойном виде. В доказательство К. Судзуки приводит известный случай, когда в 20-х годах в одном из токийских универмагов произошел пожар. Продавщицы были только в кимоно, поэтому они наотрез отказались выпрыгивать из окон, боясь обнажиться перед толпою зевак. Многие сгорели заживо [185].

Такие нормы поведения воспитываются с колыбели. Первичная социализация. Основной смысл первичной социализации в Японии может быть сформулирован несколькими словами: отсутствие для малыша каких-либо ограничений. Когда у одной иностранки, прожившей длительное время в Японии, спросили, что она думает по этому поводу, та ответила: «Если бы мне представилась возможность выбирать, где провести свое детство, я без сомнения выбрала бы Японию».

Особо нежное отношение японцев к детям было подмечено еще первыми русскими исследователями Японии. Воспитательная доктрина в Японии, отмечал Г. Востоков, применяется к детям «с такою мягкостью и любовью, что не действует угнетающим образом на душу детей. Никакой ворчливости, никаких строгостей, почти полное отсутствие телесных наказаний; давление на детей оказывается в такой мягкой форме, что кажется, будто дети сами

себя воспитывают, и что Япония — детский рай, в котором нет даже запрещенных плодов... Дети воспитываются в Японии на полной свободе: сама природа служит им, повинованию, воспитательницей. В Японии природа и люди прекрасно сплелись, сжились в течение веков и оставили друг на друге неизгладимый след» [159, с. 326—327]. Подобное отношение к детям в Японии не изменилось — родители ведут себя сегодня с детьми так же, как и раньше.

Постель японского ребенка располагается рядом с постелью матери. Как только ребенок выразит желание быть к матери ближе, она берет его к себе и начинает заниматься с ним, сколько бы он ни пожелал. И мать и отец проявляют исключительную выдержку и терпение: они не проносят ни одного сердитого слова, не обнаруживают ни одного жеста неудовольствия. Ребенок постоянно находится в центре их внимания.

Родители с большой ответственностью относятся к воспитанию малыша. Большая часть браков в Японии заключается в довольно зрелом возрасте (мужчины в возрасте 27—30 лет, женщины 24—25 лет), поэтому рождение ребенка в семье — это чаще всего тщательно обдуманное событие *. В Японии работают консультации по планированию семьи, где опытные врачи и социологи помогают родителям определить, сколько детей и когда желательно иметь конкретной супружеской паре.

Хорошо развита промышленность, производящая продукты детского питания, помогает вырастить здоровых детей даже тем матерям, у которых нет или недостаточно грудного молока. В большинстве сельских районов рождение ребенка привлекает заботливое внимание не только той семьи, где появился новорожденный, и родственников, а и всей деревни. В отдельных рыболовецких поселках жители, услышав, что в каком-то доме родился ребенок, несколько дней не выходят на лов в утренние часы. Во многих деревнях совершаются обряды, имеющие целью своего рода страхование жизни новорожденного. Поскольку новорожденный становится не только новым членом семьи, но и новым жителем деревни, эти обряды осуществляют как бы ввод его в состав общества.

В городах, где в наше время рождение детей рассматривается как сугубо частное дело, родственники, знакомые

* Официально браки в Японии разрешены для мужчин с 18 лет, для женщин с 16-ти.

и соседи супругов делают в этот день подарки или наносят визиты, чтобы засвидетельствовать уважение и разделить радость, которую принес в семью новорожденный.

Будущие матери в Японии находятся на попечении врачей и акушеров. В поликлиниках работают «школы будущих матерей», где читаются лекции и проводятся практические занятия по уходу за ребенком. Роды обычно проходят в больницах, но практикуется и вызов акушерки на дом. До войны японские женщины, особенно в сельских районах, рожали дома.

В прошлом в некоторых районах японки рожали сидя, в наши дни вряд ли где можно встретить такой обычай. Говорят, что при родах вместо белья использовалась лишь связка соломы. После родов эта солома, как правило, убиралась, а по истечении недели уничтожалась. Иногда рожали не дома, а в деревенском родильном доме. Роженица возвращалась домой после прохождения установленного периода уединения, необходимого для того, чтобы очиститься от родов. Этот обычай имел в Японии широкое распространение. Сегодня, конечно, все это отошло в область предания.

В стародавние времена новорожденных признавали полноценными людьми лишь после совершения определенных обрядов. Убийство младенца, не прошедшего через установленный обряд, в древней Японии не считалось тяжелым преступлением. В ряде районов страны вместо слова *коросу* — «убить» убийство новорожденного обозначалось словом *касу* или *модосу* («отправить назад», «возвратить»), что означало «отправить новорожденного обратно в мир духов, вместо того чтобы принять в мир людей». Это явление отражало тяжелое экономическое положение, которое побуждало таким путем регулировать состав семьи (аборт запрещались). Теперь, конечно, трудно представить себе такую практику, в цивилизованном японском обществе многие даже и не подозревают, что она когда-то имела место. Тем не менее появление новорожденного сопровождается определенными церемониями и обрядами.

К числу таких обрядов относится *одэи*, при котором рядом с подушкой новорожденного ставится блюдо или чашка с вареным рисом. В отдельных районах, чтобы голова младенца в будущем стала крепкой, у изголовья постельки кладут камень. Рис служит жертвоприношением

божеству, а камень рассматривается как священное тело бога (*убу-гами*).

Кое-где по существующему обычаю мать в течение нескольких дней после родов не кормит ребенка грудью и просит это делать другую женщину, ее называют *тити-оя*, и ребенок для этой женщины становится родственником. Она вступает с ним в «молочное родство». Своеобразные родственные отношения существуют также между ребенком и акушеркой, между ребенком и родителями кормилицы или няньки и т. д. Когда ребенок рождается слабым, а мать оказывается неспособной справиться с трудностями, то родители могут на некоторое время передать ребенка другим людям. Тех, кто в подобном случае берет ребенка на воспитание, называют *хируи-оя* («родители, подобравшие ребенка»), и они тоже вступают в родственную связь с ним.

Впервые одежду с рукавами на ребенка надевают на третий день после рождения. Во многих семьях такая одежда шьется заблаговременно. В прошлом для новорожденного готовили лишь одежду без рукавов, называемую *окуруми* (нечто схожее с ватным одеяльцем).

На третий день после рождения ребенка во многих местах совершается церемония его одевания, при которой угощают рисом с красной фасолью (это блюдо подается при особенно радостных событиях: при рождении ребенка, возвращении родных издалека и т. п.), в отдельных же районах страны эта церемония практикуется на пятый день.

Из всех обрядов и церемоний, связанных с появлением ребенка, наиболее распространен обряд, совершаемый на седьмой день после его рождения. Этот обряд называют *сития* (седьмая ночь), или же *надзукэ-но иваи* (праздник по случаю наречения именем). Этот день отмечается по-разному, в зависимости от социального положения семьи. При выборе имени, как правило, принимают во внимание благозвучие и значение иероглифов, которыми оно пишется. Имя для новорожденного могут выбирать его родители, дедушка с бабушкой или другие близкие родственники. Раньше обращались с просьбой о выборе имени к буддийским или синтоистским священникам, но сейчас это делается редко. Стучается, что родители новорожденного обращаются с такой просьбой к гадалкам.

Избранное имя пишется на бумаге, которую помещают

у изголовья ребенка или дарят родственникам и соседям вместе с двумя рисовыми лепешками *мотти*, одна из них белая, другая красная. В некоторых семьях в этот день ребенка в первый раз выносят из дома. В ряде районов страны эти обряды справляются спустя месяц или даже более после рождения ребенка.

В прошлом имела место практика обладания несколькими именами. В детстве человека называли детским именем (*ёомэй*, или *ёомё*, – имя в детстве), а по достижении совершеннолетия – фамильным (*ёобина* – имя, употребляющееся при обращении). В настоящее время, за редким исключением, имя, полученное при рождении, носит человек на протяжении всей жизни.

Количество иероглифов, которые берутся в Японии для написания имен собственных, ограничено законом. В тех случаях, когда используются китайские иероглифы, применяется специальная таблица, состоящая из 1850 символов. В 1979 г. в таблицу были внесены изменения, и количество символов увеличилось до двух с лишним тысяч. Для придания именам чисто национального колорита введена еще таблица с 92 иероглифами. Все это сделано для того, чтобы воспрепятствовать тенденции, затрудняющей чтение имен собственных, а также пресечь размывание японской системы наречения имен со стороны западной цивилизации. Японская администрация неукоснительно соблюдает все относящиеся к данной процедуре правила.

Наряду с этим встречается ряд случаев, когда в силу различных причин японцы кроме имен, данных им при рождении, имеют и другие. Это в основном актеры, общественные деятели, художники, каллиграфы, спортсмены и т. д., которые пользуются профессиональными именами (*гэй-мэй* – сценическое имя, театральный псевдоним). Мужчина, принимающий духовный сан, берет религиозное имя (*хомэй*), в увеселительных заведениях и ресторанах женщины пользуются специальными именами-кличками, которые известны только в этих местах.

Спустя сто дней после рождения ребенка несут в ближайший храм. Когда ребенку исполняется год, перед ним раскладывают различные инструменты – серп, молоток, японские счеты, кисточку для письма и т. д. По тому, какую из разложенных вещей раньше всего он возьмет, предсказывают его будущее. Например, если ребенок в первую очередь возьмет счеты, объявляют, что он будет коммер-

сантом, если же выберет серп — земледельцем. В этот же день родители готовят рис с красной фасолью или же рисовые лепешки и дарят родственникам и соседям. Подобные обычаи больше распространены в сельской местности. В некоторых районах Японии в первую годовщину рождения ребенка привязывают к его спине несколько рисовых лепешек, и так он ходит весь день.

Наблюдая за поведением японских детей еще в начале прошлого века, Г. Востоков заметил, что японское воспитание дает благотворные всходы, дети приобретают гуманные черты характера. «По отношению к деревьям, — пишет он, — цветам и к животным дети не обнаруживают той холодной жестокости, которую часто можно наблюдать у европейцев; все в природе кажется им полным порядка и гармонии, они обнаруживают нежную жалость ко всему, что живет и дышит. Мальчики, случается, грешат против этого, девочки же никогда. Маленькая японка, которая преследует бабочку и хочет ее заставить сесть к себе на руку, смотрит на это существо не как на игрушку, а наивно симпатизирует ей, понимает ее, может быть, потому, что сама на нее очень похожа. Наши дети грязнят и рвут книги; маленькие японцы сочли бы святотатством такое обращение со страницами, на которых запечатлены мысли и рисунки артистов, гораздо более умных и талантливых, чем они сами» [159, с. 328].

Движение времени мало что изменило в Японии в этом плане, хотя Под влиянием западной культуры японские дети проявляют большую активность и нередко в подростковом возрасте показывают строптивость характера. Однако традиция приобщения детей к принятым нормам поведения в самом начале жизни неизменно дает свои плоды.

Традиционно в Японии практикуют церемонии по случаю достижения трех, пяти и семи лет (*ситигосан*). Мальчиков 3—5 лет и девочек 3—7 лет приводят в храм, где совершается соответствующее богослужение. В храме детям дают купленные здесь же леденцы, называемые японским *титосэ-амэ*. По возвращении домой дети могут дарить эти леденцы родственникам и соседям. Многих девочек в этот день одевают в кимоно и раскрашивают им щеки. Некоторые мальчики надевают *монцуки* (короткое верхнее кимоно с фамильным гербом) и *хакама* (часть японского официального костюма в виде широких шаровар,

похожих на юбку). Большинство же мальчиков одевается в европейском стиле.

Тот факт, что возраст детей, привлекаемых к этому обряду, равен трем, пяти и семи годам, имеет под собой определенную основу — по китайскому поверью нечетные числа приносят счастье. Возраст же в семь лет является как бы критическим, когда боги, если их умилоустивить, даруют ребенку право на существование. С этой целью и осуществляется богослужение.

Раньше мальчикам, достигшим семи лет, полностью сбрасывали волосы (в годы, предшествовавшие эпохе Мэйдзи, японцы носили прическу в виде связанного пучка волос). Этот обычай был широко распространен в районах Кинки, Сикоку и Канто. Начиная с эпохи Мэйдзи он был отменен, однако церемония в том виде, как она практиковалась ранее, иногда совершается, сопровождаясь религиозными обрядами. Важным здесь является тот факт, что японцы придают особое значение семилетнему возрасту, именно в этом возрасте они впервые подчеркивают различие между девочками и мальчиками. В это время тетка дарит мальчикам *фундоси* (набедренную повязку-плавки), а девочкам передник или *косимаки* («пояс стыдливости»). Такой обряд кое-где справляется по достижении пяти или восьми лет, а в отдельных районах — тринадцати лет.

Многих иностранцев раньше поражало, что японские женщины носят детей за спиной. Этот обычай и до сих пор распространен, хотя в современных городах уже вошла в употребление детская коляска и можно видеть женщин с ребенком на руках. Однако таких женщин мало по сравнению с теми, кто продолжает носить детей за спиной. Для этого теперь используются специальные приспособления. Повсеместно, как и встарь, детей усаживают на спинах девочек-подростков, которые, занимаясь своими детскими делами, как бы забывают о навьюченных на них ношах — прыгают, бегают, резвятся. А малыши, мотая головами, терпеливо посапывают за спинами сестер и нередко даже сладко спят. Своих младших братьев старшие сестры лелеют по-особому. Для мальчиков в Японии установлен специальный праздник, который отмечается очень пышно. Есть здесь и праздник девочек, но он проводится скромнее*.

* Подробнее о Дне мальчиков и Дне девочек в Японии см. в разд. 3 гл. II.

В японской семье основным центром забот всегда являются дети. Воспитание ведется не на основе принуждения или запретов, а на основе опеки. Японские матери в течение долгого времени присматривают за ними. Детей не наказывают. Вместо запретов детей учат размышлять над тем, как к их поступкам отнесутся другие. Дети косвенно чувствуют порицание за свои проступки. С раннего возраста им внушается, что если они совершат что-либо дурное, то будут осмеяны.

Воспитание детей в японских семьях всегда было направлено на формирование личности, соответствующей требованиям группы. Основная задача воспитания — научить умению понимать чужие принципы, ничем не выделяться в группе.

Все это наряду с сильно развитым чувством солидарности в семье способствует привитию дисциплинированности у японских детей и в то же время создает условия, сдерживающие развитие индивидуалистических качеств личности.

Социализация подростков и юношества. Особенностью приобщения подростков и юношества к нормам поведения в обществе является развитие группового сознания. Им исподволь прививаются именно те навыки поведения, которые отвечают интересам группы, куда они будут приняты.

Каждый в Японии является частью группы. На первом месте идет семья, где ребенок учится преданности, верности этой группе, четкому усваиванию разницы между старшими и младшими. По мере того как он взрослеет, семейные навыки распространяются на другие группы — школу, клуб, бизнес. В группе культивируется конформизм, т. е. следование групповым нормам. Подросток, нарушивший эти нормы, подвергается остракизму и неизбежно оказывается моральным изгоем. Групповой конформизм присутствует даже в игре детей. Ребенок, словивший в ходе какой-либо игры, автоматически вообще лишается при такой системе возможности участвовать в этой игре в дальнейшем.

В японских детских организациях известен так называемый способ воздействия на их членов — *татакинаоси* (исправление с помощью наказания), когда нарушителей установленного порядка исключают из группы или объявляют им бойкот. И пусть группа, к которой принадлежит

человек, меняется, японец, как правило, остается ей верен. Лицо, переходящее из группы в группу, от одной компании к другой, вызывает в Японии подозрение.

В школе каждый принадлежит к группе, где все одного возраста, с одинаковым положением, с одинаковыми интересами. И матери этих детей устанавливают контакт и солидарность с другими матерями группы. По окончании школы, не оставляя преданности бывшим школьным друзьям, японец все внимание обращает на товарищей по работе. С ними он делит горести и радости. Мнение членов его группы для японца оказывается решающим. Даже в действиях, которые формируются индивидуально, например в борьбе каратэ, влияние группы всегда огромно. Наблюдения показывают, что, если обучающийся каратэ иностранец не сможет усвоить дух подчинения группе, он никогда не станет искусным бойцом. В сущности любая деятельность, любой поступок в Японии — это проявление группового поведения. В группах протекают трудовые процессы, проводятся каникулы и даже организуются свадебные путешествия.

Интенсивность усвоения психологии группового поведения у японца, начинаясь в семье, возрастает, когда он вступает в группы сверстников по месту жительства. Такие группы товарищей по играм, как правило, формируются в каждой деревне. В них может войти любой мальчик, достигший нужного возраста. Имеются также группы девочек.

Раньше группы мальчиков назывались *кодомо-гуми*. Они имели строгую иерархию: например, старшего по возрасту называли головой (*касира*), второго за ним — второй головой (*когасира*). Распределение прав и обязанностей в группах проводилось по принципу: чем моложе участник группы, тем меньше его значимость. Активность групп *кодомо-гуми* разворачивалась на празднествах. Теперь такая формальная организация детских групп практически сошла на нет, однако групповая деятельность детей сохранилась.

Так, в последний день празднования Нового года мальчики ходят по домам и собирают соломенные веревки с бумажными полосками, которые используются для украшения ворот (*симэнава*). Потом из этих полосок устраивают костры — своего рода фейерверк. Это распространено в ряде префектур. Общие детские забавы организуются во

время праздника кукол — *хина мацури*, отмечаемого в марте, праздника детей, проводимого в октябре, праздника мальчиков *танго-но сэкку* — в мае. В прежние времена названные праздники имели религиозную основу и отмечались взрослым населением. Теперь же праздники утратили религиозное значение и рассматриваются в Японии как детские развлечения.

Более «серьезные» мероприятия организуют молодежные группы. Раньше их называли *вакамоно-гуми*, такие группы создавались в каждом населенном пункте. В эпоху Мэйдзи они были преобразованы в ассоциации молодых людей, имеющие самые различные названия. В наши дни такие ассоциации известны по функциям, которые они осуществляют в том или ином районе страны.

Вступление в такую группу означало, что юноша достиг совершеннолетия, и с этого момента окрестные жители начинали считать его взрослым. Иногда группы имели дома для собраний (*ядо*), куда допускались только члены группы. На полуострове Идзу и в некоторых рыболовецких поселках в южной части острова Кюсю такие дома есть и теперь, их называют «домами для встреч молодых людей». Известны два типа домов: те, что посещались в течение года, и те, что использовались по какому-то случаю. Иногда такие дома строились специально, иногда их арендовали у зажиточных жителей.

В дневное время юноши принимали участие в трудовой деятельности семьи, а вечером отправлялись в свои *ядо*, где занимались плетением соломенных циновок или ремонтом сетей. Иногда они проводили время в различных играх или же за беседами о девушках, на которых хотели бы жениться. В общем *ядо* способствовали выработке у юношей самостоятельности, давали им чувство личной свободы. Подобное направление социализации сохранилось и поныне.

Молодежные группы оказывают обществу помощь в борьбе с пожарами и другими стихийными бедствиями. Однако основное время у них занято подготовкой и проведением праздников. Так, обряды *микоси*, связанные с переносом паланкина синтоистского божества, выполняются главным образом членами таких групп. Во многих районах Японии они берут на себя организацию различных спортивных состязаний и игр. Кстати сказать, встречаются и такие игры, где играющим причиняют зна-

чительную физическую боль. Раньше думали, что только через познание боли человек может добиться совершенства, существовало поверье, что если человек умрет до того, как пройдет болевое испытание, его душа не сможет обрести покоя.

В былые времена молодежные организации, в частности *вакамоно гуми*, пользовались определенной финансовой поддержкой общественности и властей. После войны эта система была ликвидирована, и теперь в Японии можно встретить группы, существующие лишь на собственные средства. Имеются такие группы и у девушек.

Раньше группы девушек назывались *мусумэ-гуми*, *мусумэнакама* или *онаго вакасю*, некоторые подобные группы можно встретить на западном побережье Японии. В эти группы девушки вступали по достижении 15–16 лет, в других районах – 12 лет. У девушек, как и у юношей, были дома для собраний, где они проявляли свою активность и самостоятельность. После вступления в брак посещение этих домов прекращалось. Существующие ныне в Японии разнообразные ассоциации молодых женщин в некотором роде напоминают *мусумэ-гуми*, хотя и отличаются по характеру своей деятельности. Если раньше названные группы были для девушек в некотором роде отдушиной от будничных забот, то сегодняшние ассоциации служат женщинам средством для завоевания достойного места в жизни нации. Японские девушки включаются в профсоюзное движение; они принимают участие в работе различных воспитательных комитетов, проявляют большую активность в работе спортивных организаций. Все эти групповые движения стали довольно широко освещаться на радио и телевидении.

В целом групповое поведение японской молодежи носит специфический характер. Оно способствует культивированию у девушек и юношей основных черт японского национального склада, развивает у них национальное самосознание и национальное чувство.

В то же время именно среди молодежи в первую очередь распространяется западная культура (во многом чисто внешняя). Все чаще соседствуют кимоно и джинсы. Это соседство демонстрирует не только столкновение стилей, но и столкновение поколений. Джинсы оказываются практичнее. Кимоно стало теперь в Японии очень дорогим удовольствием. Правда, японские девушки все еще не

мыслят себя лишенными кимоно. Но, когда за настоящее нарядное кимоно надо заплатить уйму денег (до тысячи долларов), девушки задумываются. Кимоно становится у японских женщин исключительно праздничным платьем, в будни лучше одеться по-европейски.

Японская одежда, в частности кимоно, как-то дисциплинирует. В кимоно девушка предпочтет пройти мимо кафе, куда теперь шумной ватагой заходят молодые люди. Иногда, впрочем, в этой ватаге можно встретить и девушек в кимоно, веселящихся за столиками. Все теперь бывает. Но любой японец, увидев девушку в кимоно, пьющую коктейль, обязательно скажет или подумает: «Это не по-японски!» Многие сегодня в Японии делается не по-японски. В японском доме, как уже говорилось, оказывается, нельзя найти подходящего места для телевизора. Куда его поставить? Иногда используют для этого токонома, всегда предназначавшуюся для картины, красивого букета. «Другого места нет» — сокрушаются японцы. Взрослые при этом вздыхают, а молодежи — нет дела.

Молодежь легче расстается с национальными привычками. В ее среде развивается так называемый западный комплекс (*гайдзин компрэксу*) — представление о том, что «все западное лучше». В результате встречаешься со всякими неожиданностями. Так, английские слова или даже фразы украшают верхнюю одежду, различные предметы туалета, сумки, причем в ход идет все — рецепты, изречения, заголовки журнальных статей.

Однако японская общественность с неодобрением наблюдает наводнение страны элементами западной культуры, которую часто внедряют молодые люди, прожившие по несколько лет на Западе.

Японизация возвращенцев. В настоящее время Япония поддерживает отношения со многими странами мира. Тысячи японцев работают в учреждениях японского бизнеса и различных правительственных организациях за рубежом. Срок пребывания японцев вместе с семьями за пределами своей страны колеблется в основном от двух до пяти лет. За рубежом проживает более 23 тыс. японских детей.

Дети японцев обычно посещают местные школы, где обучаются основам наук, а также различным ремеслам. Вместе с тем многие в дополнение учатся в японских классах, а некоторые только в японских. Функционирование

таких классов и даже школ поддерживается за счет средств японского правительства и фондов промышленных корпораций.

Несмотря на предпринимаемые меры, японские дети за рубежом теряют важные черты национального характера. Подростки, вернувшиеся из-за границы, нередко уже не владеют искусством каллиграфии, плохо читают на родном языке, слабо разбираются в подлинно японских проблемах. В поведении подростков обнаруживаются навыки чужой культуры, подхваченные в детских садах, школах или просто на улице среди сверстников в стране, где они жили. Все это вызывает беспокойство японской общественности, особенно педагогов. Об этом много пишут [230].

М. Уайт, например, в статье «Японские возвращенцы» рассказывает, что мать одного из возвратившихся в страну школьников была выругана и выставлена учителем из класса за то, что она попросила, чтобы ее сыну вместо риса с овощами давали на завтрак сэндвич. Затем эту женщину попросили поторопиться с приобщением ребенка к японским нормам жизни.

Для реадaptации вернувшихся из-за границы детей к японскому образу жизни в ряде мест создаются специальные воспитательные центры. Иногда в них обучают около трех месяцев, иногда больше. Некоторые дети долго еще чувствуют себя иностранцами на родной земле, они с трудом усваивают предметы, преподаваемые японскими учителями. Учителя настойчиво внушают им мысль о том, что нужно забыть иностранный язык. «В ваших головах, — говорят они возвращенцам, — должно быть место только для родного языка. Выкиньте из головы все, что связано с иностранным языком». Однако сделать это не так-то просто.

В ряде городов существуют различные частные пансионы, где за весьма высокую плату вернувшихся из-за границы подростков и юношей обучают японской каллиграфии и стилистике.

Все эти осложнения оставляют глубокий след в психологии возвращенцев. На них, как бы они ни старались, смотрят все же как на маргинальные личности (находящиеся на грани смежных слоев общества, не будучи принятыми ни в один из них). В связи с этим и дети и их родители оказываются в некоторой изоляции. В результате

в Японии растет прослойка, получившая не совсем точное наименование «интернационалистов». Адаптация их в стране осуществляется двумя путями.

Первый путь связан со стремлением к идентификации со стопроцентными японцами. Приверженцы этого пути избегают общения с теми, кто, как и они, жил за границей, надеясь таким образом возродить у себя утерянные черты японского национального характера. К этому они приучают и своих детей. По поводу и без повода они облачают детей в национальные костюмы, прививают им манеры японского этикета, национальные навыки поведения за столом и т. д., словом, стараются вытравить все неазиатские привычки.

Другой путь — полная противоположность первому. Здесь мы встречаемся с нежеланием обращаться к исключительно национальному образу жизни. Наиболее ярко это проявляется в поведении некоторых женщин. Усвоив за рубежом манеры западного, более свободного стиля жизни, японка сопротивляется условиям, которые ставят ее в приниженное положение. К тому же ей кажется, что неазиатские методы ведения хозяйства более практичны, и она не хочет от них отказываться. Эти женщины обычно ищут других японок, побывавших за границей, так как с ними легче достичь взаимопонимания. Объединившись вместе, такие «интернационалистки» по-своему организуют воспитание детей.

Приверженцы второго пути бравируют знанием иностранного языка, навыками, усвоенными за пределами Японии, иностранными вещами. Эти люди нередко экспансивны, настойчивы, изобретательны. Однако из-за того, что общественность их игнорирует, они испытывают ряд затруднений, в частности, с устройством на работу. Некоторые японцы смотрят на таких людей как на отщепенцев, их детей они считают потерянными для Японии.

Ежегодно в Японию из-за границы возвращаются около 3 тыс. детей. Это, конечно, ничтожно малый процент общего числа японских школьников. Тем не менее общественность и министерство просвещения усиленно пекутся об организации для таких детей различных воспитательных мероприятий. Японские официальные круги и общественные организации всемерно стремятся ослабить культивирование психологии «интернационалистов». Единственно, что может «выбить» у людей эту психологию, считают

многие, — это побуждение детей к настойчивому овладению ценностями своей культуры. Здесь мы сталкиваемся с теорией и практикой приобретения опыта.

Особенности приобретения навыков. Как известно, навыки (опыт) приобретаются через многократное повторение. Но по приверженности к повторению вряд ли какая-либо страна, разве только Китай, может сравниться с Японией. Для этого есть свои причины.

Японский ребенок проводит куда больше времени в своей жизни, учась писать на родном языке, чем дети на Западе. Требуются тысячи часов упорного труда, чтобы научиться писать иероглифы, иные из которых включают до двадцати четырех отдельных деталей. Отсюда единственный выход — копирование, повторение и еще раз повторение.

Заучивание наизусть, шлифовка формы через копирование и многократное повторение — вот основной метод обучения. Он используется не только для обучения письму и усвоению иероглифов, это всеобщий метод приобретения опыта в Японии. Иностранцы, которых поражают японская борьба каратэ или аранжировка цветов икебана, часто загораясь желанием овладеть этими искусствами. Они настойчиво докапываются до их сути, усваивают основные принципы и, познакомившись с общим характером искусств, теряют терпение, когда дело касается шлифовки движений. Иностранцев изумляет обилие выделенных движений и то время, которое надо затратить на их освоение. Большинство из них не в состоянии проявить столько терпения и обучается японским искусствам кое-как. Японцы же тратят на это годы.

Так, чтобы овладеть *ракуго* — традиционным искусством рассказчика, молодой человек идет учиться в дом опытного *ракуго-ка* — мастера по рассказу. Там он может трудиться годы, никогда не получая конкретных инструкций... до тех пор, пока мастер однажды доверительно не скажет ученику: «Теперь ты готов к тому, чтобы учиться». И снова идут годы, ученик тратит их на то, чтобы день за днем оттачивать операции, из которых по канону постепенно складывается подлинное искусство. И так во всем.

Недаром *до* в борьбе *дзюдо* или в фехтовании *кэндо* означает «путь» — понятие, включающее глубокий философский смысл. Овладение искусством *до* предполагает

процесс, практически не имеющий конца *. Так воспринимается любой опыт. Но будь то искусство или мастерство, метод обучения везде один: повторение. Путем нескончаемой цепи упражнений в течение месяцев в токийской школе буфетчиков молодой человек может удивительно точно наливать в рюмки положенное количество вина, сбивать миксером при приготовлении коктейля ровно столько, сколько нужно, и ни грамма больше.

В Японии таким образом обучаются аранжировке цветов, чайной церемонии, мастерству игры на классических музыкальных инструментах. Этот же путь положен в основу практических навыков, таких, как умение шить кимоно, надевать и носить его, одевать в кимоно других и т. д. Для путешествующих по Японии имеются школы, где обучают всему этому желающим. Однако иностранцы не могут достичь настоящего мастерства, поскольку методы тренировки, с которой они сталкиваются в Японии, расходятся с тем, что привычно для них. Все японское дается только японцу. Стремление японца учиться, учиться, настойчиво учиться заложено в основе японского характера.

Девушка, например, с завидным упорством тренируется в искусстве икебана. Только ли для удовольствия? Вряд ли. Она самосовершенствуется. Овладение искусством икебана, отточенные навыки аранжировки цветов обеспечивают положительные изменения в личном плане, плане, который ей нужен будет в замужестве, для того чтобы стать хозяйкой дома, матерью. Поэтому икебана занимается обычно до замужества.

3. СОЦИАЛЬНЫЕ НОРМЫ ПОВЕДЕНИЯ ЯПОНЦЕВ

Поведение человека обусловлено внутренними и внешними факторами. Внутренние факторы — это мотивы поведения, внешние — социальные нормы. Среди многообразия социальных норм выделяются нормы внутригруппового общения, нормы межгруппового общения и общенациональные нормы. Социальные нормы классов и различных социальных групп буржуазного общества «обеспечивают прежде всего классовую ориентацию индивидов и различ-

* Об искусстве до см. в гл. III.

ных социальных групп. Зависящие от положения в системе общественного производства социальные нормы способствуют выработке общих для данного класса или группы установок, ценностей, а в целом формируют классовое сознание представителей этих социальных классов и групп» [34, с. 14].

Общенациональные нормы – это образования прежде всего социально-психологические, они формируются в процессе общения. Человек той или иной культуры становится таковым, общаясь с представителями своей культуры. Каждая культура имеет специфические, только ей свойственные общенациональные нормы. Среди таких норм в Японии выделяются прежде всего нормы *гири*.

Нормы *гири*. *Гири* – это и обязательство, и ритуал выполнения обязательства, и долг благодарности. В широком смысле *гири* проявляется в соответствующем общении вышестоящего с нижестоящим, во взаимодействиях между равными, в ритуалах обращения между соседями и т. д. В настоящее время придерживаться отношений *гири* наиболее свойственно лицам старше 40–45 лет. Однако у всех японцев без исключения они сохраняются в виде особых форм долга благодарности.

Долг благодарности возмещается в Японии два раза в год: в середине года в виде подарка по случаю поминовения усопших (*о-тюгэн*) и в конце года в виде подарка по случаю конца года (*о-сэйбо*). Не случайно это время является временем выплаты служащим премиальных. Администрация хорошо знает, что каждый имеет чувство долга перед другим – будь тот посредником на помолвке, надежным покупателем или учителем. Получить подарок благодарности ожидает каждый японец. Большинство подарков имеют практическое назначение – обычно это растительное масло, сахар, мыло. Долг благодарности заключается не в самом подарке, а в том, чтобы пожертвовать. Поэтому некоторые полученные предметы могут перекочевать к другому, к третьему. Но обычно так делать не положено. К подарку приклеивают этикетку с именем того, кто подарил. Если этикетку заменить, то будет «потеря гири», так как теряется значение жертвования: легко получил, легко отдал.

Гири распространены и при заключении сделок. В сфере торговли в Японии сложилась особого рода торговая мораль – *сэбай дотоку*. Среди торговцев и бизнесменов

бытует выражение: «Гири ни мо дэкинай» («Не могу поступить плохо в отношении партнера, так как нарушу принцип гири»). В среде молодежи меньше следуют такому правилу.

Отношения *гири* очень сильны в политических кругах, Фракционная политическая борьба в Японии — это разновидность противоборства различных группировок, члены которых связаны отношениями *гири*. Подобные отношения существуют и в среде журналистов, писателей, мастеров прикладного искусства. Здесь в качестве формы *гири* можно указать на передачу секретов мастерства от учителя к ученику. В отношениях между друзьями, хорошими знакомыми и соседями чувство *гири* проявляется в разделении друг с другом горестей и радостей.

Исследователи отмечают разное отношение к *гири* в зависимости от возраста и пола. Юноши считают отношения *гири* эгоистичными, утилитарными, устаревшими. Девушки же видят в них добродетель, альтруизм, считают современными. Старшее поколение в Японии признает *гири* высшей моральной категорией, отражающей совершенство человеческой личности. Люди среднего возраста проявляют в отношении *гири* определенную сдержанность. Однако *гири* — это все же общая социальная норма поведения в Японии.

Нормы *гири* в сознании японцев неотделимы от *ниндзё* (букв. «человеколюбие»). Хотя обе эти социальные нормы родились в феодальном обществе, вторая из них в отличие от первой признается молодежью. Молодое поколение считает, что *ниндзё* отражает подлинные чувства, не порабощая человека. Между *гири* и *ниндзё* существует тонкое психологическое различие. Так, если подчиненный делает подарок шефу, которого не уважает, — это *гири*, но если при этом шеф, который знает об этом, испытывает искреннее чувство благодарности, — это *ниндзё*. Можно сказать, что *гири* — атрибут социальных отношений, а *ниндзё* — подлинные чувства, переживаемые людьми в системе этих отношений.

Согласно высказываниям японских исследователей, *гири* — это оправа, а *ниндзё* — драгоценный камень в этой оправе [199].

Гири и *ниндзё* отражают сложные и специфические отношения в японской культуре, регулирующие поведение людей. Они не исключают, а предполагают друг друга,

хотя могут проявляться и вместе и раздельно. Так, молодая жена, только что вошедшая в дом мужа, на первых порах испытывает стесненность в отношениях со свекровью. Руководствуясь нормами *гири*, невестка проявляет благоговение перед свекровью, старается все сделать для нее должным образом и даже с любовью. Тем не менее *гири* держит ее на дистанции от свекрови, которая имеет перед ней социальное превосходство. Если свекровь идет навстречу невестке, то постепенно отношения теплеют, становятся сердечнее. Японцы говорят, что в *гири* в таких случаях начинает входить *ниндзё*. Когда *гири* в отношениях свекрови с невесткой наполняется содержанием *ниндзё*, невестка, продолжая испытывать чувство долга, выполняя свои обязательства перед свекровью, ощущает эти переживания как желаемые.

Содержание *гири* может быть весьма различным, в зависимости от насыщенности отношений личными чувствами. Согласно одной крайности *гири* может быть формальным и исключать компонент личного переживания, согласно другой — *гири* наполняется этим переживанием. И если такие переживания окрашены чувством искреннего расположения, то в *гири* влетает *ниндзё*. Старшее поколение японцев не отделяет *гири* от *ниндзё*, оно воспринимает единый комплекс *гири-ниндзё* как две стороны одной медали, молодежь видит здесь довольно глубокий водораздел. По-видимому, так оно и есть: *гири* возникает в межличностных отношениях там, где довлеет необходимость в совместном общении, *ниндзё* же — только там, где это общение пронизано уважением, симпатией, любовью. *Ниндзё* слабо уловимо со стороны, *гири* выступает в явном виде. Японцы часто говорят: «Поскольку чувствую *ниндзё*, соблюдаю *гири*, соблюдая *гири*, вызываю к себе чувство *ниндзё*».

Слово *гири* фактически непереводаемо. Делались неоднократные попытки передать *гири* как синтез каких-то вполне определенных компонентов, но из этого ничего не получилось. Поэтому лучше всего перечислить некоторые характеристики *гири*, как это делает Иосиюки Нода [207, с. 175–179].

1. *Гири* — это обязанности человека по отношению к другому. Содержание и интенсивность исполнения этих обязанностей зависят от социального статуса. Есть *гири* ребенка по отношению к родителям, ученика — к учителю,

подчиненного — к начальнику, должника — к заимодавцу и т. д.

2. Человек не имеет права требовать от другого исполнения обязанностей *гири*. Он должен ждать, когда тот добровольно станет их осуществлять. Человек, не проявляющий *гири* по отношению к тому, к кому оно должно проявляться, рассматривается в Японии как личность, достойная презрения. Однако считается, что к *гири* нельзя принуждать, и тот, кто заставляет другого исполнять *гири*, сам оказывается его нарушителем. Любой в Японии, исполняющий долг *гири* или принимающий его от другого, входит составным звеном в цепь взаимоотношений в японской нации. В связи с этим можно сказать, что нормы *гири* пронизывают японскую культуру сверху донизу.

3. Отношения *гири* неизменны. Раз возникнув между двумя людьми, они продолжают жить до конца их дней. Это характерно для бытовых, деловых, профессиональных взаимодействий: человек, который проводит досуг с одним, не будет проводить его с другим; покупатель, пользующийся услугами одного торговца, не пойдет к другому и т. д.

4. Узы *гири* устанавливаются между людьми на различных социально-психологических уровнях. В прошлом здесь хотели видеть чувства симпатии и уважения, в связи с чем *гири* не мыслилось без *ниндзэ*. Хотя теперь, как указывалось выше, молодежь имеет несколько иное мнение по этому поводу, комплекс *гири—ниндзэ* в Японии дает себя знать всюду. *Гири* коренится в глубинах сознания японца, оно слилось с его глубинным чувством и интеллектном.

5. Поскольку *гири* — явление эпохи феодализма, оно прежде всего строилось на иерархической основе: подчиненный всегда проявлял *гири* по отношению к господину. Последний тоже осуществлял *гири* в сторону нижестоящих, но его *гири* было совсем другим, покровительственным, хотя единая природа *гири* сохранялась. По современным понятиям глава фирмы или учреждения нарушает нормы *гири*, если он общается с подчиненными только в сфере профессиональной деятельности. *Гири* требует от руководителя интересоваться личной жизнью, семейными делами подчиненного. В свою очередь, подчиненные, как велит им *гири*, склонны без понукания и подстегивания

оказать начальнику услугу в его личных делах, например, помогать ему в самых различных домашних делах.

6. Те, кто отступают от норм *гири*, теряют лицо. Их престиж в глазах окружающих сильно падает, они воспринимаются в качестве беспардонных и даже безнравственных личностей. В свою очередь, отступники испытывают чувство стыда, «не могут смотреть людям в глаза».

И поскольку стыд неразрывно связан с совестью, которая побуждает человека к самоуважению, то можно сказать, что *гири* стимулирует нравственное поведение. *Гири* очень близко соприкасается с нормами права. Однако здесь наблюдаются довольно сложные наслоения.

Правовые нормы. Правовая система Японии исходит из *гири* и опирается на его правила. Составители законов четко отдают себе отчет в том, что не следует вступать в противоречие с нормами неписаных, но очень строгих правил. Большинство японцев недолюбливает юридические правовые нормы. Закон для них — синоним дубинки. При упоминании слова «закон» (*хо*) многих прямо передергивает. В народе считают, что от закона лучше держаться подальше.

Особенно резко негативное отношение к закону сохраняется в сельской местности. Крестьяне пользуются землей, арендованной у землевладельцев, и платят последним аренду совсем не обязательно по контракту. Они ощущают свой *гири*, и этого вполне достаточно. Если землевладелец, например, предпримет какие-то, скажем, «незаконные» действия против крестьян и кто-то обратится по этому поводу в суд, то далеко не все поддержат жалобщика. Рассказывают, что одному такому истцу, прибегнувшему к помощи суда, выразила презрение почти вся община. Сыновьям его в течение ряда лет отказывали в этой местности невесты. Особенно ярко и наглядно такие взгляды проявляются в области гражданского и семейного права.

Хотя японское гражданское право берет на себя обязанность регулировать исполнение обязательств так же, как в любой западной стране, на самом деле такая регуляция по сути дела не осуществляется. Перед законом старший и младший, если они подписывают соглашение, равны. И тот и другой обязаны соблюдать дух и букву соглашения. На самом же деле все обязательства неукоснительно должен соблюдать тот, кто стоит ниже по иерархии. От вышестоящего ожидают лишь, как говорят, дос-

тойного отношения к соглашению. Все конфликтные ситуации будут разрешаться не через суд, а по правилам *гири*. Юристы из западных стран, изучающие положение судопроизводства в Японии, бывают крайне удивлены ничтожно малым количеством гражданских дел по сравнению с тем, что имеется на Западе.

Когда в Японии человек по чьей-то вине терпит убытки, он реагирует на ситуацию совершенно не так, как мы привыкли это себе представлять. Обращение в суд с требованием возместить убытки рассматривается японцами как вымогательство, поэтому они стараются воздерживаться от таких крайних, на их взгляд, действий. К тому же японцы не любят менять характер сложившихся с кем-либо отношений. Поскольку судебное разбирательство в их глазах наносит урон престижу, они обычно стараются обходиться без него. И наконец, японцы привыкли к превратностям судьбы. На всякие там личные ущемления или потери они смотрят удивительно спокойно. Привыкшие исстари видеть опустошительные действия тайфунов, землетрясений и других стихийных бедствий, японцы с покорностью переносят любые неприятности, рассматривая их как нечто неизбежное.

Японцы, не моргнув глазом, подчиняются обстоятельствам, и если для облегчения участи со всей очевидностью перед кем-либо встанет необходимость обратиться в суд, то далеко не каждый это делает. Здесь сказывается и рациональность мышления японцев — ведь судебная тяжба требует от обеих сторон значительных затрат. Отказ пострадавшего от своего права возбудить судебное дело — обычное явление в Японии. А если случается так, что виновник повинится перед пострадавшим, конфликт разрешается сам собою. Если кто-либо потерпел убыток, скажем, от аварии на дороге и виновный предлагает даже незначительную компенсацию, далеко не соответствующую нанесенному ущербу, то пострадавший обычно идет навстречу. Он расценивает предложение виновника не иначе как искреннее желание как-то возместить ущерб, и этого часто бывает достаточно. Нередко потерпевший отказывается от компенсации, если понимает, что ущерб нанесен только по неосмотрительности, без умысла. Когда же никакой компенсации не предлагается, то и здесь потерпевший не сразу воспользуется своим правом и не вдруг обратится в суд. Он ищет какого-нибудь посредни-

ка, который от его имени делает попытки разобраться. Таким посредником обычно становится лицо, пользующееся авторитетом у общестственности. Мнение этого лица часто бывает достаточным для примирения сторон.

В целом нормы поведения японцев исходят не из юридических оснований, а скорее из сложившихся психологических установок. Исследования и жизненные наблюдения показывают, что правовые нормы Запада все больше прокладывают пути в японскую культуру, однако вряд ли японцы откажутся от своих взглядов на право и закон. Слишком глубоко эти взгляды врезались в национальную психологию. Они глубоко вросли в систему японской этики.

Этические нормы. Японская этика представляет собою синтез древнейших воззрений, идеалов конфуцианства, буддизма и в известной степени христианства. Этот синтез отражается в японском общественном сознании в виде специфической доктрины *до* (Пути), в некотором смысле идентичном *дао*. По японским понятиям, истинный Путь выражается в любви к родителям, уважении к старшим, соблюдении цепи ритуалов. Согласно японской традиции Путь находится у человека под рукой, его не надо искать на расстоянии.

Такое понимание Пути унаследовано японцами из знаменитых поучений Конфуция в книге «Беседы и суждения» («Луньюй»), где он наставляет своих приверженцев: «Направь свою волю на достижение правильного пути, придержишься [принципов] морали, [поступай] в соответствии с человеколюбием» [71, т. 1, с. 153], «Того, кто не стремится [к достижению знания], не следует направлять [на правильный путь]» [71, т. 1, с. 154], «Благородный муж думает о правильном пути и не думает о еде» [71, т. 1, с. 168]. Сама идея «Пути» восходит к *дао*, т. е. к началу всего земного и неземного, как это трактуется в «Дао дэ цзин». Японские философы и правители всех времен всегда старались идеи *дао* воплотить в понятных народу формулировках.

Долгое время пользовалась авторитетом формулировка Пути, как она была выражена императором Муцухито в рескрипте 1890 г. по вопросам просвещения: «Добронравие наших подданных, из поколения в поколение проявляющееся в лояльности и благочестии и в гармоническом сотрудничестве, способствовало долговечности нашей ро-

дины. Вот основные начала воспитания для наших подданных: будьте преданы вашим родным, как мужья и жены, и верны вашим друзьям; пусть поведение ваше будет вежливо и воздержанно; любите ближних, как самих себя; будьте прилежны в своих занятиях и следуйте каждый своему призванию; развивайте ваши умственные способности и воспитывайте в себе нравственные качества; содействуйте общественному благу и служите интересам общества; всегда оказывайте строгое повиновение Конституции и законам нашей Империи; развивайте свой патриотизм и свое мужество, и этим оказывайте нам поддержку в возвышении и сохранении славы и благоденствия нашей Империи, одновечной с небесами и землею» [141, с. 7].

Регулирующая сила этических норм не исчезает в пучине социальных потрясений. Это связано с тем, что своими корнями этические нормы глубоко уходят в национальную психологию. Они проявляются в национальном самосознании, национальном чувстве, чертах национального характера. Этические нормы в Японии выросли и окрепли на пяти постоянствах. Этими постоянствами являются человечность, долг, благонравие, мудрость, верность. Сущность их раскрыта в «Беседах и суждениях» Конфуция.

Человечность — *дзин* — в широком смысле слова — это милосердие ко всему живому. Оно означает, что все должно падать живые существа, думать о них, мягко обращаться с ними. Человечность — это конфуцианское *ай-суру* (любить с весельем) и буддийское *дзихи* (любить с грустью, проявлять милосердие). Первейшим элементом человеколюбия считается послушание родителям. Отсюда *ги* — чувство долга, т. е. поведение согласно норме должного. Именно с должным связано постоянство *ри* — благонравие, означающее уважение и почитание высших и снисходительность к низшим. Согласно *ри* никто не должен гордиться, превозноситься, выставлять своих заслуг, каждый должен быть деликатен. Одно из пяти постоянств — *ти* — мудрость, которая предполагает также добро и справедливость. Верность — *син* — это путь искренности, открытый и прямой.

Названные «пять постоянств» пронизывают пять отношений, т. е. пять видов человеческих связей: между родителями и детьми, между господином и слугой, между супругами, между братьями, между друзьями.

Родители и дети должны жить в глубокой дружбе. Отец, строго воспитывая ребенка, улучшает его характер, учит его разным искусствам, заботится о нем. Мать нежно печется о детях, следит, чтобы они не сердились на отца за строгость и дурно о нем не думали. Дети почитают и уважают родителей, не противятся их воле, не огорчают их. Хотя бы родители были и неправы, дети не могут сердиться на них, они все равно должны им угождать. Приемные дети воспитываются на точно таких же основах. Таков закон взаимоотношений отца, матери и детей.

Закон господина и слуги нормирует отношения по вертикали. Слуга (вассал), исполняя службу, не ставит это себе в особую заслугу. С признательностью получает он от господина средства к жизни, с признательностью он должен быть готов жертвовать для господина даже своей жизнью. Господин заботится о слугах, слуги относятся к господину с величайшим почтением. Слуга радуется о пользе господина не с виду только, он беззаветно служит ему, заботится со всей искренностью. Таков закон отношений между господином и слугой. На добродетелях этого закона выросла мораль самураев.

Закон супругов упорядочивает отношения между мужем и женой: муж печется о делах вне дома, жена же дома заботится о детях и хлопочет по хозяйству.

Муж вразумляет жену, направляет ее по своему разумению. Жена почитает и уважает мужа, внимательно заботится о пище, одежде и прочих домашних делах. Она не ревнует мужа и не завидует ему, знает одного мужа и с посторонними мужчинами не допускает вольностей. Как бы дурно муж ни обращался с ней, она не обижается.

Старшие братья главенствуют во всех делах, руководят младшими и заботятся о них. Младшие братья, повинаясь и не прекословя, должны относиться к старшим в высшей степени почтительно, во всех делах оставаясь под их началом. Если даже обращение старшего брата дурно, младший все равно почитает его: в послушании состоит доброе поведение младшего брата. Старшие и младшие сестры относятся друг к другу по таким же правилам. В этом состоит закон братьев и сестер.

Правда, по Гражданскому кодексу 1948 г. положение старшего брата как наследника уже не гарантируется законом. Согласно кодексу все члены семьи имеют равные права на наследование имущества. Однако обычаи делают

свое дело. Неписанные нормы традиции все же дают старшему брату большие преимущества. Особенно сильно это сказывается в сельской местности.

Закон отношений с друзьями предусматривает полную искренность, доверие. Если товарищ совершил дурной поступок, ему делают нелिцеприятное внушение. Во всех случаях друзья должны избегать лжи и лицемерия. Они друг друга не стесняются, знают друг о друге все. Когда в отношениях с друзьями исчезает искренность, когда за нелिцеприятные советы начинают сердиться, — надо, постепенно удаляясь, прекращать отношения. Все сказанное относится и к коллегам по службе. В этом проявляется закон друзей.

Конфуцианский закон «пяти постоянств» и правила пяти отношений, настойчиво внедрявшиеся в систему поведения японцев, оставили в психологии народа глубокий след, отложившись в виде специфических установок межличностных отношений. Среди них особое место занимает чувство взаимной обязанности, любви и благодарности, японски означает *он*.

Он — это чувство к родителям, которые вырастили и выкормили их, к учителю, который научил читать и писать, и т. п. О человеке, лишенном *он*, говорят: «Он-о ада-дэ каэсу» («Отплатил злом за добро»). Содержанием *он* является взаимопомощь, сотрудничество, оказание любви, материальная выручка, взаимовнимание и т. д. Нормы *он* присутствуют в различных формах общения и относятся к сфере деятельности практически всех слоев японского общества. В наше время действие *он* несколько ослаблено в среде интеллигенции. Скептическое отношение к *он* бытует и среди молодежи, которая считает его пережитком феодализма. Основная критика здесь направлена на то, что в *он* чувство благодарности, предполагающее искренность, может диктоваться и стремлением к выгоде.

Критики считают, что, действуя по шаблонам *он*, человек сдерживает свою инициативу, связывает ее мелочными реверансами и обременительными обязательствами. За всем этим, по их мнению, стоят утилитарные стремления. И поскольку осуществление *он*, считают они, доставляет людям много хлопот, оно постепенно уходит в прошлое. Однако нужно сказать, что рано еще сбрасывать со счетов регулирующую функцию *он*.

Хотя добродетели *он* имеют сферой главным образом межличностные отношения, влияние их со временем стало простирается также на область экономики и сферы власти.

Примером действия *он* в экономике могут служить необычные для капиталистического мира отношения между крупными и мелкими фирмами. Скажем, в свое время мелкая фирма обеспечивала крупной бесперебойную поставку каких-то товаров. Но вот она попала в беду и разоряется. Крупная фирма, в соответствии с *он*, чувствует необходимость пойти навстречу мелкой и предпринимает шаги для спасения младшего партнера. Здесь сказывается действие этического «закона отношений с друзьями». Однако нередко в подобных случаях *он* не совсем бескорыстно. В таком случае о крупной фирме говорят: «Он-о кисэру» (прикрывается *он*), т. е. своей помощью мелкой фирме ставит ее в положение вечного должника.

В сфере власти дает себя знать закон отношений между господином и слугой. Согласно этому закону издавна в Японии культивировалось раболепие и активной стороной в этих отношениях всегда выступал нижестоящий. Вышестоящему же вменялось в обязанность принимать дань уважения. Естественно, такое одностороннее почитание личности вносило в отношения оттенок деспотизма, что в своей основе противоречило этическим нормам японской культуры. Не случайно поэтому в сферу власти влеталась добродетель *он*, которая гуманизировала отношения «господин — слуга» (вышестоящий — нижестоящий).

Активное вовлечение *он* в отношения по вертикали довольно благоприятно сказывается в Японии на системе управления, поскольку сглаживает возникающие в общении начальника с подчиненным конфликты. Концепция *он* предписывает начальнику быть с подчиненным любезным, внимательным и даже почтительным. *Он* здесь осуществляет буферную функцию. Подчиненный, столкнувшись с гуманностью шефа, умеряет свое недовольство даже в острых ситуациях. Известную роль во всех этих отношениях, а также в иных сферах поведения играют моральные принципы *хадзи* и *цуми*.

Хадзи может быть понято как скромность, стеснительность, стыдливость. Содержанием *хадзи* пропитывается вся жизнь японца. Говорят, что абсолютное большинство японцев придерживается принципа *хадзи*, что придает их

поведению тон порядочности. Если же японец совершает явно не добропорядочные действия, ставит в неудобное положение другого, говорит неправду, нарушает установленные порядки и т. п., он переживает чувство *цуми* (чувство вины).

Обычаи. Рассмотренные выше три типа норм (*гири*, правовые и этические нормы) регулируют систему человеческих отношений. От этих норм зависит оценка личности другими людьми и наложение санкций за несоблюдение строго очерченных правил поведения. Наряду с ними в Японии действуют и другие нормы — это нормы обыденной культуры, обычаи.

Обычаи накладывают печать на все стороны существования японцев. Ими пропитана история нации и жизнь любого индивида, они проявляются внутри японского образа жизни, в праздники и в будни. Как японец начинает свой Новый год?

Новый год воспринимается японцами в виде *кэдзимэ*, т. е. психологической границы, разделяющей два периода жизни, — старый, уже прожитый, и новый, нарождающийся. К наступающему новому году все старые проблемы считаются обычно решенными, а о новых стараются не думать. Получается, что людям нечего делать, некуда спешить: школы и учреждения прерывают свою деятельность, магазины закрываются. Наступает самый безмятежный период времени.

Все дома и городские квартиры прибираются, у парадных дверей устраивают *кадо-мацу* (ворота из трех бамбуковых палок, украшенные сосновыми ветками). На воротах вешается *симэнава* — веревка из соломы с вплетенными бумажными полосками. Внутри дома в токонома помещают деревянную подставку с лепешками из риса, устрицами, морскими водорослями, сушеными сардинами и японскими сливами. В каждой комнате развешивают соломённые украшения. Все эти украшения вывешиваются и выставляются до 30 декабря и не убираются до 7 января.

В эти дни японцы ходят друг к другу в гости. Три первых дня в каждом доме пьют сладкое сакэ, едят рисовый суп с овощами и молятся о хорошем здоровье. У входа в дом выставляются подносы для визитных карточек, в которые соседи, знакомые и друзья вписывают примерно такие приветствия: «Благодарю Вас за доброе ко мне в этом

году отношение. Надеюсь на Вашу поддержку и в новом году». Широко распространены и различные устные приветствия. Новогодние визиты обычно наносят старшим или родственникам. При этом часто вручаются подарки, называемые *отосидама*.

Второе января у японцев знаменует начало обычной жизни в новом году. В этот день все происходит в первый раз: уборка, работа, развлечения. Первый сон в новом году называют *хацуюмэ*. На ночь, как и в старину, многие японцы кладут под подушку рисунки с лодками, нагруженными драгоценностями. Говорят, что это приносит счастье. На седьмой день утром едят рисовую кашу, приготовленную с семью видами трав и овощей. В старой Японии были уверены, что это изгоняет злых духов. Сейчас можно использовать любые овощи, а раньше употребляли только петрушку (*сэри*), траву мокричник (*хакобэ*), пастушью сумку (*надзуна*), глухую крапиву (*хотокэнодза*), репу (*судзуна*), редьку дайкон (*судзусиро*) и сушеницу (*хахакогуса*). Раньше этот день отмечали в семьях с большой торжественностью. Нарезать приправу к рисовой каше доверялось только хозяину, домочадцы лишь с благоговением наблюдали за этой процедурой. Сейчас такой ритуал уже редкость, хотя знаменательно, что он все же еще соблюдается.

В течение января в Японии отмечают еще некоторые дни, и в этом участвует и взрослое население и дети. Так, утром 11 января японцы едят круглые рисовые лепешки *кагамимоти* (букв. «приношение в храм»), которые возлагаются на домашний алтарь в канун нового года и сначала служат как украшения. 15 января едят кашу из красной фасоли (*адзукигаю*). Считается, что это помогает против злых духов. Раньше в аристократических кругах Японии имел распространение обычай 18 января читать стихи в присутствии императора. Каждый год император называл тему для стихов, и в этот день подготовленные на эту тему стихи зачитывались на вечере, куда приглашения рассылались по специальному списку.

Имеются ритуальные события и в феврале. Сейчас чаще в деревне, реже в городах, в храме бога урожая отмечается праздник знака лошади. В этот период обычно готовятся к весенним работам, поэтому считается, что возмеливание лошади — залог хорошего урожая.

На 3-е или 4-е февраля обычно приходится «переход от

зимы к весне». В ночь на этот день в каждом доме или в храме проводится церемония изгнания злых духов, которая сопровождается разбрасыванием бобов (в Японии говорят: «Бросай бобы в глаза дьяволу»). При этой церемонии выкрикивают ритуальную фразу: «Счастье в дом, злой дух вон!». Со словами «счастье в дом» бобы бросают от двери внутрь дома, а со словами «злой дух вон» — из двери наружу. Говорят, что если подобрать и съесть такое количество бобов, которое бы равнялось количеству прожитых лет, то непременно придет счастье.

В марте (3-го числа) японцы отмечают праздник кукол. Еще в январе в токонома ставят пятиярусную подставку, покрытую красной накидкой. Каждый ярус заставляют миниатюрными фигурками. Раньше на верхний ярус ставили фигурки императора и императрицы, справа помещали апельсиновое дерево, а слева вишневое. Ниже размещались фигурки придворных дам, пяти музыкантов, министров и слуг. Сюда же ставили игрушечную мебель и миниатюрные домашние вещи. Возле подставки отводили место для сакэ, рисовых лепешек, разноцветных сушеных бобов, различных лакомств и цветов. В наши дни на подставку помещают имеющиеся в доме игрушки. В этот день распорядительницами всего этого богатства являются девочки.

Во время весеннего равноденствия, которое начинается в Японии 18 или 19 марта и длится до 24—25 марта, проводятся специальные церемонии в каждом храме. Они имеют буддийскую основу. В эти дни люди идут на могилы предков, чтобы почтить их память. В средний день недели, когда уравнивается продолжительность дня и ночи, состоится празднество в императорском дворце. В этот день в семьях к столу подают *охаги* (колобок из вареного риса, покрытый сладкой пастой из соевых бобов) и *гомондзуси* (суши, приправленные уксусом).

Восьмого апреля японцы отмечают день рождения Будды. В этот день в храмах ставят миниатюрную модель храма, внутри которого помещают еще более миниатюрную фигурку Гаутама. Сооружение украшают цветами. Прихожане льют сладкий чай на голову Гаутама, а затем берут с собой домой немного этого чаю.

Май ассоциируется в Японии с праздником мальчиков. В пятый день пятого месяца у дома, где есть мальчики, на шестилах вывешиваются надувные карпы. Согласно япон-

ским легендам, рыба-камп отличается особым характером и силой, она может плыть против мощного течения и даже преодолевать водопады, а ведь мальчики должны быть сильными, ловкими и выносливыми. По этой же аналогии внутри дома на специальных подставках расставляют кукол-воинов в шлемах и доспехах. Около кукол кладут *касива-моти* (рисовые лепешки с фасолевой начинкой, завернутые в дубовый лист) и *тимаки* (рисовый колобок, завернутый в бамбуковый лист). В этот день принимается ванна с цветами ириса *сёбу*. Эти цветы выбираются также и для букетов. *Сёбу* в Японии символизируют боевой дух.

Летом каждый метр морского пляжа заполняется людьми. Летом японцы отмечают праздник Танабата (праздник Ткачихи). Седьмого числа седьмого месяца по лунному календарю повсюду в Японии проводятся красочные шествия. Японцы одеваются в легкие кимоно и несут в руках хлысты с полосками бумаги, на которых пишут различные пожелания. В деревне в этот день такие полоски вывешиваются на дверях и карнизах домов. На утро следующего дня эти полоски снимают и бросают в реку или море. Сначала праздник Танабата был связан с поклонением богине ткачества. Позднее этот праздник стали связывать с легендой о двух влюбленных звездах: Сокудзи, или Танабатацумэ (Вега), и Конгю (Альтаир). Согласно легенде к востоку от Млечного Пути жила небесная фея Ткачиха. Круглый год она трудилась, ткала из облачной нити небесные одеяния. Богине Синванму стало жаль ее, одинокую, и она отдала ее в жены Пастуху, который жил к западу от Млечного Пути. Выйдя замуж, Ткачиха перестала заниматься своим делом, т. е. ткать. Богиня рассердилась, велела ей вернуться на прежнее место и впредь видаться с мужем один раз в год на мосту, перекинутом через Млечный Путь сороками. Этот день символически обозначает любовное свидание.

В середине июля в Японии отмечается праздник Бон — День поминовения умерших. В ночь на 13 число седьмого месяца по лунному календарю в домах зажигают огонь, приглашающий души предков в гости. В последующие два дня на буддийский алтарь кладут свежие овощи и фрукты, вывешивают фонари, как бы развлекавая невидимых пришельцев. В ночь на 16 июля вновь зажигают огонь для сопровождения душ предков в обратный путь, а жертвенные продукты укладывают в миниатюрные суденыш-

ки, которые на следующий день спускают на море или в реку.

Во время праздника Бон 15 июля отмечается день середины года Тюгэн. В этот день принято обмениваться подарками. В июле — августе имеются дни, когда полагается есть унаги (японский угорь). Это якобы предохраняет от различных летних недугов. Многим уже трудно поверить в целительные свойства угрей, тем не менее считается очень желательным приготовить угрей для этого случая.

В сентябре отмечается праздник полнолуния. По лунному календарю полная луна в середине осени появляется вечером 15 августа (примерно 10 сентября). В это время при лунном свете живописно расставляются на подставке свежесваренный картофель, яблоки, запеченные в тесте, осенние съедобные травы. Люди любуются луной и угощаются. Такое же празднование бывает и 13 октября. Считается, что если человек принимал участие в любовании луной в сентябре, то он обязан это сделать и в октябре, иначе про него скажут, что он «слишком односторонен».

В ноябре отмечается праздник *сити-го-сан* (семь-пять-три). 15 ноября мальчиков трех и пяти лет и девочек трех и семи лет одевают в лучшие платья и ведут в храм, где произносятся благодарственные молитвы. Детям покупают пакеты с леденцами, которые они раздают друзьям и родственникам *.

В декабре японцы щедро обмениваются подарками *о-сэйбо* (подарок в ознаменование конца года). Они отмечают наступление зимы. Погода зимой в зависимости от района бывает различной — от морозов до легких заморозков. Японцы любят природу и в этом сезоне. Когда же выпадает снег, любят снегом. В холодную пору японцы любят собираться вокруг стола с *котацу* (жаровней, вмонтированной в пол под столом и прикрываемой сверху одеялом, под которое сидящие помещают ноги). При этом они угощаются различными напитками и кушаньями.

Чтобы описать все японские обычаи, нужна специальная и объемистая книга. Наша задача — показать обычаи в качестве одной из социальных норм поведения японцев.

* Подробнее о празднике *сити-го-сан* см. в разд. 2 гл. II.

Как мы видим, регулирующая функция обычая проявляется в том, что люди вовлекаются в характерную для каждого случая деятельность, и в этой деятельности они усваивают определенные нормы поведения, ритуалы культуры. К подобного рода ритуалам следует отнести также ритуалы, связанные с визитами и обменом подарками.

Процедура визитов в Японии имеет существенные особенности. Дверь в японский дом открывается в *гэнкан* (парадный вход, специальная пристройка, холл, вестибюль). Здесь гости всегда выражают извинения по поводу того, что своим визитом побеспокоили хозяйку, а та, в свою очередь, высказывает сожаление относительно своего скромного приема гостей. Затем идут всякого рода ритуальные высказывания, имеющие слабое отношение к цели визита, но представляющие в Японии обязательную норму приветствия. И только после такой продолжительной подготовки хозяйка говорит: «О-агари кудасай» («Заходите, пожалуйста!»). Тут происходит еще одно действие — все входящие снимают обувь и надевают мягкие домашние шлепанцы *суринна*. Это простое, казалось бы, действие превращено в Японии в своеобразный психологический и эстетический акт. Сама процедура переживается японцами как преодоление психологической границы (японцы называют это *кэдзимэ*), проводящей барьер между внешним миром и интимной атмосферой домашнего очага. Переступив этот барьер, посетители, в частности гости, как бы забывают о прошлом, о том, что было за этим барьером, и вовлекаются в совершенно иную атмосферу. Оставленная в *гэнкане* обувь может многое рассказать о своих владельцах.

Обувь в Японии довольно практична, она хорошо смотрится и, можно сказать, вполне гармонирует со всем, что окружает японца в его повседневной жизни. Вместе с тем обувь многое говорит о своем владельце. Столетие назад японская обувь была, как правило, деревянной с матерчатыми ремешками (*гэта*). Несмотря на явную стандартизацию, она и тогда имела свои различия. И сегодня *гэта* могут указывать на социальное положение или род занятий владельца. Внимательный глаз заметит различие между строго четырехугольными *гэта* (*каку гэта*), которые надевают, как правило, мужчины средних лет, и *гэта* с закругленными углами, используемыми престарелыми мужчинами или священнослужителями. Некоторые даже мо-

гут отличить *номэри гэта* (*гэта* с наклоном вперед), которые пользуются популярностью у актеров. Женские *гэта* четко указывают на возраст их обладательницы. Правда, сейчас с деловой одеждой большинство женщин предпочитает носить мягкие с матерчатой стелькой сандалии (*дзори*).

Японская обувь, как индикатор социального положения и профессии человека, исполняет вполне определенную регулирующую функцию. Например, владельцы уютных японских гостиниц тщательно рассматривают обувь гостя, чтобы определить, какая комната в гостинице будет более полно соответствовать его наклонностям.

Нигде люди так часто не меняют обувь, как в Японии: на улице, например, японец носит *гэта* или *дзори*, когда входит в дом, надевает мягкие *суриппа*, но если он направляется в туалет, то пользуется специальными шлепанцами.

Непременным атрибутом японского образа жизни является обмен подарками. Ритуал такого обмена весьма своеобразен. Обычно обмениваются чем-то осязаемо-материальным — это продукты питания, напитки, деньги, иногда обмениваются визитными карточками. При этом обычно то, что дается, возвращается в том же эквиваленте, естественно, не обязательно в той же форме. Бывает так, что тарелка, на которой однажды доставлялся кому-то кусок пирожного, может быть возвращена владельцу с другими сладостями, с листами писчей бумаги (*ханси*), с чем-либо еще.

Своего рода обмен можно усмотреть и в процедуре свадьбы в Японии.

Невеста «обменивает» свою фамилию и свой социальный статус: она переходит, можно сказать, в подчинение свекрови и мужа. Родным невесты передается набор из пяти, семи или девяти специальных конвертов (*юино*). В один из этих конвертов вкладываются деньги для погашения расходов на свадьбу. Другие, которые в старые времена наполняли ритуальными продуктами, например сушеным кальмаром и т. д., теперь остаются пустыми. Они символизируют пожелание долгой супружеской жизни, счастья, благополучия, хорошего потомства. Иногда в конверт кладут список расходов, связанных с проведением свадьбы или с устройством быта молодых, которые берут на себя родители жениха.

Во время церемонии жених и невеста троекратно обмениваются чашечками сакэ, что символизирует прочный союз. Западная культура привнесла в Японию ритуал обмена обручальными кольцами.

Ритуалы обмена, как и другие процедуры поведения, выступающие в функции социальных норм, формируют японский образ мысли и характер взаимных отношений, это отражается в специфике таких понятий, как «их» и «наше».

В японском языке «наше» — *ути-но* буквально означает «то, что принадлежит своему дому», под которым подразумевается семья, школа, место работы, часто нация в целом. «Их» выражается словом *сото-но* или *ёсо-но*, буквально — постороннее, внешний мир: это другие люди, другая школа, другая фирма, другая нация. Различия между тем, что является японским, а что не японским, всегда налицо. Для этого используются даже специальные слова. Например, одежду западного стиля называют *ёфуку*, а японского стиля — *кимо-но*. Костюмы, брюки, женские платья в магазинах демонстрируются на западных моделях манекенов, а кимоно — на японских.

«Иностранная» пища редко подается в посуде японского стиля. Рис, являющийся составной частью почти всех японских блюд, называемый *гохан* *, подают в специальных чашках и едят палочками *хаси*. Если же рис готовится на западный манер, то его называют *райсу* (от англ. rice), подают в тарелках и едят ложкой. При написании заимствованные из западных языков слова, даже те, которые употребляются в Японии в течение веков (подобно словам «хлеб» и «рюмка»), обозначаются совершенно иначе, чем чисто японские слова. Для написания слов иностранного происхождения всегда применяется слоговая азбука катакана. Вместе с тем различия между «мы, японцы» и «они», т. е. не японцы, для иностранца стараются смягчить. Вновь прибывшего в Японию расхваливают за то, как он проворно справляется с палочками для еды, *хаси*, за его восторженные отзывы о японской пище, за его неуверенные попытки говорить по-японски. Встречая со стороны японцев такое обхождение, иностранец испытывает большое удовольствие. Однако стоит ему остаться в Японии, скажем, на десять или даже на двадцать лет, пер-

* О японской кухне см. Приложение 1.

винции Хидзэн на о-ве Кюсю. В японских легендах говорится: «Правители клана Набэсима отличались умом и проницательностью. В этом отношении они могут считаться образцом. Необыкновенное счастье рода Набэсима можно объяснить только божественным благоволением, которое он снискал за благочестие и добродетель своих предков» [144]. Говорят, что самураи из провинции Хидзэн не отличались роскошью доспехов, золото не блестело на эфесах их мечей, зато всем были хорошо известны их верность и мужество.

К названию «Хагакурэ» часто присоединяют термин «бусидо», и тогда все вместе японцами воспринимается как «Книга воина». В этой книге излагается идея служения и верности самурая своему господину. Сначала это относилось только к взаимоотношениям между местными феодалами и их вассалами. Феодал в те времена распространял свою власть обычно на три-четыре провинции, а нередко на несколько округов. Но постепенно идеи «Хагакурэ» внедрились в умы всей нации. Эти идеи оказались доминирующими в предвоенной Японии как противодействие усилению чужеземного влияния и нашли приверженцев в среде участников движения за возврат к почитанию местных национальных святынь.

Из истории известно, что самураи появились как вооруженная дружина местных феодалов. Они происходили из среды крестьян и служилых людей. На первых порах это были довольно неотесанные люди. От них требовалась только слепая верность господину и смелость в бою. Однако со временем этого оказалось мало. Когда военное дело стало профессиональным занятием, продвижение по служебной лестнице потребовало знания китайского языка и письменности. Постепенно самураи приобщались к сложной системе средневековой культуры. В религиозном отношении их привлекла секта буддизма дзэн, в которой они увидели возможность самосовершенствования.

«Хагакурэ», отразив взаимоотношения между господином и подданным, стала основой института самураев, пышно развернувшегося в период режима Токугава (1600–1868). В истории Японии большую роль сыграла такая черта характера самураев, как страстная жажда знаний, которая толкала самураев на подвиги. Когда XVII век поставил перед Японией проблемы духовного порядка, самураи бросились штурмовать китайских фи-

лософов и моралистов. Когда в двери Японии постучался XIX век со своим техническим прогрессом, самураи стали во главе торгово-промышленных предприятий, сделали политиками и создали публицистику. Самураи были сотканы из национального честолюбия, их всегда обуревала страсть поставить Японию впереди всех. Вот где главным образом кроются истоки неистощимой японской энергии. Исходный импульс к раскрытию этой энергии был задан составителями «Хагакурэ».

В «Хагакурэ» четко прослеживается вполне определенная тематика: честь, смерть, доблесть, преданность господину, самосовершенствование.

Красной нитью в «Хагакурэ» проходит идея смерти. Многие исследователи характеризуют эту идею как презрение к смерти, нам же думается, что это есть презрение к жизни. Когда воин, поучает «Хагакурэ», будет постоянно думать о том, как достойно умереть, его жизненный путь будет прям и прост. В ситуациях опасности он тогда не будет думать о том, как спасти свою жизнь, а станет неуклонно стремиться к тому, чтобы броситься в гущу врагов и встретить смерть с улыбкой. «Хагакурэ» воспитывает у воина презрение к человеку, который не добился поставленной цели и продолжает жить.

Рядом с идеей смерти в «Хагакурэ» стоит доблесть. Как следует из описания боевых подвигов самураев Набэсима, доблесть должна быть в натуре любого воина. Высшей доблестью самурая, как следует из «Хагакурэ», является преданность господину. Не будь беспрекословной преданности, считали составители этой книги, не было бы никаких других добродетелей. На преданности господину в Японии воспитались многие поколения людей. Преданность, как и все другие добродетели, основана на чувстве чести.

«Хагакурэ» поучает: «Вы можете потерять свою жизнь, но честь — никогда». Воинов призывали строго хранить свое «доброе имя». Слово самурая ценилось без всяких письменных гарантий. Самураи не давали никаких клятв — это считалось унижением их чести. Такое понимание чести сказалось на основном словарном фонде японского языка. Нитобэ Инадзо считает, что в японском языке нет слова «ложь»; слово *усо* употребляется как отрицание правдивости (*макото*) или факта (*хонто*) (цит. по [140, с. 34]).

Согласно «Хагакурэ», честь не приходит к воину как дар неба, это чувство надо воспитать, а для этого надо работать над собой. В связи с этим «Хагакурэ» дает вполне определенные советы, как воспитывать в себе нужные качества. Самурай обязан был самосовершенствоваться, закалять дух и тело. Военный человек, поучает «Хагакурэ», никогда не должен обнаруживать свои внутренние переживания. Его личные потребности должны быть максимально урезаны. На людях же он должен появляться в приличном виде, поддерживая честь своего господина.

Книга «Хагакурэ» состоит из одиннадцати частей, разделенных на 130 небольших разделов*. Большую часть книги занимают рассуждения самурая Цунэмото. Они перемежаются повествованиями о различных событиях или описаниями добродетелей правителей клана Набэсима. Эти рассуждения, повествования и описания считаются эталоном самурайской чести, совести, долга, мудрости. Скрытый смысл всего этого составляет психологию бусидо.

Корни бусидо следует искать в догмах конфуцианства, буддизма и синтоизма. Конфуцианство является морально-этической основой бусидо. Буддизм воспитал у последователей бусидо равнодушие к смерти. Однако подлинное основание бусидо покоится на синтоистских культах природы и предков, взрастивших у японцев особое чувство принадлежности к японской нации.

Конфуцианство закрепило в кодексе бусидо прежде всего «верность долгу». Любой «благородный муж», утверждал Конфуций (в его понимании «благородный муж» — это нравственно полноценный человек), должен в своем поведении руководствоваться чувством долга. Эта нравственная норма трактовалась конфуцианцами не просто как выполнение обязанностей, а значительно шире. «Благородный муж, — поучал Конфуций, — ко всему подходит в соответствии с долгом; совершает поступки, основываясь на ритуале, в словах скромнен, в поступках правдив» [71, ч. 1, с. 167]. Чувство долга тесно увязывалось конфуцианцами с честью, понимаемой как моральное право на уважение и общественное признание.

В кодексе бусидо долг и честь предписывают соблюдать верность, благородство, мужество. В этом сказалось влияние известного изречения Конфуция: «Видеть то, осу-

* Извлечения из «Хагакурэ» даны в Приложении 4.

шествление чего требует долг, и не сделать есть отсутствие мужества» [71, ч. 1, с. 145]. Конфуцианство соединилось с синтоистской моралью.

Мораль синтоизма в том, чтобы познать самого себя, заглянуть в глубь своей души и ощутить божество (*ками*), которое там якобы живет. Согласно синтоизму, человеку надо слушаться веления этого божества, ибо оно представляет собой зов родителей и всех предков от поколения к поколению. Своей жизнью, учит синтоизм, японец обязан предкам. Однако это только одна сторона дела. Синтоизм внушает японцу ощущение духа благоустроенности государства, охраняющего благополучие и безопасность людей. Только в таком государстве, согласно синтоизму, японца могут воспитать так, как должно; только в таком государстве могут быть вскормлены его дети. Поэтому, по синтоистским канонам, японец должен чтить повелителя-государя, от которого исходят мир, законы и порядок. Синтоизм внушает человеку тройную обязанность: к родителям, прародителям, императору. На этом основывается и бусидо. И хотя официальное отношение к императору изменилось, значение его как символа сохраняется.

Согласно синтоизму, личность японца — это хранилище божественного начала. Тело считается временно отданным человеческому Я, оно является как бы собственностью *ками*. Люди, говорят синтоисты, должны ухаживать за своим телом потому, что здоровое тело — источник духа и энергии, радость родителей. У синтоистов есть обычай, согласно которому умирающий в молодом возрасте просит прощения у родителей за свою раннюю смерть. Он должен говорить примерно так: «Простите меня, что я от вас ухожу, когда вы приближаетесь к старости. В ваши годы вы будете чувствовать мое отсутствие; я мог бы вознаградить вас за все то, что вы для меня сделали, но я должен уйти — такова воля неба» [141, с. 245].

Бусидо учит японца заботиться о своем теле. Но не это главное. Бусидо требует от людей самоотвержения. Высшей похвалой для последователя бусидо всегда была идея «человек без собственного Я». Тот, кто стремился к уничтожению своего Я, рассматривался как существо высшего разряда. Приверженец бусидо должен был уяснить, что истинный долг человека заключается не в собственном спасении. У него не может быть эгоистических видов на «награду Неба», его наградой является голос совести:

«ты хороший и честный человек», «ты искоренил в себе себялюбие», «ты внедрил в свое сердце идею *тэнин-хаири*», что означает чувство стыда и голос совести. Совесть, т. е. то понятие, которое обозначается в Японии словом *кокоши* (одновременно и чувство, и ум, и доброе сердце), всегда считалась мерилom настоящей приверженности идеям бусидо.

Чтобы воспитать в себе дух бусидо, человек должен был многому учиться, но главное — терпеть и рисковать. Именно обучение терпению и готовности к риску было положено в основу воспитания подрастающего поколения. Чтобы научиться переносить всякие лишения, мальчики ходили босиком по снегу, упражнялись в фехтовании и в стрельбе в цель, в полночь отправлялись на кладбище, по целым ночам бодрствовали в состоянии «наготове», подвергались тяжелым и даже варварским испытаниям. Все это делалось для воспитания самообладания.

Самообладание — вот цель и средство самовоспитания японца. Если человек в сложной ситуации начинает выражать гнев и чрезмерно бушевать, то на него смотрят как на недостойного, и он сам вскоре понимает, что надо посмеяться над таким поведением, взять себя в руки и унять свои страсти. Если на него нападет грусть, он должен прикрывать ее улыбкой, делать так, чтобы никто не догадывался об истинных переживаниях. Последнее уже давно способствовало тому, что многие иностранцы стали считать японцев слишком легкомысленными: у них де улыбка по поводу и без повода. Однако улыбка японца — результат целой исторической эпохи. Эта улыбка как бы венчает кодекс самурайского воспитания, она формирует такую черту национального характера, как вежливость в широком смысле этого слова.

Основная идея вежливости японца в том, чтобы быть всегда приятным в отношениях с другими. Это не та вежливость, которая подразумевает лишь хорошие манеры, благовоспитанную речь. Вежливость культуры бусидо должна идти рука об руку с более глубоким предписанием: «радуйся со счастливым и не показывай другим твоих слез».

Бусидо прежних времен, утверждал японский писатель Кан Кикүти накануне второй мировой войны, будучи «путем воина», стало путем всей нации. «Можно смело сказать, — подчеркивал Кикүти, — что все лица мужского

пола в возрасте от 20 до 40 лет являются воинами» [79, с. 184].

Превратившись в традицию, бусидо и сегодня осуществляет в Японии регулирующую функцию. Бусидо — это среда, благодаря которой живо в Японии почитание предков. Дух бусидо во многом повелевает поведением японцев, и они сознательно, но еще в большей степени бессознательно, следуют за ним. То, что предписывает бусидо, не так-то просто смахнуть, отбросить, от этого вдруг нельзя отказаться. Корни бусидо сидят слишком глубоко.

Харакири. «Хара» — в буквальном смысле слова — живот, чрево (точнее, та его часть, что располагается ниже на пять сантиметров от пупка вправо и влево). В переносном же значении это слово обозначает душу, ум, характер, намерения, глубинные мысли — все то, что на Западе связывается с понятием «сердце».

В Японии со словом *хара* употребляется довольно много устойчивых оборотов речи: тот, кто полон решимости, привел в спокойное состояние свое *хара* (*хара-о кимэру*); кто сердится, у того *хара* поднимается кверху (*хара-о татэру*); кто говорит откровенно, у того *хара* раскрыто, — «хара-кири». Ритуальное самоубийство путем вскрытия живота потому и называли «харакири». Оно утвердилось в эпоху Хэйан (VIII—XII вв.) и сначала осуществлялось только самураями.

Слово «харакири» иностранцы употребляют с оттенком насмешливости, сами японцы склонны употреблять слово «сэппуку» или «каппуку».

Сэппуку буквально означает вспарывание живота. Если сэппуку назначалось как наказание, то говорили, что виновный осознал свою вину, что равнозначно словам: «Я совершил нехороший поступок, мне стыдно перед своей совестью, и я наказываю себя собственными руками». Иногда человек совершал сэппуку, не будучи виновным, что означало: «Я не виновен, но я хочу показать вам мою душу, чтобы вы сами могли судить об этом».

Как известно, боль в животе переносить очень трудно, поэтому вспороть себе живот означало нелегко уйти из жизни. Поэтому тот, кто совершал сэппуку, мог сказать: «Оповести, что я умер мужественно». У самураев смерть в бою и «смерть на циновке» (сэппуку совершалось на циновке) в одинаковой степени расценивалась как героизм.

Со второй половины XV в. до середины XVII в. в Японии практиковали сэппуку в случае смерти господина. В «Хагакурэ» помещен рассказ об одном таком случае. В нем рассказывается о том, как к Сукэдзаэмону — управителю владетельного князя Набэсима — посланцем князя было доставлено распоряжение сделать харакири из-за дурного поведения дочери, покрывшей бесчестьем имя отца. Сукэдзаэмон в это время сидел за партией «го»*. Узнав о распоряжении, Сукэдзаэмон попросил посланца подождать, пока он закончит партию, и пригласил его посмотреть за развитием игры. Когда партия была закончена, Сукэдзаэмон отошел в сторону и спокойно вспорол себе живот.

Восемнадцать самураев Сукэдзаэмона, не желая расставаться со своим господином, просили у посланца князя разрешения последовать за умершим господином, но посланец, испугавшись такого количества жертв, не соглашался. Тогда сын Сукэдзаэмона стал просить за них. «Если воин сказал, что он у м р е т, — говорил о н, — бесполезно его останавливать. Пожалуйста, разрешите им сделать харакири». Разрешение было получено, и все восемнадцать вассалов Сукэдзаэмона немедленно отправились вслед за своим господином на тот свет.

Когда умер сёгун Иэмицу (1651 г.), харакири еще больше вошло в моду. Даже князья не щадили себя. Намекаясь лишить себя жизни, владетельный князь Утида Масанобу собрал гостей, чтобы выпить с ними по прощальной чарке сакэ. На пиршество собралось 50–60 человек. Около восьми часов вечера Масанобу прилег отдохнуть и просил разбудить себя в 10 часов. Он быстро заснул, а когда проснулся, уже было 12 часов ночи. «Что же вы меня не разбудили? — заворчал о н. — Ведь я же просил». Продолжая ворчать, Масанобу уселся на циновку и вспорол себе живот.

Этот обычай, который называли *дзюнси* или *ойбара* (харакири вслед за смертью своего господина, главы рода), был запрещен законом в 1663 г., однако его долго не удавалось искоренить. Тогда власти пошли на крайность — они стали обезглавливать всех членов семей тех лиц, которые делали харакири после смерти своего господина. Это помогло. Однако подпольно этот обычай про-

* Подробнее об этой игре см. Приложение 2.

цветал еще долго. После кончины императора Муцухито, например, некоторые его приближенные и почитатели пренебрегли запретом и сделали харакири (среди них был генерал Ноги). По закону эти люди осуждались, а по нормам морали расценивались как национальные герои.

Процедура харакири, применяемая в качестве наказания, обставлялась особенно пышно. Акт харакири обычно совершался в резиденции господина. Для этого выбиралось ночное или вечернее время. Двор посыпали крупным песком, а место самого акта устилали тонкими циновками, которые покрывались белым полотном; поверх стелилось шерстяное покрывало красного цвета. Приговоренный, одетый в легкое кимоно, усаживался на приговоренное место в позу по-японски. К нему подходили два «секунданта», старший и младший. Младший становился за спиной приговоренного и вынимал из ножен меч. Осужденному на подносе подавали кинжал или короткий меч и помогали раздеться.

Сам акт харакири выполнялся разными способами. Вот один из них: кинжал берется в правую руку, вонзается в левый бок и горизонтально проводится ниже пупка до правого бока; затем вертикально от диафрагмы до пересечения с горизонтальным порезом; если не наступает конец, то кинжал далее вонзается в горло. Известны и другие способы [140, с. 50]. С годами людей, способных соблюдать все детали процедуры, становилось все меньше и меньше. В связи с этим процедуру максимально упростили, и перед ее отменой в период реставрации Мэйдзи она выглядела значительно проще: осужденный брал в руки поднесенный ему на подносе кинжал, а «секундант», стоящий за его спиной, тут же сносил ему мечом голову. Раньше в обязанности младшего «секунданта» входило прекращать мучения человека, вспоровшего себе живот. С течением времени этот «секундант» превратился в палача.

Харакири, как акт лишения себя жизни, со временем изжил себя в Японии. Однако духовная подоплека этой кровавой процедуры оставила глубокий шрам в психологии нации. Этот шрам все еще кровоточит.

О том, что дух бусидо продолжает витать над Японскими островами, говорят данные исследований Института математической статистики Японии по проблеме

«Национальный характер». На вопрос: «Как вы расцениваете поступок 47 самураев периода Токугава, отомстивших за смерть своего господина?» – 29% из опрошенных ответили, что они этот поступок одобряют, 34% сказали, что это было правильно для того времени, и только 11% высказались критически. На вопрос: «Оправдываете ли вы действия человека, когда он совершает самоубийство в результате коллизии между моральным долгом и требованием обстоятельств?» – 20% ответили утвердительно (по каждому вопросу опрашивалось 2254 человека) [224].

Однако в какой степени дух бусидо сохраняет значение сегодня? Какова его регулирующая сила?

Конечно, современный японец с иронией смотрит на наставления «Хагакурэ» и удивляется тому, что когда-то в его стране господствовал кодекс харакири. Тем не менее японец как-то воодушевляется, когда вокруг начинают обсуждать названные проблемы. Иначе и быть не может: ведь это плоть и кровь японской нации, ее история.

Когда зарубежные историки дискутируют между собою по поводу бусидо, они подчеркивают в основном две стороны этого явления: догматы самурайской доблести и их проявление в японской культуре; специфическое отношение японцев к самоубийству. При этом нередко делаются довольно категоричные выводы, подобные таким, как «бусидо – это норма социальной жизни японцев» или «японцы склонны к самоубийствам».

Мы не разделяем такой крайности. Тщательное изучение проблемы социальной регуляции в Японии показывает, что здесь имеются свои тонкости.

Согласно исследованиям Кадзуо Накамуры, накануне войны и в первые послевоенные годы Япония отличалась высоким уровнем самоубийств. В последующие годы число самоубийств идет на убыль, но остается еще довольно высоким. Так, в 1961 г. зарегистрировано 18 216 самоубийств, что составляет 20% от всех умерших. Тем не менее к этому времени по проценту самоубийств Япония занимала третье место в мире.

Обычно самоубийство в Японии совершается в одиночку, вместе с тем в отличие от других стран здесь нередко имеют место и групповые самоубийства. Так, в середине 50-х годов регистрировалось более 1200 таких случаев

ежегодно. Довольно много групповых самоубийств происходит и в настоящее время. Среди них влюбленные неизменно занимают первое место.

Такие самоубийства называют в Японии *синдзю* (самоубийство по сговору) или *дзайоси* (романтическое самоубийство). Они возникли накануне эпохи Эдо. К ним тесно примыкают различные виды кровавых торжественных клятв: вырывание ногтей, протыкание руки или ноги кинжалом, отрубание пальца и т. д. Самоубийства влюбленных совершались путем вскрытия вен, перерезывания горла, повешения... Примерно в середине XVII в. эти виды самоубийств были поставлены под запрет, однако они не исчезли и поныне.

Э. Дюркгейм в своем трактате о самоубийствах утверждает, что каждая нация имеет свои способы лишения жизни. К. Накамура не подтверждает такую стойкость способов самоубийства в Японии. Согласно его данным, способы самоубийства меняются. В 60-х годах в Японии возросло количество самоубийств с помощью сильнодействующих ядов. Женщины часто используют кухонный газ, а мужчины — холодное и огнестрельное оружие.

Несмотря на тот факт, что Япония отличается большим процентом самоубийств, нельзя говорить о какой-то этнической предрасположенности японцев к самоубийству. Доказательств этому просто не существует.

По мнению Накамуры, самоубийства часто зависят от социального окружения, отношения религии и других социальных институтов к сущности самоубийства. Дух бусидо, конечно, сказал здесь свое слово. Однако регулирующая сила бусидо резче проявляется в поведении, связанном с демонстрацией своей национальной приверженности и верности долгу. Это хорошо просматривается на одной весьма примечательной истории.

В середине марта 1974 г. через три десятка лет после выхода Японии из войны на Филиппинах состоялась «капитуляция» одного из подразделений японской армии, воевавшей здесь до 1945 г. В живых остался лишь один — командир группы спецназначения подпоручик Онода. Об этом факте сообщалось во многих газетах мира. Японский журнал «Мантайм», рассказывая о «капитуляции» Онода, изумил читателей фактом необычно-обычного поведения своего соотечественника. Советский журналист Юрий Бандура подробно повествует об этом событии [31].

В конце 1944 г. командир подразделения войск специального назначения императорской армии майор Танигути вызвал подпоручика Оноду и отдал ему следующий приказ:

— Вам надлежит укрыться в горах острова Лубанг. Ваша цель — террор, подрывная работа, сбор информации о противнике. Мы еще вернемся на Лубанг, и задача вашей группы — облегчить нам возвращение. Все ли ясно?

— Так точно!

— Тогда последнее. Приказ этот отдаю вам я. И никто другой, кроме меня самого, не вправе его отменить.

Так подпоручик Онода оказался в джунглях небольшого филиппинского островка. Вместе с ним на выполнение задания были отправлены младший унтер-офицер Симада и рядовые первого класса Акацу и Коцука. Группа спецназначения начала собственную войну, затянувшуюся на годы и даже десятилетия.

Первым из четверки вышел из игры Акацу: весной 1951 г. он сдался в плен. Через три года — в мае 1954 г. в стычке с подразделением горных стрелков филиппинской армии был убит унтер Симада. А еще восемнадцать лет спустя в перестрелке с патрулем погиб Коцука. Командир группы пережил своих подчиненных. Для подпоручика Оноды война завершилась 10 марта 1974 г., через двадцать девять лет и три месяца после того, как он приступил к выполнению боевого задания майора Танигути.

Как же капитулировал Онода?

Март 1946 г. По чащобам Лубанга в сопровождении американских солдат бродит японец с мегафоном, оглашая вечнозеленые склоны гор вестью о полной капитуляции Японии. На его призыв прекратить сопротивление откликнулись четыре десятка пехотинцев, не успевших эвакуироваться вовремя со своими частями. Онода остается в джунглях.

Май — июнь 1954 г. Япония направляет на Лубанг делегацию для спасения Оноды и Коцуки. В составе группы — их родные и близкие. Три недели блужданий по горам ничего не дают. Надорвав голоса в призывах сложить оружие и сдаться властям, делегаты ни с чем возвращаются в Японию. Май — декабрь 1959 г. Лубанг посещают одна за другой три группы с прежним заданием. С ними на остров приезжает родной брат подпоручика. Онода не только слышит обращенные к нему призывы, но

и узнает брата. Тем не менее он продолжает «выполнять приказ». С ноября 1972 г. по апрель 1973 г. сюда вновь прибывают четыре поисковые группы. На сей раз в попытках извлечь его из филиппинских лесов принимает участие отец. Он бродит по горам Лубанга и выкрикивает строки классических японских трехстиший — хайку:

Сколько воспоминаний
Вы разбудили в душе моей,
О вишни старого сада!

Онода продолжал «войну».

Трудно сказать, как еще долго длилась бы эта «война» и чем в конце концов завершилась бы жизнь Онода, если бы он не «взял в плен» своего соотечественника — молодого туриста из Японии. В беседе с ним Онода категорически заявил земляку, что, пока отданный ему три десятка лет назад приказ не будет отменен его прямым начальником, он, офицер императорской армии, будет продолжать свою войну.

Результатом этой беседы явилась еще одна спасательная экспедиция. В ее составе был бывший майор Танигути, тот самый, что отправил Онода на Лубанг. Поздним мартовским вечером на одной из высот в джунглях Филиппин отставной майор зачитал стоявшему перед ним навыважку с винтовкой у ноги подпоручику Онода приказ об отмене возложенного на него боевого задания. Тридцатилетняя война офицера закончилась.

О том, как прочно укоренился в Онода дух бусидо, видно по его высказываниям перед телекамерой:

«— Не сдавался, потому что обязан был действовать лишь по приказу прямого начальника... О гибели подчиненных не жалел. Возникло лишь желание отомстить за их смерть... О родителях не вспоминал. Полагал: раз они считают меня погибшим, значит, дух их возвышается, а это продлит им жизнь».

Бусидо — это историческое прошлое японского народа, которое не исчезает как дымка, а продолжает свой путь в сердцах поколений. Бусидо способно поднять массы на самые невероятные дела «во имя нации». Об этом нам печально напоминает драматическая история камикадзэ.

Во второй половине XIII в. Япония оказалась перед угрозой нашествия монголов. Внук Чингисхана Хубилай дважды (в 1274 и 1281 гг.) с армадой кораблей подходил

к берегам Японии, пытаясь покорить ее. Обе экспедиции оказались неудачными: сильнейшие тайфуны, возникшие во время высадки захватчиков на Японские острова, уничтожили большинство кораблей. Японские историки называли эти тайфуны «камикадзэ», что значит «божественный ветер», давая понять, что за этим кроется божественная помощь японскому народу.

В конце второй мировой войны, когда Япония терпела поражение, японское командование именем камикадзэ назвало молодых людей-смертников, с помощью которых намеревалось переломить ход войны. Сначала это были пилоты-охотники за американскими авианосцами, а потом «люди-лодки», «люди-мины», «люди-танки» и т. д. К концу войны в японских вооруженных силах действовали сотни подобного рода отрядов, некоторые имели в своем составе тысячу и более бойцов.

Основателем первых отрядов камикадзэ и их идейным вдохновителем был адмирал Ониси, который осенью 1944 г. на Филиппинах сформировал эскадрилью «камикадзэ», состоящую из четырех подразделений, которым дали имена, заимствованные из поэмы средневекового самурая Норинага Мотоори — поэта периода Токугава. Адмирал Ониси уверял, что любой боец из этих отрядов представлял себя «богом без земных желаний» [170, с. 211].

Камикадзэ-пилоты должны были таранить летающие крепости, авианосцы или другие крупные цели. «Люди-лодки» обучались направлять оснащенную торпеду по атакующему кораблю противника. «Люди-мины», облачаясь в водолазный костюм и будучи вооружены шестью, на конце которых укреплялись мощные заряды, готовились к встрече десантных судов противника. Таким же путем «люди-мины» обучались поражать танки наступающих. В сухопутной армии имелись «люди-пулеметы», «люди-снаряды» и т. д.

Возникновение отрядов камикадзэ в Японии, конечно, не было случайностью. Своим появлением они обязаны морально-этической системе бусидо. В основу подготовки была положена идея готовности умереть за Японию, за императора. В тех отрядах, где имелись возможности, непременным атрибутом камикадзэ был самурайский меч. Камикадзэ повязывали голову белыми повязками *хатимаки*, точно такими, которыми обвязывались перед боем самураи.

Японская военщина была уверена в том, что кодекс бусидо достаточно хорошо удобрил почву для внедрения в сознание японской молодежи идеи самопожертвования и что трудностей с поиском добровольцев не будет. Нужно сказать, что такая уверенность военных получила подтверждение на практике. Японские юноши слетались в отряды камикадзэ, как бабочки на огонь.

К. Симонов, посетивший Японию в 1946 г., провел несколько бесед с бывшими камикадзэ, стараясь понять мотивы поведения этих людей, в большинстве своем добровольно решившихся пожертвовать собой. Многие камикадзэ, установил К. Симонов, считали, что их поведение диктовалось не примирением с участью, а верой в идеалы, интересами служения государству [136, с. 224].

В письмах к родным и близким молодые люди, которых ожидала неминуемая смерть, с восторгом сообщали о своем намерении отдать жизнь за Японию, за императора. Так, мичман Тэруо Ямагути 20 лет писал родителям: «Не плачьте по мне. Хотя тело мое превратится в прах, мой дух вернется в родные края, и я навсегда останусь с вами, моими друзьями и соседями. Я молюсь за ваше счастье». Другой камикадзэ, мичман Итиро Хаяси 22 лет, в письме к родным, опираясь на буддийские догмы, утешал свою мать: «Дорогая мама, пожалуйста, не тоскуй по мне. Какое счастье погибнуть в бою! Мне посчастливилось получить возможность умереть за Японию... До свидания, дорогая. Проси Небо принять меня к себе. Я буду очень опечален, если Небо отвернется от меня. Молись за меня, мама!» [170, с. 204–205].

В целом в отрядах камикадзэ царил дух националистического угара. Молодые люди, одетые в униформу с самурайскими повязками на голове, не раздумывая, бросались на смерть. Тех, кто четко выполнял задание и наносил урон врагу, всячески прославляли, объявляли богами. О погибших обычно много говорили, распространяли их портреты, они становились примером, к которому устремляли свои взоры оставшиеся в живых.

Дух бусидо, театрализованная процедура хакакири оставили глубокий след в душе нации. Поведение камикадзэ для японца — это не что-то из ряда вон выходящее. Вряд ли можно думать, что дух камикадзэ уже на свалке истории. Реакционные силы еще не раз могут делать на камикадзэ свои последние ставки.

Глава III

ДЗЭН В ЖИЗНИ ЯПОНЦА

Обычно слово «дзэн» ассоциируется у нас с дзэн-буддизмом. Но к трем основным сектам дзэн-буддизма в Японии — Сото, Риндзай, Обаку принадлежит примерно 10% населения страны. Влияние же мировоззрения дзэн распространяется на значительную часть японцев.

В структуре дзэн нужно видеть и религиозную основу, и философию жизни, и социально-психологические наслонения, связанные с различными сторонами жизнедеятельности людей. В последнем случае следует говорить о доктрине дзэн как образе жизни японцев. Религиозные идеи иногда отступают на задний план, уступая место определенным стереотипам поведения и мышления.

Современная доктрина дзэн, пронизавшая многие стороны японской действительности, имеет лишь отдаленное сходство с классическим буддизмом. Само же содержание, сущность дзэн — порождение японской цивилизации. Идеи дзэн так глубоко вошли в привычки и чувства японского народа, что присутствие их не осознается, а принимается как само собой разумеющееся. В послевоенное время учение дзэн близко соприкоснулось с социологией, психиатрией, прикладной психологией.

1. О СУЩНОСТИ ДЗЭН

Японское слово *дзэн* восходит к санскритскому *дхьяна* (самоуглубление, медитация, сосредоточение), транскрибированному на китайский язык как *чань* и впоследствии принявшему свою форму *дзэн* в соответствии с фонетическими законами японского языка. Считается, что буддийское течение *чань* было основано в Китае двадцать восьмым патриархом Бодхидхармой, прибывшим в 520 г. в Кантон. В работах некоторых исследователей буддизма

опровергается связь этого течения в Китае с Бодхидхармой. В них утверждается, что этот патриарх жил не ранее IX в., когда чань в Китае уже пустил глубокие корни, включая в себя догматы буддизма и даосизма.

Японцы утверждают, что дзэн является подлинно японской разновидностью буддизма. И в этом нельзя с ними не согласиться. Несмотря на то что направление дзэн-буддизма было заимствовано, китайского, или классически буддийского, в нем осталось очень мало. Содержательная часть дзэн поистине японская.

Распространение дзэн-буддизма в Японии связано с деятельностью двух лиц — это Эйсай и Догэн. Первый начал свою религиозную деятельность в монастыре на склонах горной вершины Хиэй. Он дважды ездил в Китай для самосовершенствования и в 1191 г. вернулся оттуда с титулом «наставника дзэн», возглавив школу Риндзай. Данный титул укрепил его авторитет, и это позволило ему начать интенсивное внедрение дзэн среди различных слоев населения. Именно в этот период Эйсай вместе с ритуалами тренировки вводит в качестве неотъемлемого элемента дзэн процедуру чаепития. Доктрину школы Риндзай без колебаний принимают и верхи и низы. Эта доктрина входит как идейная опора в мировоззрение оформившегося к тому времени самурайского сословия.

Основой школы Риндзай является доктрина внезапного озарения — сатори. Чтобы достичь такового, наставники вводят систему различных стимулов, среди которых особое место занимают коаны.

Коан — китайское гунань — официальный документ в системе китайской бюрократии. В дзэн это слово стало обозначать специфические вопросы-загадки, которые ставил наставник своему ученику, например: «На кого ты был похож до своего рождения?». Считалось, что если ученик усиленно сосредоточится, искренне стараясь разгадать внутренний смысл вопроса, то он сумеет найти решение. Однако для этого ему необходимо отступить от формально-логического мышления и перейти к подсознательно-ассоциативному. Именно в процессе такого перехода, утверждали наставники школы Риндзай, может произойти озарение — внезапное постижение смысла бытия.

В самой процедуре, в достижении озарения, скрывалось какое-то неуловимое явление, которое не могли определить и сами наставники. При этом далеко не каж-

дый, кто искренне стремился к озарению, достигал его. Наставники дзэн не могли дать своим ученикам какой-то определенной методики, хотя с самого начала многие искали ее. Так было и с Догэном. Сначала он, как и Эйсай, осуществлял свое наставничество в монастыре у вершины Хиэй. После смерти Эйсая Догэн совершил поездку в Китай, где встретился с наставником Жу-Цзинь, который научил его новым приемам.

Система коанов была отвергнута. Догэн считал, что коаны, прямо ориентирующие на достижение озарения, ведут к культивированию эгоизма. Догэн — основатель школы Сото — предложил новую процедуру, которая получила название *дзадзэн*, т. е. практика дзэн в положении сидя. Он доказывал, что одно лишь спокойное сидение без каких-либо размышлений и специально поставленных целей, сидение, уводящее от всех мирских забот и моральных тревожений, постепенно подводит к достижению этого особого состояния, названного по-японски *сатори*. Это слово означает душевное спокойствие, равновесие, ощущение небытия, «внутреннее просветление».

В отличие от учения Эйсая, цель которого состояла в достижении озарения, Догэн свою доктрину связывал с образом жизни японца, его трудом, повседневными занятиями. В монастырях, где он внедрял свой метод, монахи включались в трудовой процесс, их жизнь была заполнена житейскими заботами, весь день тщательно планировался.

Процветание дзэн в Японии начинается с XIV — XV вв., когда его идеи стали пользоваться покровительством сёгунов. Сначала эти идеи накладывают печать на политику, потом постепенно охватывают всю японскую действительность. На основе дзэн культивируется чайная церемония, складывается методика аранжировки цветов, формируется садово-парковое искусство. Дзэн дает толчок особым направлениям в живописи, поэзии, драматургии, способствует разработке таких видов боевых искусств, как каратэ, кэндо, дзюдо, стрельба из лука. Имеется немало причин всеохватывающего влияния дзэн в Японии средних веков.

Это была пора феодальных войн. Центральная власть нуждалась тогда в идеологии и практической системе самодисциплины. Именно таковой оказалась доктрина дзэн с ее целенаправленными ритуалами и тренировочными упражнениями. И вот с XIV — XV вв. начинается социально-

культурная биография дзэн-буддизма как системы японского образа жизни. К наставникам дзэн стали обращаться профессиональные военные, государственные чиновники, купцы, борцы, художники, поэты, певцы и т. д. Эти люди стремились постичь мистические силы дзэн, способные, как им казалось, раскрыть перед ними тайны бытия и помочь в практической деятельности. Они не спрашивали, что такое дзэн. Всем было ясно главное: дзэн – это смысл жизни.

Приверженцы дзэн утверждают, что сущность дзэн можно только почувствовать, ощутить, пережить, ее нельзя познать разумом. И действительно, анализ японских литературных источников мало что дает в этом плане. С точки зрения рационально-логического подхода и сами приверженцы дзэн не могли дать точного разъяснения по поводу его сущности. Мастера кэндо, владеющие на основе дзэн искусством фехтования, самозабвенно демонстрируя свое мастерство, не могут объяснить, как они достигают этого совершенства. Однако сама реальность, известные шедевры, созданные великими мастерами Японии с опорой на идеи дзэн, показали, что главное – в той побудительной силе, которая мобилизует и концентрирует человеческую энергию на каком-то орудии деятельности – клинке, скрепке, молотке, кисти и т. д.

2. ДЗЭН КАК ПРЕДМЕТ ПСИХОЛОГИЧЕСКИХ ИССЛЕДОВАНИЙ

На пятом международном конгрессе психологов в Риме в 1905 г. профессор Токийского университета Юдзиро Мотора сделал доклад на тему «Идея „эго" в восточной философии». В этом докладе Мотора, в частности, остановился на специфических проявлениях психики при погружении в состояние сосредоточения. Позднее, в 1920 г., профессор Сидзэ Иритани подробно исследовал влияние дзэн на организм человека. На протяжении двух десятилетий (30–40-е годы) в Японии велись экспериментальные исследования, целью которых было вскрыть механизмы и закономерности протекания психофизиологических процессов в организме под влиянием специфических тренировочных упражнений дзэн. Психологическая сущность дзэн была раскрыта в работах Дайсэцу Судзуки 1937 и

1941 г., в которых рассматриваются такие явления, как «озарение», «просвещение».

В 1943 г. буддийский монах-психолог Кадзэ Самамото издал книгу «Мое „я"», где, используя материалы наблюдений за поведением буддистов из сект Дзёдо, Дзэн и Сингон, изложил свое понимание состояния *самадхи*. Примерно в это же время профессор химии Киотоского университета Масими Сикасига написал фундаментальную работу об основах дзэн-тренировки, где впервые сделал попытку научного объяснения методики *дзадзэн* (медитация сидя). Сикасига обратил внимание на воздействие позы, дыхания и концентрации внимания на организм в процессе медитации и предложил систему оценки физиологических сдвигов в организме.

Эффект *дзадзэн* был использован в Японии в психотерапевтических целях. В этом направлении работали профессор Сома Морига (1874 – 1938) и его ученики из медицинской школы в Дзикэйкай. Впоследствии их идеи были развиты в медицинской школе Токийского университета. Заметный вклад в эту и ряд смежных проблем научного анализа дзэн внес японский психолог Кодзи Сато [214, 215].

В 1951 г. К. Сато выпустил книгу «Психология личности», в которой изложил свои взгляды на формирование личностных качеств по методике дзэн. В основанном им журнале «Психология» он в 50-х годах опубликовал ряд статей, послуживших научной базой для развертывания междисциплинарных исследований по вопросам воспитания. К исследованиям были привлечены психологи, психиатры, физиологи. На основе проведенных исследований К. Сато опубликовал четыре свои главные работы, где раскрыл психологические основы дзэн и дзэн-тренировки: «Психологический взгляд на дзэн» (1961), «Побуждение к дзэн» (1964), «Жизнь дзэн» (1966), «Приглашение к дзэн» (1967). Кроме общепсихологических вопросов в этих работах К. Сато попытался предсказать судьбу дзэн и не без основания заявил о том, что распространение дзэн в условиях современности будет возрастать. В данном случае он опирался на все возрастающий интерес к дзэн со стороны европейской и американской общественности, а также на высказывания ряда известных в капиталистическом мире ученых, прежде всего Карла Юнга, Карен Хорни, Эриха Фромма.

К. Юнг проявлял интерес к дзэн в связи с исследованием психологии восточных народов. Изучив особенности проявления дзэн в поведении японцев, К. Юнг попытался понять, в чем состоят трудности взаимопонимания между Востоком и Западом [191]. К. Хорни и Э. Фромм заинтересовались психологией дзэн после бесед с Д. Судзуки, который ознакомил их со своими работами и продемонстрировал процедуру дзэн-тренировки. В соавторстве с Судзуки Э. Фромм опубликовал книгу «Дзэн-буддизм и психоанализ».

В 50-х годах в Японию совершили поездки видные философы и психологи США и других стран, которые знакомились с различными аспектами дзэн в жизни японцев. В результате этого появилось множество публикаций по различным проблемам дзэн в научных и научно-популярных журналах США, Англии, Франции, Дании. На международном конгрессе прикладной психологии в Копенгагене (1961) в одном из докладов сообщалось, что состояние медитации имеет сходство с переживанием, которое возникает у человека под влиянием наркотика ЛСД.

В ряде стран, и прежде всего в США, начались специальные исследования. Наиболее заметными работами 60-х годов стали исследования Эдварда Мопина «Дзэн-буддизм: психологическое обозрение» (1962), «Индивидуальные различия и медитация дзэн» (1965). Интерес к дзэн возрастал. Японские психологи выступали с научными докладами в различных странах мира. К началу работы XVIII съезда психологов, который проходил в 1966 г. в Москве, научная общественность многих стран уже имела представление о дзэн. Большую активность здесь проявил К. Сато.

Во время своего турне по странам Европы и Азии К. Сато пропагандировал дзэн как наиболее эффективную методику самосовершенствования личности. К. Сато в своих лекциях уделял внимание главным образом психологическому содержанию дзэн. Советская научная общественность познакомилась с основами дзэн на лекциях К. Сато во время его визитов в Советский Союз в 1962 и 1966 гг. На XIX съезде психологов, который проходил в 1969 г. в Лондоне, К. Сато представил дзэн как законченную систему воспитания, впитавшую в себя все значительные педагогические доктрины Востока.

3. ОСНОВЫ ДЗЭН-ТРЕНИРОВКИ

Обучение дзэн представляет собой в сущности обучение определенному образу жизни. В дидактическом плане оно выглядит как система физических и духовных упражнений. Первые имеют целью преобразовать в нужном направлении тело (овладение позой и навыками дыхания), вторые направлены на совершенствование духа (обращение к своему внутреннему миру с целью обретения моральной чистоты и познания бытия). Обучение складывается из специфических упражнений и целенаправленного жизненного поведения.

Искусством дзэн овладевают разные люди: одни хотят избавиться от какого-нибудь психического недуга, другие для воспитания в себе тех или иных качеств, третьи — для постижения сущности бытия. Обучение не имеет временных границ. Оно становится целью и средством жизни человека. В этом плане искусство дзэн сливается с философией существования. В зависимости от мировоззрения обучаемого дзэн приобретает черты мистицизма, либо житейские черты практицизма, либо становится своеобразным синтезом этих черт.

Как указывалось в предыдущем разделе, две основные школы дзэн в Японии — Риндзай и Сото. Между ними существует значительное отличие в методике тренировки: школа Риндзай применяет методику коанов, школа Сото считает главным в обучении *дзадзэн*.

Дзадзэн — это сидение в медитации, т. е. в самососредоточении. Методика сидения в различных ее вариациях распространена по всему Востоку. По традиционной буддийской иконографии Будда сидит на корточках, созерцающая. Так же должны поступать и его последователи. В процессе *дзадзэн* человек принимает определенную позу, устанавливает дыхание. Подобная процедура характерна для индийской йоги и различных юго-восточных школ медитации.

Дзадзэн складывается из процедур по отработке навыков принятия позы, установления дыхания и самососредоточения. Успех тренировки зависит от места ее проведения. В таком месте не должно быть ни слишком шумно, ни слишком жарко, ни слишком холодно, ни слишком светло, ни слишком темно. Для обучаемого рекомендуется умеренная диета: перед тренировкой не следует переесть,

но и не нужно быть голодным. Поскольку процедура связана с длительным сидением, то непременным атрибутом *дзадзэн* являются специальные подушки.

Обучаемый обычно усаживается на пол и обращается лицом к стене. Под колени он подкладывает специальную подушку или в несколько раз свернутое одеяло. На другую подушку, обычно меньшую по размеру, но более толстую, он садится. Все это делается для того, чтобы при длительном сидении не нарушилось кровообращение. Как правило, используются две основные позы — *кэкафудза* (полный лотос) и *ханкафудза* (полулотос). Известны также бирманская и японская позы. Обращается внимание на то, чтобы не изгибался позвоночник. Для этого нужно слегка выпятить грудь, что вызовет выдвигание вперед нижней части живота. Это делается для того, чтобы сконцентрировать основной вес тела в его нижней части. При этом плечи должны быть опущены, шея расслаблена, руки положены на колени, большие пальцы слегка касаться друг друга; глаза могут быть закрыты или слегка прикрыты. При соблюдении всех этих условий увеличивается напряжение в брюшной полости, что оказывает влияние на дыхание.

Обучение дыханию в системе дзэн-тренировки приравнивается к искусству. Обычное правило гласит: дыши свободно, медленно, глубоко. Мастера дзэн делают по пять, четыре или даже три вдоха и выдоха в минуту. (Обычно мы делаем по пятнадцать-семнадцать.) Мастер дзэн дышит так тихо, что терапевт не может зафиксировать факт дыхания новейшими приборами. Подставленный в таких случаях к носу пичий пух остается абсолютно спокойным. Известные мастера дзэн не проявляют беспокойства даже тогда, когда им на некоторое время полностью закрывают рот и нос. Они уверяют, что дышат через кожу.

Применяются различные методы обучения дыханию. Новички начинают с того, что считают вдохи и выдохи. Знатoki предлагают три процедуры: 1) считать вдохи и выдохи. Когда вдыхают, то на входе произносят «раз», когда выдыхают — «два», и так до десяти. Затем все повторяется. На начальной стадии обучения счет ведут шепотом, потом считают про себя; 2) считать только выдохи, вдохи пропускать. Насчитывают десять выдохов и начинают вести счет сначала; 3) считать только вдохи, выдохи пропускать. Счет ведут также до десяти.

На первой стадии обучения начинают с подсчетов вдохов и выдохов, потому что процедура подсчета выдохов, а тем более только вдохов считается более трудной. При дыхании следят за тем, чтобы в работе участвовала диафрагма, для этого при вдохе следует расслаблять мышцы нижней части тела. Выдыхать воздух нужно медленно. Считается нормальным слегка задерживать дыхание на полном вдохе и полном выдохе. Это помогает избавляться от побочных блуждающих мыслей, мешающих самососредоточению.

Во всех случаях при отработке навыков дыхания наставники дзэн рекомендуют обращать особое внимание на работу мышц нижней части живота. В древних восточных системах самотренировки, в частности в йоге, эта часть тела считается центром координации тела и духа. Во всяком случае, если напрячь названные мышцы, то останавливается дыхание, а это ведет к концентрации внимания на избранном предмете деятельности или даже какой-то точке. Это явление учитывается при подготовке актеров театра Но, в процессе обучения военно-спортивным искусствам и даже при составлении букетов. Кацуки Сэкида вслед за классиками дзэн в своей книге «Дзэн-тренировка» утверждает, что «духовная сила человека исходит именно из нижней части живота, как бы смешно это ни звучало. Подобный факт, — подчеркивает он, — подтвержден многолетней практикой дзэн-тренировки» [216, с. 49].

Конечно, духовная сила не может концентрироваться в каком-то участке тела, однако надо учитывать, что под термином «духовная сила» в понимании наставников дзэн подразумевается способность к самососредоточению, наблюдательности, бдительности. При напряжении мышц живота происходит сдвиг в нервной системе, ведущий в какой-то степени к выключению рационального сознания. Путем использования искусных приемов, которые практикуются на сеансах дзэн-тренировок, человек может добиться способности воссоединять свое сознание с его подсознательной основой. Однако о духовной силе как о системе идейно-нравственных качеств личности здесь, конечно, не может быть и речи.

Другой традиционной методикой дзэн-тренировки является решение специфических задач-головоломок — коанов. Решение коана это нечто вроде преодоления барьера

мысли, через которое человек переходит к другому типу мышления, дающему возможность познавать тайны бытия и открывать новые аспекты явлений. Чтобы решить коан, надо отвлечься от обычного подхода, сосредоточиться и всматриваться внутрь проблем, не думая о них. Согласно некоторым данным, зарегистрировано 1700 коанов [216, с. 50]. Классическими являются следующие коаны:

1) «Человек держал в бутылки гуся. Гусь вырос и уже не мог выйти оттуда через горлышко. Нужно, не разбивая бутылки, освободить гуся. Как это сделать?»

При усиленном сосредоточении мысли на проблеме должно наступить озарение, и тогда решение приходит само собою. Обучаемый вдруг осознает, что гусь — это *это*, а бутылка — это мир, который он создал вокруг себя. Принимая бутылку за окружающий мир, обучаемый освобождает из нее гуся.

2) Задается вопрос: «Как выйти из круга рождения и смерти?»

Обучаемый, сосредоточиваясь на вопросе, уходит в глубокую медитацию. Решение оказывается возможным, если он применит контрвопрос: «Кто поместил меня в этот круг?»

3) Наставник может спросить: «Вам прислали зеркало. Вы держите его в руках. Чье зеркало, ваше или того человека, кто прислал его?»

Если обучаемый скажет, что зеркало его, как же тогда зеркало могли прислать ему? Если он скажет, что зеркало того, кто его прислал, то почему же оно у него в руках? Сосредоточившись на сущности проблемы и добившись озарения, обучаемый теряет границы своего «я» и тогда решение приходит само собою.

Коан рассматривается классиками дзэн в качестве духовного динамита, взрывающего подсознание. Подведение к такому эффекту осуществляет наставник. Чтобы освоить дзэн, надо найти себе наставника, который бы согласился стать учителем. Согласие дается не сразу, кандидат в ученики проходит испытание временем. Он доказывает свою веру в учителя, воспитывает в себе терпение, способность к безоговорочному повиновению. Когда учитель убеждается в искренности претендента, он испытывает его на коанах.

Ученику предлагают один из коанов. Ученик сосредоточивается на нем в процессе медитации. В установленное

время он идет к наставнику и отчитывается о своем понимании внутренней сущности коана. При этом ученик должен привлечь одну из древнекитайских пословиц, поговорок или отрывков из буддийской классики — *дзякуго*. Каждый коан имеет, как правило, закрепленный за ним *дзякуго*. Если ученик справляется с первым коаном, ему дают новый. Так продолжается годами. Наставник следит за правильным ходом решения коанов. Никакого отступления не допускается. Каждый коан примыкает к какому-то догмату дзэн-буддизма. Решая коаны один за другим, ученик осваивает определенную систему коанов и в сущности познает всю доктрину дзэн. Наставник побуждает его преодолевать барьеры мысли. Вера в учителя делает свое дело: решая коан, ученик как бы впитывает в себя мудрость учителя.

Это хорошо видно на известном примере решения коана, в котором говорится о звучании хлопка ладони одной руки.

Наставник монастыря Кеннин Мокураи по утрам и вечерам принимал учеников, которые отчитывались перед ним в решении коанов. Живший с Мокураи двенадцатилетний кандидат в ученики Тойо внимательно наблюдал за поведением своих старших братьев и прислушивался к их беседам с учителем. Тойо тоже хотел приступить к интенсивным тренировкам. «Подожди немного, — говорил Мокураи, — тебе еще надо подрасти. Твое время впереди».

Однако Тойо был настойчив, и учитель согласился.

В назначенный час вечером Тойо переступил порог зала *дзадзэн*, известил учителя о своем присутствии ударом в гонг, три раза поклонился и сел, застыв в почтительной позе.

«Вот ты слышишь, как я хлопаю двумя ладонями, — сказал Мокураи. — Как будет звучать хлопок ладонью одной руки?»

Тойо поклонился и удалился в свою комнату, чтобы обдумать ответ. Через окно он услышал, как поют гейши. «Вот то, что мне нужно», — подумал Тойо. На следующий день вечером, когда учитель спросил его, как же звучит хлопок ладонью одной руки, Тойо пропел ему песню гейш. «Нет, нет, — сказал учитель. — Это совсем не то. Ты не уловил пока этого звука».

Тойо удалился в тихий уголок храма и сосредоточился. «Как же будет звучать хлопок ладонью одной

руки?» Здесь он услышал шум журчащей воды. «Вот этот звук!» — обрадовался Тойо. Вечером он продемонстрировал этот звук учителю. «Что это? — спросил учитель. — Это же шум воды, а не хлопок ладонью одной руки. Старайся».

На следующий день Тойо услышал шум ветра. Его идея была снова отвергнута. Затем он услышал крик совы, и это было не то. Так Тойо приходил к учителю десять раз, и тот все время посылал его думать снова. После этого Тойо в течение целого года усиленно отыскивал решение коана.

Наконец Тойо добился озарения: в его сознании четко всплыли все звуки, тем не менее ни один из них он не мог принять за хлопок ладонью одной руки. Осознав этот факт, Тойо воскликнул: «Да это же звучание тишины!»

Так Тойо познал хлопок ладонью одной руки.

Предполагается, что в момент решения подобного и любого другого коана в сознании человека формируются специфические импульсы, вспышки психической энергии, прилива сверхчувствительности, «окна» просветления. Японцы называют такое состояние *сатори*.

Китайский иероглиф, обозначающий *сатори*, состоит из двух частей: «разум» и «я — сам». В процессе переживания *сатори* человек чувствует, что его Я («самость») куда-то исчезает, растворяется и вместо него появляется ощущение слияния с миром. Японцы называют это ощущение *муи* («недеяние», «несотворенное бытие»). На самом деле в этом состоянии человек не замирает, не уходит от мира, он продолжает действовать, однако его деятельность оказывается включенной в общий поток конкретной ситуации. Такое состояние сродни вдохновению, оно знакомо художнику, когда он собирается сделать первый мазок, воину, когда он пытается предвосхитить движение противника, лучнику, когда он готовится поразить цель, и т. д.

Итак, *сатори* — это не исчезновение, а пробуждение в человеке истинного Я. Состояние *сатори* достигается путем психологического тренинга и через посредство культурной практики. Состояние, сходное с *сатори*, но по некоторым аспектам отличающееся от него, японцы называют *кэнсо*. Нередко в Японии эти два термина (*сатори* и *кэнсо*) употребляются взаимозаменяемо. Знатоки дзэн находят между ними различия.

К. Сато считает, что с психологической точки зрения между явлениями, которые обозначают слова *кэнсо* и *сатори*, есть определенная разница, хотя и не всегда уловимая. *Кэнсо*, по мнению К. Сато, обозначает ощущение озарения, а *сатори* – осознание этого озарения [215]. Вот как описывает это состояние один из обучающихся по практикуемому сейчас в Японии ускоренным курсам дзэн-тренировки.

«Это было состояние безмятежного спокойствия, состояние чистоты и легкости. Я упивался этим состоянием. Меня всего захватило какое-то удивительно нежное чувство. Оно не походило на известную мне дикую радость, а скорее воспринималось как безграничное счастье. Слезы ручьем текли из моих глаз. Я не мог и не хотел их сдерживать. Слезы были теплыми, они горячили мое лицо. Я пытался осушить лицо носовым платком, но слезы продолжали обильно омывать его. Я никогда не проливал столько слез. Удивлению моему не было предела. Однако я еще больше удивился другому. Звуки улицы, которые прежде раздражали меня, когда я, сидя у стены в храме, тщетно пытался вызвать у себя это новое состояние, теперь как-то приглушились. Звуки доходили до меня, они были ясными, разборчивыми, но я не досадовал на них. Неприятные голоса, которых я раньше не хотел слышать, теперь воспринимались мною с умилением. Чувство всепрощения, симпатии ко всему миру захватило меня. Такого со мною никогда не было» [214, с. 188].

Как показывает анализ дзэн-буддийских источников, достижение *сатори* является единственной целью дзэн-тренировки. Буддизм не мог преследовать чего-либо иного, кроме «слияния» верующего с Буддой, «превращения» его в Будду. Согласно махаянистским трактатам существует только Единая Мысль (*итинэн*). «Эта Мысль без конца и без начала, она вечная, ее нельзя уничтожить. Она не имеет ни цвета, ни формы. Она не вещь, которая может существовать и не существовать, о ней невозможно думать как о чем-то новом или старом. Она не может иметь протяжения в пространстве, она находится вне сравнения. Этой Мысли нельзя дать какое-то название, ее ничем нельзя измерить. Как только вы начинаете это делать, вы неизбежно впадаете в ошибку... Эта мысль есть Будда...» [232, с. 12]. Как трактуют махаянистские каноны, чтобы познать смысл бытия, надо «растворить» свое Я в окружа-

ющем мире. Но это можно сделать только путем достижения *сатори*.

Описание этого состояния сильно отдает мистицизмом, хотя ничего мистического в этом нет: изнурительные тренировочные упражнения, нередко длящиеся по несколько лет, приводят психику человека в такое состояние, когда он перестает ощущать свое Я и как бы сливается с окружающей обстановкой. Наблюдения за поведением различных категорий японцев, а также беседы с теми, кто уже не один год практикует дзэн-тренировки, показывает, что большинство считает практически маловероятным достижение *сатори*. Более того, многие даже боятся этого состояния, считая его уделом сверхчувствительных натур, а также фанатиков, способных годами практиковать *дзадзэн* или решать *коаны*. Многим японцам импонирует достижение состояния, которое обозначается термином *самадхи*.

Состояние *самадхи*, по мнению известного мастера дзэн Кацуки Сэкида, сродни тому, которое переживает человек, будучи захвачен зрелищем, например футбольной игрой, выживанием попавшейся на крючок рыбины, разглядыванием заинтересовавшей его картины, созерцанием природы и т. д. [216, с. 91–97]. В состоянии *самадхи* сознание как бы отключается, и человек внутренне сливается с объектом его внимания. Такое состояние искусственно достигается в условиях *дзадзэн*. Когда обучаемый, пишет Сэкида, начинает подсчитывать вдохи и выдохи или ломать голову над коаном, он искусственно втягивает себя в процесс, при котором обычное течение мысли стопорится. Это связано с тем, что все существо концентрируется на каком-то одном объекте, действии и т. д.

Такого состояния добиваются владеющие искусством самозащиты каратэ, когда оказываются лицом к лицу с противником, художники, когда берут кисть и собираются сделать первый мазок, артисты театра Но, когда готовятся к первому ритуальному движению. В состоянии *самадхи* в Японии пишутся стихи, аранжируются букеты и даже заваривается чай. Чтобы понять, как достигается *самадхи*, надо проследовать в буддийские храмы, где практикуются соответствующие тренировки.

Во многих буддийских храмах, одну неделю зимой и одну неделю летом, проводятся специальные сессии медитации. К ним допускаются монахи, а также все желающие, давшие обет подчиняться установленным предписа-

ниям. Цель сессий — достижение *самадхи*. Обучаемым подбирается тихое, спокойное помещение для жилья и назначается штат монахов [184, с. 87 — 94].

Обычный тренировочный день начинается в пять утра. После умывания обучаемые собираются на первую медитацию (*дзётэндза*). В шесть часов завтрак, затем чтение сутр. После чтения прием пищи, потом уборка помещений, работа в саду. Домашняя работа считается частью дзэн-тренировки, она обычно продолжается до полудня. После обеда час личного времени, однако покидать территорию храма запрещается. С часу до трех дня продолжается полуденная медитация (*хирудза*), которая сопровождается чтением сутр с комментариями главного монаха. Тексты подбираются таким образом, чтобы углубить медитацию.

После такой довольно изнуряющей тренировки обучаемым полагается короткий отдых (15 — 20 минут), затем их инструктируют о том, как принимать позу во время следующей медитации, продолжающейся до пяти часов. По окончании — ужин. Во время принятия пищи монахи читают и комментируют буддийские сутры. Как ужин, так и следующая за ним процедура уборки и мытья посуды осуществляются в состоянии медитации: обучаемые продельвают рабочие движения, находясь в самососредоточении. С шести до десяти вечера последний сеанс медитации (*ёрудза*), по окончании — отход ко сну.

Такой режим продолжается всю неделю; ни монахи, ни обучаемые другими делами не занимаются, они целиком отдаются сессиям. Все обучаемые тренируются в одной группе, разделений по положению и полу не проводится. В храмах секты Сого практикуется *дзадзэн*, в храмах секты Риндзай главное внимание уделяется *коанам*.

Обучаемые усаживаются в *дзадзэн* лицом к стене, слева пристраивается мастер *дзэн*. В глубококом молчании группу обходит специально назначенный монах. В руках он торжественно держит дубинку (*кёсаку*). Если он замечает, что кто-то занимает неправильную позу, он слегка ударяет его дубинкой по правому плечу и учтиво кланяется. Виновник складывает руки как на молитве и исправляет позу. Когда кого-либо одолевают посторонние мысли или кто-то чувствует, что засыпает, он поднимает выше одно плечо, готовясь получить освежающий удар. Спать не разрешается.

В ряде случаев кроме *дзадзэн* применяется *кинхин*, т. е. медитации во время прогулок по залу. При передвижении руки держат сложенными у груди и делают ритуальные шаги: ступня одной ноги передвигается на полступни вперед, при этом делается вдох, вторая нога повторяет то же самое, при этом производится выдох, и так далее. *Кинхин* облегчает обучение, поскольку обеспечивает физический отдых от сидения и дает разрядку самосредоточению. Сама процедура *кинхин*, как другие ритуальные движения, удлиняет сеансы медитации, что способствует достижению *самадхи*.

Итак, обучаемые собираются вместе, для них создается размеренный ритм жизни, они усиленно практикуют сеансы расслабления, им читают специально подобранные по звучанию сутры, к ним приставляют признанных авторитетов и т. д. Так создается особая психологическая обстановка. В процессе интенсивной медитации происходит ценное для человеческого организма любой культуры единение физических и духовных сил. Профессор Токийского университета К. Сакума в своих работах по исследованию дзэн-медитации утверждает, что эта процедура очень полезна каждому. Буддийская философия объясняет полученный от медитации эффект в мистических терминах. Японский профессор Хираи полагает, что здесь ничего мистического нет. Медитация вызывает реальные психологические сдвиги, которыми, считает он, надо научиться управлять [184].

Японцы, на протяжении столетий развивая упражнения по медитации, стихийно отобрели все ценное, закрепив его в различных сферах жизнедеятельности. Можно перечислить следующие стороны положительного эффекта этих упражнений:

1) повышение жизненного тонуса, способствующее избавлению от хронических недугов; 2) стабилизация нервных процессов и излечение неврозов; 3) перестройка темперамента. (Как известно, темперамент западная психология относит к наиболее стабильным структурам личности, подверженным лишь незначительным изменениям в процессе воспитания. Советский психолог К. К. Платонов считает, что темперамент выступает как основа «биологически обусловленной» подструктуры личности, которая зависит от «физиологических и даже морфологических особенностей» нервной системы

[118, с. 128]. Советская психология в целом сдержанно относится к возможным изменениям основных свойств темперамента [111, с. 405]. Восточная психология, а тем более издревле сложившиеся на Востоке системы воспитания главную задачу видят в совершенствовании и переделке темперамента. Под влиянием позы и отработки навыков дыхания в некоторых случаях происходит полная перестройка темперамента.); 4) формирование воли; 5) обеспечение высокой производительности труда, предотвращение и ликвидация конфликтов в группах; 6) повышение интеллектуальных возможностей. Имеется много фактов, свидетельствующих о том, что *дзадзен* способствует воспитанию творческих способностей, улучшению памяти, выработке навыков решения проблемных задач.

В результате длительной дзэн-медитации стабилизируются все личностные факторы, и при этом увеличивается сопротивляемость организма болезням.

4. ВОЕННО-СПОРТИВНОЕ ИСКУССТВО ЯПОНИИ

Боевое и военно-спортивное искусство Японии само-бытно и в своей основе уникально. Оно сложилось на базе истинно национальных систем ведения борьбы, вместе с тем с течением времени испытало различные влияния, которые пришли из Китая, Кореи, Индии.

В литературных источниках, относящихся к VII в. до н. э., упоминается о китайском искусстве ведения боя ногами и невооруженными руками. В более поздних документах (III в.) рассказывается об увлечении искусством стрельбы из лука и некоторыми видами борьбы, в основном практикуемыми при соревнованиях. Выступления мастеров таких видов боевого искусства демонстрировались на торжественных ритуалах и празднествах. Имеются сведения о существовании в старом Китае некоторых секретных видов борьбы руками и ногами без применения оружия. В «Кодзики» (VII в.) упоминается о таком секретном искусстве ведения боя. В Корее к этому времени уже имелось до восемнадцати разновидностей искусства самозащиты и нападения.

Своего совершенства такие виды борьбы достигли в Китае в VI в. Этот факт связывается с именем первого патриарха буддизма в Китае Бодхидхармы, который сам

владел многими секретами борьбы и обучал этому искусству своих последователей. Бодхидхарма считал, что новая религия, т. е. буддизм, которую он усиленно проповедовал в Китае, должна иметь сильных и ловких адептов, поэтому он призывал своих последователей закалять не только дух, но и тело. «Дух и тело, — учил он, — должны быть неразделимы». Бодхидхарма был йогом, в связи с этим к искусству борьбы он подходил прежде всего с мерками йоги.

Согласно постулатам йоги боец должен сознательно оценивать все свои движения: чтобы совершить какое-либо движение, ему необходимо учесть намерения противника, избрать наиболее рациональную в данных обстоятельствах позицию и предпринять соответствующее действие. Рациональная йога требовала от бойца в первую очередь мысли. В условиях китайской и японской культуры рациональность слилась с интуицией и прагматизмом. В результате возникла формула: разум — интуиция — реальность. В приложении к боевому искусству это выглядело в виде доктрины: концентрация внимания на противнике, слияние своего Я с личностью противника и инстинктивная реакция на все его действия.

В Китае названная доктрина вызвала к жизни такой вид борьбы, как кэмпо, а в Японии — кэндо, айкидо, каратэ и др. Все они пропитаны идеями дзэн-буддизма. В соответствии с учением дзэн-буддизма были целиком перестроены и многие древнейшие виды боевого искусства Японии, в частности кюдо.

Кюдо (стрельба из лука). Стрельба из лука оказалась первым видом военно-спортивного искусства, испытавшим на себе влияние дзэн-буддизма. Стрельба из лука в Японии относится к искусствам *до* (Путь). Это не просто техника поражения цели, а Путь, жизнь, образ мыслей и т. д. Для некоторых японцев — это путь к достижению просветления. Занятие стрельбой из лука издавна относили к сфере важнейших видов деятельности, ибо считалось, что усвоить ритуалы стрельбы из лука — значит научиться правильному образу жизни.

Японский ритуал стрельбы из лука имеет древнюю историю. Китайские источники более чем двухтысячелетней давности подробно упоминают об этом. Многие из самых старинных манипуляций при стрельбе и сегодня отрабатываются без каких-либо отступлений.

На Западе лук натягивают до тех пор, пока тетива не коснется лица. В Японии тетива протягивается за ухо. На Западе локоть работающей руки ставится под углом к линии плеч, что в Японии считается крайне неудобным и эстетически неприемлемым. Здесь обе руки стрелка должны быть прямым продолжением плеч. Такая поза обеспечивает расслабление грудной мускулатуры, а разведенные плечи облегчают дыхание. Все это необходимо для достижения *самадхи*. Для этой цели обучаются также более длительным и сложным процедурам манипулирования луком.

Известны две основные школы кюдо – Огасавара и Хики, которые имеют и разновидности. Эти школы уходят своими корнями во времена монгольского нашествия. Именно в тот период в основу стрельбы были положены принципы дзэн-буддизма. Тогда же была создана первая тренировочная школа. Процедура тренировки строилась таким образом, чтобы воспитать духовную сторону личности воина. Все современные методики не претерпели существенных изменений.

Чтобы дать представление об основах кюдо, возьмем к примеру процедуру по изготовке к стрельбе и пуску стрелы. Ее назначение «слить воедино тело, лук, стрелу и цель». Как же добиться этого?

Взять лук со стрелой в левую руку. Повернуться лицом к цели. Сконцентрировать на ней внимание, оценить расстояние, высоту, дуновение ветра, почувствовать свой центр тяжести. Отрешиться от всех внешних звуков, отбросить все побочные мысли. Выдвинуть левую ногу по направлению к цели и прочно поставить ее на землю. Затем, слегка приподняв ступню правой ноги, поднести ее к ступне левой ноги, а затем отставить назад. При этом надо обеспечить такое положение, чтобы цель и ноги оказались на одной линии, а расстояние между ступнями равнялось натяжению лука, т. е. было равно примерно длине стрелы. Опустить правую руку и глубоко вдохнуть. На выдохе мысленно посылать жизненную силу в желудок, низ живота, пальцы ног. Зафиксировать взгляд на том месте тетивы, где она соприкасается со стрелой, медленно провести взглядом вверх-вниз по изгибу лука. Поднять правую руку, взяться за конец стрелы, слегка коснуться луком колена правой ноги.

Как только обе руки начнут действовать (левая рука

держит лук, а правая прижимает стрелу к тетиве), необходимо мысленно соприкоснуться с целью. Выдохнуть. С начала вдоха начинать поднятие лука, ставя руки на нужную высоту. Слегка податься вперед. На полном вдохе задержать дыхание. С медленным выдохом натягивать тетиву лука. Выполнив натяжение, зафиксировать положение и спроецировать себя на цель. Вообразить, что не стрела, а вы сами устремляетесь на нее. С последней порцией выдыхаемого воздуха спустить стрелу и мысленно продолжить свой полет с нею к цели.

Мастерство в стрельбе достигается длительной и упорной отработкой многих сотен приемов. Вместе с освоением этих приемов человек выковывает в себе качества, необходимые для исполнения таких видов деятельности, где требуется точность, усидчивость, пунктуальность. Длительное занятие стрельбой из лука ведет к формированию специфических качеств личности японца.

Кэндо (фехтование). Кэндо и Япония неразделимы. Многие знатоки японского образа жизни ассоциируют кэндо с чем-то истинно японским.

Кэндо ведет свое начало из глубокой древности, однако оно было поднято до вершин искусства в Японии лишь на рубеже XVII в. бродячим самураем Миямото Муссахи (1584–1645). Согласно легендам, уже в возрасте 13 лет он сразил на турнире одного из искуснейших фехтовальщиков того времени, убийцу своего отца, и тем положил начало различным школам фехтования. Духовной основой своей системы Муссахи избрал дзэн-буддизм, в связи с чем усиленно предавался медитации. Говорят, что вся жизнь его была сплошной медитацией, нацеленной на отработку предельно точных и четких росчерков лезвием самурайского меча, на воспитание в себе способности с быстротою молнии реагировать на любое движение противника. В связи с этим Муссахи писал: «Когда я стою с мечом в руках против своего противника, я забываю обо всем, даже о противнике. Все мое существо смыкается с окружающим миром» [176, с. 88].

В современных условиях мало что осталось от времен Муссахи, кэндо уже давно не имеет значения как боевое искусство. Это что-то вроде ритуальной системы воспитания волевых качеств и характера. Кэндо — это прежде всего путь самосовершенствования.

Экипировка современного фехтовальщика кэндо состо-

иг из юбки-штанов, нагрудника, шлема, перчаток и бамбукового меча (палки).

Фехтовальщик кэндо держит меч за рукоятку двумя руками. Основная позиция: изготовка к удару мечом, поднятым над головой. Удары наносятся по голове противника, его плечам и бокам. В этом плане существуют ограничения, связанные с тем, чтобы соблюсти меры безопасности. В некоторых школах удары разрешается наносить только по определенным местам, например по правой стороне тела. Правилами обычно запрещаются тычки. По свидетельству знатоков в современном кэндо насчитывается до четырех тысяч правил. Все движения регламентированы до мельчайших деталей.

Как и другие виды военно-спортивного искусства Японии, кэндо изобилует различного рода дыхательными упражнениями, ритуальными действиями и приемами, взятыми из арсенала дзэн. Длительная и настойчивая тренировка приводит к специфическим сдвигам в личности, формирует своеобразный психологический облик.

Айкидо (самозащита). Айкидо представляет собой один из видов боевого искусства, которое преимущественно используется для самозащиты. Оно возникло в результате синтезирования приемов различных школ самозащиты и фехтования. Многие из вошедших в айкидо приемов долгое время относились в Японии к разряду секретных. Лишь в 1957 г., когда на японском языке была опубликована одна из первых книг на эту тему, система айкидо стала широко известна в Японии и за ее пределами.

Внешне айкидо походит на борьбу, однако это не борьба, как мы понимаем ее. Айкидо не имеет в своем арсенале захватов и бросков в том виде, которые применяются в спортивных состязаниях. Сущностью айкидо является отражение нападения путем осуществления захватов руками с тем, чтобы противник потерял равновесие. Для этих целей усиленно развиваются кисти рук, запястья, отрабатываются хватательные движения, а также система нырятьельных движений. В момент схватки главное — уклониться от ударов и захватов, для чего используются приемы удержания и отдельные бросковые движения. Золотое правило айкидо гласит: «Убереги себя от ударов и удержи противника от их нанесения». Айкидо не преследует цели причинить физическую боль нападающему.

Айкидо — одна из японских систем *до* (Путь), что предполагает определенный образ жизни, известную координацию физических и духовных сил. Нельзя назвать какого-то срока, необходимого для овладения айкидо, по существу — это непрерывная цепь ежедневных тренировок, порою довольно продолжительных и даже изнурительных. Считается, что любой прием айкидо сам по себе представляет искусство, требующее координации тела и духа. Наставники айкидо полагают, что если обращать внимание только на телесное совершенствование и забывать о психологической сути этого совершенствования, то можно уяснить лишь какой-то аспект айкидо. Подлинным искусством айкидо, утверждают они, можно овладеть только через усвоение его духовной основы. Таковой выступает дзэн-буддизм и связанная с ним отработка навыков дыхания, концентрации внимания, самодисциплины. Главным, безусловно, является концентрация внимания.

«Если вас окружили несколько человек, — пишет один из наставников айкидо Коити Тохэй, — и ваше внимание будет приковано к одному, вы не заметите, что будут делать другие. Если же вы захотите оценить действия других, то ваше внимание будет скакать от одного нападающего к другому, и вы можете пропустить нежелательные действия кого-то одного. Чтобы выйти победителем, нужно держать в сфере своего внимания всех окружающих сразу и видеть, что собирается делать каждый из них» [229, с. 47]. Для развития таких навыков наблюдательности применяются соответствующие упражнения. Это в основном методика *сэйка тандэн* (букв. «набираться сил и мужества»), т. е. обучение концентрировать внимание на нижней части своего живота. Вот как должна согласно этой методике выглядеть стойка человека, окруженного группой противников.

Внимание сосредоточено на нижней части живота, примерно в пяти сантиметрах ниже пупка, плечи расслаблены, руки без напряжения опущены вниз, ноги также без напряжения слегка согнуты в коленях и расставлены на ширину плеч. Эта поза является наилучшей для физической и духовной координации: человек прочно стоит на ногах и готов к мгновенным реакциям на любое угрожающее движение противника. Чтобы добиться инстинктивно-точных действий, наставники айкидо рекомендуют тренироваться в концентрации внимания на нижней части

живота при всех повседневных делах и даже во сне. Начинать тренировку по концентрации рекомендуется с коротких мимолетных сеансов.

Главное в айкидо — это инстинктивно-правильные действия, поэтому любой прием требует очень длительной и детальной шлифовки. Обучаемый упражняется на каждом приеме до тех пор, пока тот не начинает совершаться бессознательно. Особенностью упражнений айкидо является сопровождение любого физического действия воображаемым. Так, при отработке гибкости кистей рук наряду с определенными физическими движениями воображается следующая картина: «Моя рука — это пожарный шланг, моя мысль — это вода, запястье руки — это сопло. Чтобы быстро разбрызгать воду, надо обеспечить гибкость и силу запястья. Таким образом, чтобы моя мысль (вода) доставала до окружающих предметов, надо тренировать гибкость и силу руки».

В результате упорной тренировки по закону условного рефлекса формируется связь между мыслью и движением. В нужный момент эта связь будет срабатывать на подсознательном уровне. Примерно таким же образом отрабатываются и другие элементы. По мнению специалистов, в айкидо насчитывается несколько тысяч таких приемов. Из них складываются комплексы движений, которые усваиваются обучаемыми по мере продвижения к мастерству. Одновременно с овладением основами мастерства обучаемый приобретает новые личностные качества, становится упорным, стойким, выдержанным.

Каратэ (борьба без оружия). Каратэ относится к древнейшим видам боевого искусства. В разные периоды оно было известно под различными названиями. Основателями широко известных в настоящее время школ каратэ были Кэнва Мабуни (Сито-рю) и Гисин Фунакоси (Сётокан). Наряду с этими школами распространение получили школы Годзю-рю, Вадо-рю, Кёкусинкай, Дзёсинмон. Эти школы отличаются друг от друга арсеналом приемов и стилем исполнения специально установленных учреждений — ката. Однако при всем этом различия между ними явно условные.

Каратэ возникло и развивается как искусство, впитавшее в себя ряд видов общенациональной японской борьбы, приемы боя древнего Востока. Своего высшего уровня каратэ достигло на о-ве Окинава, где издревле существо-

вал собственный способ боя без оружия — *окинава-тэ*, давший начало многим стилям современного каратэ, широко признанным как в Японии, так и во всем мире, например, Сито-рю и Дзёсинмон.

Вследствие исторических связей Окинавы с Китаем и Кореей *окинава-тэ* развивался как квинтэссенция всего лучшего, что имелось в китайском *кэмпо* и боевом искусстве *тэквандо*, практиковавшемся в Корее. В XVII в., когда японские феодалы покорили Окинаву и у местного населения было отобрано оружие, изучение искусства самозащиты без оружия стало жизненно важной необходимостью. После того как каратэ было привезено с Окинавы на другие острова Японии, оно значительно обогатилось приемами японского искусства самозащиты — *дзюдо* и *дзюдзюцу*. Как считает известный мастер каратэ М. Ояма, важными в этом виде искусства являются методы дыхания, заимствованные из Индии, плавные закругленные движения, перенесенные из Китая, и боевая стойка чисто японского происхождения [113]. Главное в каратэ — кисти рук и ступни ног, хотя для достижения победы над противником может использоваться практически любая часть тела, включая голову.

В современных условиях каратэ выступает в основном как вид спорта. По технике ведения учебного боя, а следовательно, и процедуре обучения все известные школы каратэ делятся на «контактные» и «неконтактные». Слово «контактный» здесь означает, что в процессе обучения и во время состязаний соперники касаются друг друга (наносят удары); слово «неконтактный» подразумевает, что соперники обмениваются воображаемыми ударами, не касаясь или только слегка касаясь друг друга. В последнем случае ценятся лишь правильно отработанные движения и реакции. Как «контактные», так и «неконтактные» школы каратэ базируются на духовной основе и практике дзэн-буддизма.

В каратэ применяются самые разнообразные приемы, все они отрабатываются в сочетании с дыханием. Считается общепризнанным, что человек может сконцентрировать всю свою силу в определенной точке руки или ноги лишь в момент удара, т. е. в момент соприкосновения с телом противника или какой-нибудь преградой. Этому помогает сильный, концентрированный выдох, сопровождающийся криком. В связи с этим на всех тренировках дыханию уда-

ляется очень большое внимание. Авторитеты в области каратэ не без основания считают, что овладение основами дыхания, как и занятие каратэ вообще, оказывает благотворное воздействие на дух и тело независимо от комплекции, физической силы и пола. Умение использовать в борьбе различные части тела воспитывает такие волевые качества, как уверенность в себе, самообладание и бесстрашие. С этой целью в школе Кёкусинкай, например, практикуются такие методы дыхательной тренировки, как *ибуки* и *ногарэ*.

Для отработки *ибуки* надо принять стойку «ступни внутрь» (ноги на ширине плеч, ступни повернуты внутрь, колени слегка согнуты). Сделать спокойный вдох через нос. После этого скрестить кисти рук и поднять их к лицу. Затем напрячь все мускулы тела, особенно мышцы живота, резко открыть рот и, опуская и разводя руки вниз в стороны, выдыхать. В конце выдоха собраться с силой и резко вытолкнуть из легких остаток воздуха. При выдохе издавать резкий гортанный звук. На вдох и выдох должно уходить примерно по 30 секунд. Размеренный контроль над дыханием, по мнению мастеров каратэ, способствует приобретению боевого духа.

Ибуки представляет собой активную, сильную систему дыхания, содействующую возбуждению энергии, что нужно для атаки. С целью сохранения ровного дыхания в борьбе, а также выработки хладнокровия при ожидании нападения противника применяется способ дыхания *ногарэ* (в двух вариантах).

Дыхание *ногарэ-I*: а) принять стойку «ступни внутрь», б) вдыхать ровно и спокойно, одновременно поднимая руки до уровня груди ладонями вверх; в) согнуть руки в локтях, отодвигая локти назад; г) сделать спокойный выдох и медленно опустить руки ладонями вниз. Дыхание *ногарэ-II*: а) принять стойку «ступни внутрь»; б) вдыхать, поднимая согнутые в локтях руки ладонями вверх до уровня груди; в) опускать руки до пояса, поворачивая кисти так, чтобы ладони были параллельны друг другу; г) напрячь все тело, особенно живот и руки; д) медленно вытянуть руки вперед и повернуть кисти ладонями вверх; е) поворачивая кисти ладонями вниз и опуская руки, сделать выдох.

Дыхание по способу *ногарэ-I* ровное, выдох спокойный, кончик языка при этом находится между зубами.

В *ногарэ-II* дыхание несколько задерживается, что обеспечивает концентрацию волевых усилий.

Стойка *сантин-дати* считается одной из лучших боевых стоек. Она обеспечивает хороший баланс тела и способствует быстрой реакции в схватке. Сущность стойки: поставить ноги на ширину плеч. Правая нога впереди — пятка правой ноги и пальцы левой находятся на одной линии. Стопа правой ноги повернута внутрь под углом 45°, левая стопа — прямо. Колени слегка согнуты, что придает пружинистость. Верхняя часть туловища держится таким образом, чтобы центр тяжести тела падал на середину расстояния между стопами. При нанесении ударов ногой хорошо подходит «кошачья» стойка (*нэкоаси-дати*): правая нога слегка согнута, она удерживает 90 процентов веса тела, левая нога, касаясь опоры только пальцами, выставлена вперед. С целью нанесения завершающего удара по противнику иногда применяется стойка *сумо* (*сико-дати*) — широко расставленные в сторону ноги. При нанесении поражающего удара ногой в бок используется стойка «всадник» (*кисю-дати*), напоминающая позу всадника на лошади. Имеются стойки, предназначенные специально для ударов рукой, для блокирования ударов противника и т. п. Все они органически сплетаются с каноническими движениями и перемещениями *сантин*.

Сантин — это комплекс канонических тренировочных движений, предназначенных для воспитания способности управлять мышцами любого участка тела. С помощью *сантин* обучаемый достигает высшей степени координации тела и духа. Это дается благодаря усвоению и специальным повторениям «мягких» и «жестких» движений. Мягкие движения осуществляются при расслабленных мышцах, жесткие — при полном напряжении мышц. *Сантин* позволяет человеку приобрести «третий глаз», т. е. такую способность, которая обеспечивает возможность не глядя на противника ощущать все его движения, а следовательно, и любые намерения. Система *сантин* складывается из совокупности движений при стойке *сантин-дати*, специфических движений рук, контрнаступательного шага и равновесия.

Внимательный анализ сложнейшей системы ритуальных и канонических движений каратэ показывает, что эта система подчиняется трем основным принципам: принципу бессознательного, принципу упреждения и принципу

«недеяния». Учет требований этих принципов является обязательным условием для развития мастерства высшего класса.

Принцип бессознательного нацеливает человека на воспитание у себя обостренных способностей воспринимать объективную действительность без детального ее осознания. Практически это осуществляется путем отработки навыков расслабления различных участков мышц по волевому заказу. В процессе восприятия противника эти навыки помогают организовывать процесс наблюдения таким образом, что обеспечивают тотальную переработку информации, поступающей от объекта. Согласно принципу бессознательного, противник – это не какая-то абстрактная фигура, наносящая удары и подстерегающая врага, а обычный человек со своим миром психических явлений, силой и слабостями. Смотреть на противника иначе, трактуя этот принцип, значит заведомо ослаблять свою собственную позицию.

Как требует названный принцип, надо слиться с противником в единую систему общения и тем самым обеспечить вчувствование в его внутренние переживания. Наставники каратэ советуют: «Смотрите своему противнику в глаза, и вы будете видеть все». При этом они подчеркивают, что простое смотрение дает мало. Смотреть и видеть намерения противника в его глазах, согласно принципу бессознательного, можно только в результате «растворения» своего Я в окружающем мире, в который противник включен как его неотъемлемая часть. Свои реакции по отношению к намерениям противника необходимо подчинять принципу упреждения.

Принцип упреждения в каратэ ориентирует бойца на сознательную выработку подсознательных реакций, предвосхищающих реакции противника. Это выражается в дидактическом призыве наставника каратэ: «Ваша рука должна начинать движение одновременно или даже раньше того, как начнет двигаться рука противника». Принцип упреждения ориентирует на отработку таких движений, которые совершаются как инстинктивные реакции. Известно, что инстинкт – это врожденная реакция организма в ответ на раздражения. Такая реакция (например, отдергивание руки при уколе острым предметом) совершается по «впечатанным» в организм программам. Этой реакции не нужно обучаться. Защитное действие владеющего

каратэ — не инстинкт, а осознанная реализация подсознательного.

Владеющий каратэ, воспитавший свою подсознательную способность быстрого противодействия, обладает контролируемыми навыками. Тот, кто следует принципу упреждения, во-первых, не среагирует на ложную атаку, а во-вторых, не совершит нежелательных опасных действий. Сознание бойца каратэ, функционирующее на основе принципа предвосхищения, четко перерабатывает поступающую информацию. Однако оно не выступает тормозом мгновенных действий. Непросвещенному глазу поведение бойца каратэ кажется пассивным, создается впечатление о его неподготовленности к защите. Это впечатление связано с тем, что владеющий каратэ подчиняет свою деятельность принципу «недеяния».

Принцип «недеяния» восходит к догматам буддизма. Однако сущность недеяния в каратэ отличается от «недеяния» классического буддизма. В каратэ недеяние связано с расслаблением, избеганием напряженности, устранением преждевременных усилий. Принцип «недеяния» требует воспитания выдержки и хладнокровного ожидания атаки противника, чтобы, используя слабые стороны этой атаки, нанести сокрушительный удар. «Недеяние» — это действие в скрытой форме, это вызов противника на преждевременную атаку, заманивание его в ловушку.

Принцип «недеяния» положен в основу тренировки всех известных школ, хотя трактуется по-разному. Нередко наставник каратэ учит своих учеников соблюдать «недеяние» примерно таким образом:

«Когда стоишь перед противником, нельзя думать ни о чем. Твой разум должен уснуть, и ты обязан войти в состояние отрешенности. Лицо твое должно выражать лишь ненависть и неотвратимость твоей победы. Только в этом случае ноги и руки твои будут действовать сами — легко и свободно».

Каратэ, как и другие виды военно-спортивного искусства Японии, позволяет видеть Японию изнутри. В каратэ, айкидо, кэндо, кюдо люди учатся не только и не столько борьбе, сколько образу жизни. Мастера военно-спортивных искусств воспитывают молодежь в традиционном почитании старших и уважении установленного порядка. Поскольку все из рассмотренных выше прикладных видов спорта требуют длительной и упорной тренировки, счита-

ется, что они воспитывают твердость духа, терпение, целеустремленность, решительность.

Военно-спортивные виды борьбы пользуются в Японии большой популярностью. Некоторые из этих видов включены в школьные программы, по ним проводятся соревнования и чемпионаты. Все это приобщает молодое поколение японцев к традициям прошлого.

5. ДЗЭН В ИСКУССТВЕ

Общенациональные формы искусства Японии своими корнями уходят в глубину веков. Они впитали в себя представления и обычаи, которые развивались под воздействием ранних форм производства и народных верований, выросли и усовершенствовались в японской действительности под влиянием господствующей идеологии и особенно национальной психологии, в которой доктрины буддизма заняли господствующее положение. Различные виды японского искусства в той или иной степени испытали влияние дзэн-буддизма. Это прежде всего живопись, поэзия, театр и архитектура и такие специфические японские виды искусства, как разбивка садов и парков, аранжировка цветов и чайная церемония.

Живопись. В современной японской живописи утвердились два основных направления: традиционное — *нихонга* — и западноевропейское — *ёга*. Художники *нихонга* пишут в основном водяными красками и тушью на шелке и бумаге, художники *ёга* — масляными красками на холсте. Прослеживается также и смешанное направление, объединяющее национальное и заимствованное в живописи.

Большинство японских художников связаны с японской академией искусств (Нихон гайдзюцуин) и различными общественными организациями, проповедующими национальную самобытность японской культуры. Любой японский художник, даже тот, кто придерживается западноевропейских стандартов живописи, тем не менее по-своему отражает японский колорит жизни и особенности японского национального характера. О роли художника в жизни общества в широком понимании слова «художник» говорил в свое время М. Горький.

Художник, подчеркивал М. Горький, есть «чувствили-

ще своей страны, своего класса, ухо, око и сердце его; он — голос своей эпохи» [59, с. 328]. Японские художники передают в своих произведениях дух и чаяния своего народа, дыхание японской действительности. Не случайно практически в любом более или менее значительном произведении японской живописи прослеживается печать японской художественной традиции.

Японские художники прошлого оттачивали мастерство путем создания реальных образов, сколков природы. И хотя основные черты японской живописи просматриваются уже с древности и в них чувствуется влияние китайских мастеров, все же такими, какими они вписались в национальный характер японцев, их сделал дзэн.

Художник, согласно доктрине дзэн, в своих произведениях передает истину. Но истина по дзэн — это Будда. И если Будда вездесущ, то он находится всюду: и в сердце человека, и в каждом уголке природы. Чтобы отразить реальность, учат наставники дзэн, художнику нужно почувствовать дух жизни, слиться с окружающими его вещами. Художник должен не копировать вещи, а выражать свой внутренний мир, свое видение действительности и каждого отдельного ее элемента — животного, дерева, цветка, тростинки, травинки и т. д. Японские художники, придерживающиеся доктрины дзэн, прежде чем сделать первый штрих кистью, вводят себя в состояние, которое дает им возможность пережить единение с природой. Классический буддизм такое состояние именует просветлением. Японцы считают, что в подобных случаях достаточно войти в состояние *самадхи*.

Погрузившись в *самадхи*, художник начинает ощущать в самом себе все нюансы движения природы: порывы ветра бьют его в грудь, раскрывающиеся бутоны цветов нежно трогают его сердце, падающий с утеса камень вызывает ощущение боли, шум моря порождает вибрацию тела. Отвлекаясь от собственного Я, художник сливается с природой, как бы воплощаясь в бамбук, веточку, травинку... Считается, что только таким способом он постигает душу вещей. Если стебель бамбука наклоняется под силой ветра, ветка дерева гнется под весом снега, а травинка сгибается к земле под тяжестью росы, то все это должно пройти через сердце художника. Только в этом случае, утверждают японцы, возможно творение шедевра, только так можно передать дух движения жизни.

Наиболее характерным стилем японского пейзажа, развивающегося под воздействием дзэн, является стиль «одного угла», которому положил начало Ма Юань (1175—1225). В Японии, пишет Д. Судзуки, этот стиль выразился в лаконичности изображения [226]. Так, чтобы вызвать у человека чувство необъятности моря, достаточно в углу полотна поместить качающуюся на волнах одинокую лодку, а чтобы изобразить осень, достаточно показать одинокую птицу, сидящую на голом сучке дерева. Одинокая лодка, птица и безжизненный сучок заставят человека обратиться к своему внутреннему Я, ощутить вечность мира и свое малое место в его величии. Здесь мы сталкиваемся со специфически японским модусом отражения объективной действительности, именуемой *ваби*.

Понятие *ваби* не поддается точному переводу, хотя в первом приближении по-русски его можно передать как скудость, бедность или даже гордое одиночество. Быть бедным в сознании японца — это совсем не обязательно чувствовать себя никчемным человеком. Чувство *ваби* дает японцу способность ощущения своих внутренних сил, высшей социальной ценности, глубокой морали. В обычных условиях *ваби* побуждает многих японцев довольствоваться скромным жилищем, тарелкой овощей к обеду и ужину, простой одеждой. *Ваби* — это культ, глубоко вросший в жизнь Японии. Несмотря на излишества имущих классов, японская культура все же тяготеет к *ваби*. Даже те, кто утопает в роскоши, не могут избежать влияния этого чувства. Облачаясь дома в традиционное японское одеяние, они с удовольствием ощущают на себе его действие. Можно сказать, что *ваби* присуще многим аспектам японской культуры, и это наглядно отражается в традиционном стиле «одного угла».

Стиль *ваби* ориентирует пейзажиста на экономию мазков. Там, где обычно ожидают четкую линию, много линий, группу объектов, оказываются незавершенные штрихи и одинокие предметы. Такое исполнение вызывает чувство приятного удивления, ибо показавшееся на первый взгляд несовершенство оборачивается полным совершенством. Японцы видят красоту и в несовершенстве и в примитивности. Такие формы переживания красоты связаны с явлением *саби*.

Само слово *саби* — это патина. Оно включает в себя понятие и антикварности изделия и безыскусной

изящной простоты. Передать это понятие на русском языке трудно — это нечто вроде «печали одиночества». *Саби* возникает тогда, когда предмет искусства вызывает ощущение изображаемой эпохи. Обычно такое чувство увязывается с историческими ассоциациями, оно предполагает также отсутствие ярких красок, ликующих лиц, толпы.

Асимметрия — еще одна отличительная сторона японской живописи. Она характерна также и для японской архитектуры. Ярким примером этому служат буддийские храмы, разбросанные в Японии по склонам гор. Большинство таких храмов построено с учетом складок местности, и их основные конструкции не тяготеют к какой-то одной линии. Асимметрия четко видна на конструкции чайных домиков, она отражается в группировке каменных нагромождений в парках. «Видимо... скорее асимметрия, чем симметрия, может служить символом многообразия и величия природы», — говорил в своей речи при получении Нобелевской премии Ясунари Кавабата [80, с. 393].

Существует много теорий относительно того, почему японцы тяготеют к асимметрии. Многие объясняют данный факт исходя из приверженности японцев к необычным видам военно-спортивного искусства: японцы якобы всегда готовы сразиться, и это заставляет их держать незаполненной середину пространства. Однако суть дела здесь в доктрине дзэн, ориентирующей людей на величие единичного. Масса изображаемых объектов всегда сдвигается в сторону, освобождая основное пространство для единичного.

Согласно дзэн единица является, с одной стороны, совершенством, а с другой — воплощением всеобщности. Отсюда стремление японского искусства к единице: цветку, ветке, отдельной личности. Японское искусство и вся японская культура, справедливо замечает Д. Судзуки, исходит из кардинального положения дзэн: «Один во всем, и все в одном» [226]. Этот факт удачно подметила Т. Григорьева. «Наше сознание, — пишет она, — привыкло воспринимать вещи и их множественности, оно скорее расположено обнимать целое, общее, чем сосредоточиваться на отдельном. Традиционное мышление японцев, напротив, сосредоточено на единичном» [63, с. 281].

Стремление японцев к единичному имеет отношение не только к изображению природы. Оно характеризует важнейшую национально-психологическую особенность япон-

цев — постоянно стремиться к тому, чтобы в личности отдельного человека видеть группу, к которой он принадлежит, или даже всю нацию, и в то же время отождествлять группу или нацию с конкретным ее представителем. В западной культуре в центре стоит личность. Вокруг своего Я человек располагает эталонные группы (семью, родственников, друзей, сослуживцев), членом которых он является. Японец же отводит себе место где-то на краю этих групп, находясь как бы в тени, но в то же время оставаясь неотъемлемым их элементом. В психологическом отношении такой взгляд на жизнь порождает деление социальных общностей на две неравные части: с одной стороны — отдельная личность, а с другой — группа, нация. Поэтому и японский художник как бы уходит от массы и сосредоточивает основное внимание на единице.

При таком подходе к изображению действительности японские художники тяготеют к простоте композиции, удерживаются от витиеватых построений. Дзэн нацеливает их на воплощение истины одним ударом кисти, одной, часто незавершенной, линией. Это, естественно, не означает, что такая манера живописи примитивна. Напротив, она предполагает тонкий вкус и высокую художественную эрудицию. Наиболее заметно влияние дзэн прослеживается на *сумиэ* (рисунках тушью на тонкой рисовой бумаге). Чтобы появилось подлинное произведение искусства, кисть должна двигаться сама собою, подчиняясь подсознательному импульсу художника. Только в этом случае, подчеркивает Д. Судзуки, на рисунке все станет реальным «в том же смысле, как реальна Фудзияма, и облака, ручьи, деревья, волны, фигуры — все реально, так как дух художника побывал в этих местах, точках, мазках» (цит. по [65, с. 211]).

Поэзия. Дзэн оказал заметное влияние на многие поэтические жанры Японии. По мнению Д. Судзуки, влияние дзэн на поэзию куда сильнее, чем на философию. Это связано с тем, что поэзия воздействует на людей главным образом через подсознательные, эмоциональные структуры психики, что и является областью приложения дзэн. Наиболее ярко влияние дзэн в поэзии прослеживается на специфическом японском поэтическом направлении *хайкай*.

Поэзия *хайкай* сформировалась в японской культуре на почве народно-песенной прибаутки, шутки, веселой пе-

сенки. Этой поэзией сначала занимались главным образом в монастырях и самурайских семьях. Ею увлекались и широкие круги воинского сословия, а в более позднее время и представители нового класса: торговцы и ремесленники возникающих городов [90, с. 139].

Слово *хайкай* употреблялось со времен «Кокинсю». В репрезентативных японских антологиях *хайкай* представлено стихотворениями из пяти строк, из которых первая часть называлась *маэку*, а вторая — *цукэку*. Согласно некоторым данным, этот вид поэзии совершенствовался в процессе утонченной салонной игры. По правилам игры нужно было продемонстрировать остроумие и сообразительность, ответить на начальные стихотворные строки одного из участников. При этом так надо было развить образ, чтобы в итоге получилось единое стихотворение из пяти строк (84, с. 11]. Чем более абсурдным и запутанным оказывалось содержание первой части, тем выше оценивалось достижение второго партнера, если ему удавалось, добавив свою часть и сдобрив ее каламбуром, придать определенный смысл всему пятистишию.

Мастера *хайкай* не раз оказывались перед необходимостью прибегать к импровизации, что требовало от них быстрого постижения ситуации, проникновения в ее сущность. Вот один из примеров того, как известный мастер *хайкай* периода средних веков Моритакэ (1473–1549) развил первые две строки миниатюры:

Абунаку мо ари
мэдэтаку мо ари

моко ири-но
юубэ-ни ватару
хитоцубаси

Тут тебе и боязно,
тут тебе и радостно,

идя к жениху,
перейти в вечерней мгле
по бревну ручей.

Подобным образом складывалась цепочка стихотворений. Получалась *рэнга* («нанизанные строфы»). Причем начальные строки часто дополнялись самыми различными трехстишиями [84, с. 13–14].

Вроде надо бы рубить,
да рубить не хочется.

Вора изловил,
а получше присмотрелся —
собственный мой сын!

Ветвь цветущая
скрыла от очей моих
ясную луну.

Со временем *хайкай* претерпевает известные изменения. Основной формой этого жанра становится стих, состоящий из трех строк (5–7–5 слогов). Впоследствии такая форма получила название *хайку*. В период жизни признанного мастера этого жанра Тэйтоку (1571–1653) *хайку* стало строиться на поэтических ассоциативных связях, смысл которых нередко оказывался довольно загадочным.

Нэбурасэтэ
ясинаитатэ
хана-но амэ

Цветочные сласти
давай ему чаще лизать —
так вскормишь дитя.

Здесь «хана-но амэ» — дождь на цветах (амэ — означает и дождь, и сласти, в переводе — «цветочные сласти») — напоминает о строке из «Юя», пьесы театра Но, где дождь назван родителем цветов; здесь и ассоциация с «дождем цветов», который шел при рождении Будды Шакьямуни. Общий смысл этого стихотворения, по мнению Д. Кина, может принять такой вид: «Вскармливай свое дитя, рожденное, подобно Шакьямуни, под цветочным дождем, давая ему лизать сладости; так под дождем поднимаются цветы» [84, с. 23]. Как видно, такое толкование далеко не всякому придет в голову. *Хайку* часто воспринималось как загадка, коан, отгадать смысл которого не так-то просто.

В жанре *хайку* прославленный японский поэт Мацуо Басё (1644–1694) сумел отразить целый мир:

Карээда ни
карасу но томаритару я
аки но курэ.

На голой ветке
Ворон сидит одиноко.
Осенний вечер.

Пер. В. Марковой

Миниатюра Басё создает настроение: образ ворона, высохшая ветка, надвигающиеся сумерки, поздняя осень. Здесь мы сталкиваемся с *ваби*, ориентирующем художника на скупость мазков и красок. Как и монохромный пейзаж, миниатюра Басё несколькими словами создает впечатление тишины и спокойствия сумерек, а также какого-то напряженного ожидания. Прилив вдохновения, пишет Д. Кин, позволивший Басё увидеть в обыкновенном вороне, сидящем на ветке, нечто обладающее вселенским смыслом, безусловно, имеет много общего с духом дзэн-буддизма [84, с. 61].

Под влиянием дзэн-буддизма в 1686 г. Басё создал свое знаменитое трехстишие:

Фуруикэ я
кавадзу тобикому
мидзу-но ото

Старый пруд...
Прыгнула в воду лягушка.
Всплеск в тишине.

Пер. В. Марковой

В этом стихотворении соединяются элементы вечного и мгновенного: старый пруд вечен, но, чтобы проникнуться сознанием его вечности, необходим некий мгновенный сдвиг, т. е. прыжок лягушки. Это и рождает момент постижения.

Итак в *хайку* соединяются два основных элемента — нескончаемое и сиюминутное. В основе поэтики Басё лежит принцип *саби* и эстетика намека. Это хорошо видно и в таком трехстишии:

Сидзукаса я
ива-ни симиру
сэми-но коэ

Тишина кругом.
Проникает в сердце скал
Легкий звон цикад.

Пер. В. Марковой

О том, как дзэн оказывал влияние на процесс формирования *хайку*, видно из рассказа известного японского поэта первой половины XVIII в. Бусона. Передавая слова своего наставника Хаяно Хадзи (1677–1742), Бусон подчеркивал, что при создании миниатюры «стихотворение должно складываться сразу». По мнению Бусона, нельзя думать, что и как говорить, в какой последовательности это делать в стихе. Процесс должен совершаться, утверждал Бусон, «согласно мгновенному озарению» [84, с. 237]. Таким мастерством можно было овладеть, только будучи проникнутым идеями дзэн. Не случайно периоды подъема и спада поэзии *хайку* всякий раз приходились на периоды затруднений или взлетов дзэн-буддизма.

До конца понять миниатюры *хайку*, отмечают многие исследователи, можно только находясь в состоянии озарения или по крайней мере — *самадхи*. Но поскольку озарение посещает лишь немногих, то и содержание миниатюр остается всегда неисчерпанным. Находясь в трепетном восторге от миниатюры Басё «Старый пруд», поэт Моро Нанимаро (1761–1837) сказал: «Кто хочет понять его до конца, должен отправиться в иной мир, повидать Учителя и спросить его самого» [84, с. 249].

Известный исследователь *хайку* Х. Гендерсон выделяет ряд принципов, на которых создавались и продолжают создаваться миниатюры *хайку* [182]. Это прежде всего принцип «рэнсо», или ассоциация идей. Каждое *хайку*, как правило, включает элемент *ки* (сезон). Им может быть слово, скрытая мысль или даже звук, возбуждающие ассоциации, связанные с временем года. Это хорошо видно на цитированных выше стихотворениях Басё о вороне, лягушке и цикадах. Все они включают в себя также элементы сравнения. Это второй принцип. Он не всегда выступает в явном виде, но при неоднократном чтении в произведение неизменно всплывает в подсознании. Третьим принципом *хайку* является «концентрация» смысла путем опускания слов, которые по законам грамматики должны содержаться в предложении. Все это обуславливает усложнение стихов и ведет к тому, что иногда они воспринимаются как загадка.

В жанре *хайку* словесное выражение выступает на второй план. На первом месте оказывается скрытый смысл высказывания. Трехстишие передает эстетическое переживание поэта. Понять это переживание, естественно,

каждому дано по-своему. *Хайку*, писал Ясунари Кавабата, «может показаться простым или возвышенным, примитивным или утонченным — в зависимости от слушателя» [81, с. 254]. Известное *хайку* Таками Кёси (1874 — 1959) «Старый год», написанное в 1950 г., воспринимается с особым восторгом человеком, которому присуще остро чувствовать течение времени:

Старый год,
Новый год —
Будто палкой их протыкают.

«Я был поражен неожиданным сравнением, — говорит Кавабата. — „Будто палкой их протыкают“». Под влиянием скрытого смысла этого *хайку* Кавабата написал свое трехстишие:

В новогоднем небе
Вдруг померещился
Танец тысячи журавлей.

Это стихотворение, признается Кавабата, «никуда не годится». Кавабата писал романы, поэзия не была его стихией. Тем не менее он почувствовал необходимость выразить свое состояние с помощью *хайку*.

Содержание *хайку* своими корнями уходит в обряд, религию, мифологию, историю страны. Предметом изображения *хайку*, как и в живописи, находящейся под влиянием дзэн, являются обычные вещи и явления природы, связанные с жизнью японского народа.

Хайку является хорошим иллюстратором той черты японского национального характера, которая раскрывает его подсознательные начала. Длительное и упорное культивирование этого жанра в японской поэзии породило и явления обратного эффекта: *хайку* в известной степени способствовало закреплению у японцев идеи подсознательного как ведущего принципа жизни. Все виды японского искусства подчиняются его требованиям. В театральной жизни Японии принцип подсознательного наиболее ярко проявляется в представлениях театра Но.

Театр Но *. По мнению японцев, Но, или Ногаку, — это самая строгая классика, по существу первая всесторонне развитая форма традиционного театра Японии.

* Но — примерно значит «умение», «мастерство».

Возникновение театра Но относится к первой половине XV в. и связано с именем Дзэами (Сэами) Мотокиё (1363–1443). Однако подлинного расцвета театр добился лишь в XVII в. после установления господства сёгунов Токугава. Спектакли театра с 1603 г., с того времени, когда к власти пришел сёгун Токугава Иэясу, стали носить форму церемониала. Такими же стали и ежегодные его фестивали. Торжественными спектаклями отмечались с тех пор приход к власти нового правителя, бракосочетания знатных особ, назначения на высшие должности, рождение сыновей в знатных семьях, их совершеннолетие и т. д. Спектакли шли по несколько дней, смотреть их могли до пяти тысяч человек. Приглашение на такие спектакли считалось большой честью, за право быть приглашенным шла борьба.

По мере совершенствования искусства Но возникали различные школы. До наших дней их дошло пять: Кандзэ, Компару, Хосё, Конго и Кита. Первые четыре образовались в XIV–XV вв., последняя в начале XVII в. Различие в школах носит формальный характер.

Спектакли Но ставятся на небольшой квадратной сцене, сооружаемой из неокрашенного дерева хиноки (кипарисовик японский). Сцена на уровне пола зрительного зала отделена от зала метровой полосой, усыпанной мелкой галькой или крупным песком. Сцена открыта с трех сторон, на задней ее части изображена раскидистая стилизованная сосна на золотом фоне. Сосна – символ долголетия. В глубине во время представления располагаются четыре музыканта (оркестр театра) и *кокэн* – сценический слуга, человек, помогающий на сцене, который условно считается невидимым. Актеры строго специализированы и разделены на три основные группы: *ситэ* – первый актер, главное действующее лицо; *ваки* – второй актер, партнер главного; *кёгэн* – комический персонаж, участвующий в интермедиях. Как правило, актеры играют в масках, которые крепятся на голове шнурками. Костюмы лишены бытовой конкретности, носят условно-исторический характер и напоминают одежду XV в. В настоящее время имеется более пятидесяти сцен театра Но.

Театр Но ставит свои спектакли на основе двух основных принципов: *мономанэ* (букв. «подражание») – сценическая правда и *югэн* (букв. «внутренняя глубина», «сокровенный», «темный») – высшая форма гармониче-

ской одухотворенной красоты. Требования этих принципов находят выражение в текстах, танцах, музыке, пении, сценических движениях актеров, задача которых — вызвать «сверхчувствование». В основе этих принципов лежит доктрина дзэн, побуждающая к слиянию субъекта и объекта, в данном случае переживаний актеров и зрителей.

Согласно положениям *мономанэ*, на сцене во время представления воспроизводится мир человеческих страстей, чувств, переживаний. На основе требований *югэн* актеры раскрывают перед зрителем «сокровенную суть», внутренний, «скрытый смысл» вещей и изображаемых событий. Это делается с помощью специально подбираемых слов, отработанных звуков, системы канонических движений. Актеры своей игрой вовлекают публику в общую стихию разыгрываемых событий. И хотя эти события имеют отношение к давнему прошлому Японии и рассказ о совершаемом на сцене ведется в такой манере, что многие зрители сегодня не постигают смысла произносимых монологов, публика захватывается представлением и становится как бы участницей того, что происходит на сцене. Именно эффект соучастия есть то главное, что достигается спектаклем.

На основе дзэн осуществляется психологическая подготовка к сценической деятельности в целом и к каждому конкретному выступлению. Последнее хорошо видно на процедуре подбора маски и перевоплощения.

Вживаясь в роль, актер входит в состояние *самадхи*, получая таким путем возможность прочувствовать черты и качества разыгрываемого персонажа, найти соответствующие реакции, которые следует демонстрировать по ходу спектакля. Перед выходом на сцену актер тщательно и без спешки изучает особенности той маски, которую он наденет, переживая в своей душе всю гамму запечатленных в ней эмоций. Такое вчувствование в психологическое состояние персонажа позволяет актеру по ходу игры без особых затруднений оперировать текстом и системой канонических движений. Все, что требуется от него на сцене, запечатлено в экспрессиях маски. Ему нужно лишь вывести эти экспрессии во внешний план поведения. Только так актер способен вызвать у зрителей нужный отклик. Доктрина дзэн дает актерам театра Но и духовную базу и практические приемы.

Спектакль в театре Но, продолжающийся около шести часов, состоит, как это было принято в XVI в., из пяти пьес: первая о богах, вторая о самурае, третья о женщине, четвертая о злом человеке, пятая о злом духе или иногда о каком-нибудь празднестве.

Пьесы состоят из вступления, развития событий и кульминации.

Спектакль протекает в минорном тоне, в промежутках показываются легкие интермедии. Путем таких контрастов — от трагического к комическому и обратно — удерживается внимание зрителей, их включенность в разыгрываемые события. Вплетенные в ткань пьесы стихи *хайку*, стилизованные движения актеров, звуки музыки, выкрики, световые блики и т. д. — все это увлекает зрителей, события прошлого становятся для них настоящим, буддийские легенды оказываются чем-то близким, родным. Театр Но в Японии способствует устойчивости японского образа мышления. Не случайно сами японцы прилагают немало усилий для сохранения этого вида искусства.

В 1945 г., когда культурная общественность Японии стала воссоздавать национальные народные ценности, взоры видных деятелей культуры обратились прежде всего к театру Но. Сразу же после войны была создана Ассоциация деятелей искусства Но (Ногаку кёкай), в декларации которой тогда указывалось: «Сохранив традиции и порядки мира Но, стремиться к расцвету этого искусства». Вскоре было организовано Общество искусства Но (Ногаку ёсэй кай), которое приложило усилия для открытия учебных заведений по подготовке необходимых для театра актеров и музыкантов. В 1955 г. театр Но был зачислен в категорию «важных культурных ценностей» («дзиё мукэй бункадзай»). В 1957 г. возникло Общество театра Но [78, с. 105, 233].

В настоящее время театр Но осуществляет интенсивную деятельность как в самой Японии, так и за ее пределами. Спектакли театра несут с собою по всему миру не только живую историю нации, но и доктрину дзэн.

Сады и парки. Японские городские сады и парки совсем не похожи на те, что мы привыкли видеть у себя на родине. В городском саду мы ожидаем увидеть узорчатые цветники, клумбы, расчищенные и утопанные дорожки. В японских же садах другие элементы оказыва-

ются в центре внимания. Здесь на первое место выступают песок, галька, карликовые растения, причудливые ручьи, камни. Для японского сада характерна атмосфера таинственности, что и положено в основу паркового дизайна.

В японском городском саду на нас воздействует не только красота и совершенство форм, но и весь дух вещей, внутреннюю силу которых мы ощущаем на каждом шагу. Если попытаться перенести японский парк в какую-либо иную страну, то ничего не получится. Дух, атмосфера – вот что главное в японском парке.

Основой основ японского сада являются камни. Для своих парков и садов японцы привозят камни даже из Кореи. Камень в его первозданной форме является главным атрибутом японского парка. Японцы равнодушны к камню. Если представляется возможность, они приставляют камни к различным зданиям, храмам, своим домикам. Эстетические свойства необработанного камня более всего применяются в архитектуре «сада камней».

Японский сад камней – уникальное сооружение. Основная площадь сада засыпана песком или мелкой галькой, а на ней как бы в беспорядке разбросаны группы неотесанных камней. Однако беспорядочность только кажущаяся. Расположение групп и композиция камней в группах подчиняется правилам, исходящим из мировоззренческих концепций дзэн-буддизма.

Обычно камни имеют имена буддийских архатов и увязаны с каким-либо буддийским мифом. Композиции самих групп на площади сада и состав этих групп по три камня в каждой обусловлены буддийской триадой. Размер камней, отношение их высоты к периметру, форма и другие свойства подобраны в соответствии с определенными философскими соображениями. Составленные из различных камней группы обычно напоминают небольшие островки, встречающиеся в прибрежных водах японских морей. В саду камней Киотского храма Рёандзи наблюдатель, рассматривая подобную композицию островков из пяти групп, видит на один камень меньше, чем есть на самом деле. Как бы он ни старался, ему ни с одной точки наблюдения не удастся охватить всех камней. Это создает какую-то особую таинственность и даже возбуждает благоговейный трепет. В сущности здесь нет ничего невероятного: камни и сам фон, на котором они воз-

двигнуты — белый гравий — вызывают определенный ход мыслей, создают настроение созерцания.

Все это управляет процессом восприятия: когда наблюдатель бросает взор на панораму сада, его внимание приковывает сначала одна группа камней, затем другая. Взгляд скользит по отдельным камням группы и, если форма камня вызывает какие-то ассоциации, задерживается. Происходит сосредоточение сознания, концентрируется внимание. И поскольку местность вокруг этой группы камней ничем посторонним не занята, концентрация внимания усиливается, что порождает новые цепи ассоциаций. У приверженца буддизма эти ассоциации увязываются с религиозным мировосприятием, у других — с какими-то важными идеями, событиями, чувствами. Однако во всех случаях происходит фиксация внимания. Специфическая конфигурация песочного фона вокруг камней заставляет взгляд перемещаться от группы к группе лишь в определенном порядке. В результате в поле зрения оказываются треугольные площадки, вершинами которых являются группы камней.

Пространство сада очерчено границами четырехугольника: три стены и терраса, на которой располагается наблюдатель. Взгляд наблюдателя все время блуждает где-то в пределах этого четырехугольника, переходя с камня на камень. Постепенно наблюдатель невольно уходит от внешнего мира и предается самосозерцанию. Когда люди не прилагают к этому никаких усилий, это порождает у них ощущение спокойствия и безмятежности.

Творцы сада камней расположили на сухом ландшафте большие и мелкие камни таким образом, говорит Ясунари Кавабата, что «каменные группы производят впечатление гор, рек и даже бьющихся о скалы волн океана» [80, с. 394]. Конструкция подобных сооружений, подчиняясь нормам дзэн-буддизма, улавливает тягу японцев к любованию природой, размышлению, уединению. Здесь в японском виде выступают японские *ваби* и *саби*, которые означают для японца прелесть обычного, изящество нагой простоты.

Сады и парки Японии как в капле воды отражают многие стороны японского национального характера, который можно лишь приблизительно описать в конкретных словесных выражениях, как это делалось нами в первых главах книги. Сущность японского национального характера

нужно еще прочувствовать, и в этом нам помогают литература, искусство, архитектура садов и парков.

Японские сады и парки рассчитаны не на внешнее подчеркивание различных элементов природы, а на побуждение человека к любованию и созерцанию. Согласно дзэн внешнее не существенно, главное находится внутри. Задача художника, поэта, зодчего состоит в том, чтобы оживить эти внутренние силы. Архитектура садов и парков, так же как и специфически японская живопись и поэзия, имеют своим назначением вызвать у человека ощущение красоты в обычном, простом, каждодневном. Японцы приучились видеть в каждом ручье, отдельно стоящем дереве, камне скрытую душу жизни. Они так любовно лелеют свои сады и парки, каждый их уголок, словно ухаживают за чем-то живым, дышащим, ощущающим.

6. ИКЕБАНА

Икебана (так по-японски называют аранжировку цветов) ведет начало со времен распространения буддизма в Японии.

В VI в. в буддийских храмах, которые в последующие столетия возникли во всех областях Японии, по обеим сторонам алтаря стали появляться необычные букеты. Огромные негнувшиеся ветви, гармонирующие с величественной обстановкой храма и названные *рикка* (что означает «стоящие цветы»), возвышались над узорчатыми бронзовыми сосудами, которые наряду с остальным убранством храмов привозили из Китая. Кончики ветвей, а также цветы устремлялись в небо, как бы взывая к богам.

Постепенно букеты *рикка* стали делать более низкими, и они продолжали быть господствующей формой аранжировки в храмах и дворцах вплоть до конца XII в. Составители *рикка* стремились олицетворить в букетах священную гору буддизма Сумисэн. В связи с этим в качестве основы они использовали сосновые ветки. В центре вазы всегда устанавливалась сосна высотой в 1,5 метра. Кроме сосны брали кедр, кипарис и бамбук. Особое место отводилось также белым хризантемам. С течением времени интерес к композиции *рикка* стал падать. В настоящее время она считается устаревшей.

В XV в., во время правления сёгуна Асикага (1436—1490), появилась новая форма аранжировки. В этот период в национальных японских домиках была введена токонома. Сюда стали ставить букеты более простых композиций. В XVI в., когда в обиход японцев начали входить чайные церемонии, сложилась новая форма аранжировки — *нагзирэ*.

Этот метод аранжировки называют натуралистическим, поскольку согласно правилам цветы расставляются в вазе в «естественном виде». Считается, что стебельки каждого цветка должны стоять самостоятельно, ничто не должно заслонять их. Но допускается подрезание листьев, стеблей и даже цветов.

В XX в. в Японии получило развитие новое направление аранжировки — *морибана*, которое отражает влияние и западной цивилизации. В отличие от официально-торжественной *рикка* и натуралистической *нагзирэ*, предназначенных для исконно национальных домов, *морибана* подходит и к условиям европейского интерьера, так как особенностью этого стиля является установка букета в низких и плоских вазах.

Морибана, сочетая в себе оба названных стиля, содержит и третий — она как бы моделирует определенный пейзаж или кусочек японской природы. В связи с этим она обильнее, чем *рикка* или *нагзирэ*, допускает применение зелени и полевых цветов. Хотя в ее аранжировках и нет тех формальных элементов, которыми отличались предшествующие стили, все же идеи дзэн-буддизма в ней достаточно очевидны.

Для составления букетов *морибана* используется кэндзан. Он представляет собой тяжелую металлическую подставку с игольчатыми стержнями, на которые накалываются стебли цветов и ветки. Составленные букеты обычно украшают гостиную, кабинет, спальню. Букет должен гармонировать с обстановкой.

В основе японской аранжировки цветов лежат три линии, символизирующие Небо, Человека и Землю. Главная линия — это стебель, обозначающий Небо, часто называемый первичным, или *син*. Именно этот стебель образует основу букета, поэтому он должен быть достаточно прочным. Рядом с ним помещается второй стебель — символ Человека, называемый *соз*. Он помещается таким образом, чтобы создать впечатление роста в сторону. *Соз*

должен быть равен примерно двум третям высоты *син* и наклонен в ту же сторону. Третий стебель *тай*, символизирующий Землю, самый короткий. Его помещают спереди или немного сдвигают в сторону, противоположную той, куда наклоняются два первые. Этот стебель составляет две трети высоты *соэ*. Все стебли закрепляются в кэндзанае так, чтобы производить впечатление кроны единого ствола. К букету можно добавлять различную зелень, стебли трав, однако позиция основных трех стеблей неизменно сохраняется. Перед составлением букета важно точно определить форму вазы. Размер композиции целиком зависит от ее диаметра и глубины. Длина первого стебля подбирается по формуле: глубина + полтора диаметра вазы. Длина второго и третьего стеблей составляет соответственно по две трети от предыдущего.

В Японии имеются различные школы составления букетов, и правила, установленные одной школой, не всегда признаются мастерами других. Тем не менее главные правила искусства, выросшие на основе дзэн-буддизма, являются общими для всех школ.

Поскольку доктрина дзэн сосредоточивает внимание на единичном, то в икебана подчеркивается уникальность каждого цветка. «Один цветок лучше, чем сто, передает великолепие цветка», — говорил Ясунари Кавабата. Еще мастер икебана и чайной церемонии Рикю (1522–1591) учил японцев этому искусству. «В Японии и теперь, — говорил Кавабата, — во время чайной церемонии в нише чайной комнаты стоит всего один нераскрывшийся цветок» [80, с. 394].

В японской системе аранжировки цветов, построенной на основах дзэн, особое внимание уделяется фактору динамики: аранжировка должна отражать развитие во времени, его течение или же связь с определенным временем года. С этой точки зрения подбирается и соответствующий материал: полностью распустившиеся цветы, стручки, засохшие листья выражают прошлое, наполовину распустившиеся цветы или зеленые листья — настоящее, бутоны, набухшие почки — будущее. Время года также имеет свою символику: весна — энергичные изгибы веток; лето — распустившиеся лепестки, листья, стебли; осень — редко поставленные тонкие ветки; зима — оголенные ветки.

Букеты цветов и растений для японца — это не только

украшение, но всегда что-то значимое, символическое. Сосна и роза символизируют вечную молодость и долгую жизнь, сосна и омото (родея) — молодость и вечность, сосна и пион — молодость и процветание, пион и бамбук — процветание и мир, хаботан (цветы капусты), хризантема, орхидея — радость. Букеты к Новому году и свадьбам составляются из веток сосны, листьев бамбука и цветов сливы. Если слива еще не цветет, используют хризантему и орхидею. В марте на праздник девочек букет составляется из цветов персика, репы и хризантемы, на празднике мальчиков в букете особое место занимает ирис. Все праздничные букеты исключают осенние цветы, листья клена, чайные листья, цветы пурпурного цвета, розу, пионы, нестойкие цветы и сикими (илиций анисовый, бадьян) — разновидность вечнозеленого растения, которым по традиции украшают алтарь в буддийском храме. На помолвку или на свадьбу в букет не ставят цветы, в названии которых звучит элемент *сару*, означающий расставание (например, цветок сару-субэри — индийская сирень, или сару-гориибара — повой).

Как видим, букеты, с одной стороны, отражают особенности характера японцев, а с другой — формируют этот характер. Включенные в процесс общения, букеты воздействуют на человека.

Если кто-либо, придя в гости, захочет полюбоваться букетом, он должен стать на колени в метре от токонома, слегка наклониться и, рассматривая букет снизу, медленно переводить взор к его вершине. Смотреть на букет сбоку или заглядывать внутрь вазы считается неприличным. Если хочется рассмотреть основание букета, то об этом следует спросить хозяина. Когда гость направляется к букету, хозяин и хозяйка садятся рядом с токонома, обращаясь лицом к гостю. Последний всегда высказывает восхищение, хозяйка обычно с поклоном отвечает: «Нам стыдно за нашу скромную поделку».

Даже беглый обзор основных концепций аранжировки показывает, что ведущими принципами здесь выступают простота, асимметрия и кажущаяся незавершенность. Сами букеты вызывают ощущение спонтанности, самопроизвольности, непосредственности. Чтобы овладеть искусством составления таких букетов, требуются годы терпеливой имитации основных канонических приемов, которыми владеют мастера аранжировки. В своей потребности

соприкоснуться с красотой японцы не останавливаются ни перед какими трудностями. Они настойчиво и упорно годами тренируют канонические движения, перенимая их у мастеров икебана, и тем самым сохраняют этот вид искусства для грядущих поколений.

7. ЧАЙНАЯ ЦЕРЕМОНИЯ

Чайная церемония (по-японски *тяною*) относится к наиболее самобытным, уникальным искусствам. Она играет существенную роль в духовной и общественной жизни на протяжении нескольких веков. *Тяною* — строго расписанный ритуал, в котором участвуют мастер чая — тот, кто заваривает чай и разливает его, и те, кто присутствуют при этом и затем пьют. Первый, пишет Т. Федоренко, жрец, совершающий чайное действие, вторые — участники действия, приобщающиеся к нему [146, с. 280]. У каждого свой стиль поведения, охватывающий и позу при сидении, и все движения, и выражение лица, и манеру речи. Эстетика *тяною*, его утонченный ритуал подчиняются канонам дзэн-буддизма. Согласно легенде она берет свое начало из Китая со времен первого патриарха буддизма Бодхидхармы.

Однажды, гласит легенда, сидя в медитации, Бодхидхарма почувствовал, что глаза его закрываются и против воли его клонит ко сну. Тогда, рассердившись на себя, он вырвал свои веки и бросил их на землю. На этом месте вскоре вырос необычный куст с сочными листьями. Позже ученики Бодхидхармы стали заваривать эти листья горячей водой — напиток помогал им сохранить бодрость.

В действительности чайная церемония возникла в Китае задолго до появления буддизма. Согласно многим источникам, ее ввел Лао-цзы. Именно он где-то в V в. до н. э., свидетельствуют сказания, предложил ритуал с чашкой «золотого эликсира». Этот ритуал процветал в Китае вплоть до монгольского нашествия. Позже китайцы свели церемонию с «золотым эликсиром» к простому завариванию подсушенных листьев чайного куста. (Именно этот метод дошел до нас.) Японцы же, удачно избежавшие монгольского завоевания, продолжали культивировать искусство чаепития, дополняя его особыми манипуляциями.

Издавна чайная церемония была непременным атри-

бутом встреч японских философов и художников. Во время чаепития произносились мудрые речи, читались стихи, рассматривались произведения искусства. При этом тщательно для каждого случая подбирались букеты цветов и специальная посуда для заварки напитка. Постепенно такая процедура захватывала и другие слои общества. В XVI—XVII вв. она стала популярной среди японской аристократии, самураев. Чайная церемония как искусство *тяною* оформилась в своего рода систему отдыха от будничных забот. В наиболее классической форме она стала совершаться в чайных домиках (*тясицу*).

Литературные источники указывают, что первый такой домик построен в 1473 г. Чайные домики — *тясицу* — походили на крошечные бедные хижины восточных мудрецов, они были предельно скромны как по внешнему виду, так и по внутреннему убранству. Непритязательность обстановки создавала высшее ощущение красоты, постичь смысл которой следовало путем философского осмысления реальности. В качестве украшений допускался лишь свиток с философским изречением, картина старинного художника и букет цветов. Устройство *тясицу* и процедура чаепития были разработаны известными мастерами *тяною* Дзё (1503—1555) и Сэнно Соэки (1521—1591), ставшего знаменитым под именем Рикю.

Все известные мастера *тяною*, Рикю в особенности, были приверженцами дзэн-буддизма. Процедура чайной церемонии и устройство *тясицу* отражали основные идеи дзэн. Размер комнаты для чаепития (*цукия*) примерно восемь квадратных метров. Согласно положениям сутр, в помещении подобного размера однажды смогли поместиться восемьдесят четыре тысячи учеников Будды. Эта аллегория имеет в своей основе теорию буддизма, отрицающую наличие у истинно «просветленных» веса и объема тела. Создатели *тясицу*, по-видимому, предполагали возбуждать ассоциации буддийского толка уже фактом пребывания в тесной каморке. Такие ассоциации усиливались полумраком, который создавался слабым светом из небольшого окна под самым потолком и отражением света от стен, отделанных темно-серой глиной. Все это вызывало у гостей ощущение приятного уединения в тени.

Для полного наслаждения, утверждает писатель Д. Танидзакэ (1886—1965), японцу нужен «некоторый полумрак, предельная чистота и такая тишина, чтобы ухо

различало даже комариное пение» [143, с. 97]. Японцы всегда, повествует Танидзаки Дзюньитиро, стремятся к тени. «Наши гостиные, — объясняет он, — устроены так, чтобы солнечные лучи проникали в них с трудом. Не довольствуясь этим, мы еще более удаляем от себя лучи солнца, пристраивая перед гостинными специальные навесы либо длинные веранды. Отраженный свет из сада мы пропускаем в комнату... стараясь, чтобы слабый дневной свет только украдкой проникал к нам... Мы предпочитаем этот... полумрак всяким украшениям, — на него никогда не устанешь любоваться» [143, с. 112]. Оборудование интерьера классических *тясицу* в полной степени соответствовало эстетическим канонам и национальному характеру японцев, стремящихся к достижению внутренней гармонии. Подготовка к такому настроению начиналась еще на подходе к *тясицу*.

Со времен Рикю чайный домик окружают небольшим садом. Сад, по мнению «мастера чая», должен способствовать нарастанию особого настроения, без которого церемония оказывалась бы бессмысленной. Вступление на высланную крупным камнем дорожку (*родзи*), ведущую к *тясицу*, означает начало первой стадии медитации: вступивший оставляет в этот момент все свои мирские заботы и сосредоточивается на предвкушении ожидающей его церемонии. По мере продвижения к *тясицу* сосредоточенность усиливается, а медитация переходит во вторую фазу. Этому способствует старый фонарь, слабо освещающий дорожку в вечерние и ночные часы, камень-колодец (*цукубаи*), в выдолбленном углублении хранящий воду для омовения рук и полоскания рта, низкая, высотой в 90 сантиметров дверь, через которую проходят, становясь в проеме на колени. При входе гости совершают поклон и усаживаются по-японски на циновки. Навстречу выходит хозяин, в свою очередь, отвечающий низким поклон гостям. Слышатся мелодичные звуки бурлящей воды. Начинается третий этап медитации. Определенное настроение создает и сама посуда. Она удивительно проста: чашки, медный чайник, бамбуковая мешалка, ящичек для хранения чая и т. д. Все это несет на себе налет времени, но все безукоризненно чисто. Японцам импонирует матовость. «Европейцы, — пишет Танидзаки, — употребляют столовую утварь из серебра, стали либо никеля, начищают ее до ослепительного блеска, мы же такого бле-

ска не выносим. Мы тоже употребляем изделия из серебра... но никогда не начищаем их до блеска. Наоборот, мы радуемся, когда этот блеск сходит с поверхности предметов, когда они приобретают налет давности, когда они темнеют от времени... Мы... любим вещи, носящие на себе следы человеческой плоти, масляной копоти, выветривания и дождевых отеков» [143, с. 103, 105]. Самый примитивный чайник, деревянная ложка для насыпания чая, грубая керамическая чашка — все это оказывает на участников церемонии какое-то завораживающее действие.

Чай заваривается особый — зеленый в порошке. Кипячение воды в классическом *тясицу* осуществляется на углях из сакуры. Заварка взбалтывается в чашке бамбуковой кистью, получается довольно густая пенистая жидкость. В XVI в. появилось до сотни различных правил этой процедуры, которые имеют силу и в настоящее время. Правила относятся к аранжировке цветов, кипячению воды, заварке чая, разливу напитка и т. д. Все правила имеют целью вызывать чувство естественности или ощущение искусства *тяною* без искусственности. Когда у Рикю спросили, как он достиг своего мастерства, он ответил: «Очень просто. Кипятите воду, заваривайте чай, добивайтесь нужного вкуса. Не забывайте о цветах, они должны выглядеть как живые. Летом создавайте прохладу, зимой приятную теплоту. Вот и все». И потом он добавил: «Покажите мне того, кто постиг все это, я с удовольствием стану его учеником» [213, с. 131].

Смысл чайной церемонии, говорят, раскрывается в известном изречении Рикю: «Тяною — это поклонение красоте в сером свете будней».

В современных условиях такое поклонение далеко не всегда оказывается возможным. Бурный поток жизни захватывает, поглощает людей, и японцу, казалось бы, не до традиций. Однако нет, к чайной церемонии это не относится, она прочно вплелась в жизнь и быт Японии. Все же в соответствии с духом времени, справедливо подмечает Г. Навлицкая, в наше время произошло разделение процедуры на «настоящую» и «облегченную» [106, с. 62].

В первом случае строго соблюдаются все традиционные условия, включая пользование *тясицу*, куда входят, подымаясь на камень и «проползая» в узкий проем. Сидят только на пятках, разговор ведут только в рамках классического ритуала. «Облегченная» церемония часто

проводится в обычных помещениях, в комнатах даже ставятся столы и стулья. При этом, конечно, процесс чаепития, формально оставаясь неизменным, как-то упрощается. Тем не менее разработанный дзэн-буддистами культ ревниво охраняется, отступление от традиционной процедуры считается в Японии нежелательным. Таким образом, каноны дзэн-буддизма все же соблюдаются. Участники чайной церемонии приобщаются к этим канонам, казалось бы, незначительными, однако имеющими большую внушающую силу, приемами.

На стене висит свиток с философским изречением. Он написан в дзэн-буддийском стиле и такой архаичной каллиграфией, что немногие могут разобрать и понять смысл написанного, например: «Бамбук зеленый, а цветы красные» или «Вода есть вода». Посетителям разъясняют этот смысл, он, казалось бы, очень прост, но глубок в философском отношении: «Вещи есть вещи, и это прекрасно!» Иногда эти мысли выражены в поэтической форме *хайку*, иногда отражены в картине старого мастера, как правило, с соблюдением принципа *ваби*. Как говорит мастер чайной церемонии Сокэй, «цель *ваби* — дать почувствовать чистоту, незагрязненность обители Будды. Вот почему хозяин и гости, как только входят в скромную чайную хижину, очищают себя от земной пыли и ведут беседу сердцами» [65, с. 259].

Процедура чаепития, внедренная в Японии монахами секты дзэн, в современных условиях не исчезает. Основные положения этой тонкой процедуры-искусства разъясняются на лекциях в университетах, на различных факультативах, на занятиях «кружков тяною», организуемых крупными фирмами и общественными организациями.

Японцы признают и тщательно культивируют каноны чайной церемонии не только потому, что она дает им возможность эстетического наслаждения. В ритуале этой церемонии они ощущают самих себя: строгая регламентация поведения, точно установленные предлоги для церемонии, вполне определенная утварь и т. д.

Для проведения чайной церемонии в большинстве случаев достаточно одного желания, однако есть поводы и ритуального плана.

Хозяин посылает приглашение друзьям, и те за два-три дня до чая благодарят его за оказанное внимание. В день

чаепития гости собираются за 15–20 минут до назначенного времени в специально отведенной комнатке и выбирают почетного гостя (*сёкьяку*), которым обычно становится человек более высокого положения или старший по возрасту. Они также четко определяют и последующую иерархию: кто будет вторым, третьим и т. д. Именно в таком порядке гости моют руки и входят в предназначенную для церемонии комнату и рассаживаются.

Официальному чаепитию в гостях предшествует *кай-сэки*, т. е. угощение разнообразным набором еды: здесь и супы, и рис, и рыба, и картофель с приправой и т. д. Хозяин, угощая гостей, старается рассказать им какой-нибудь интересный случай или историю, он делает все возможное, чтобы сделать времяпрепровождение очень приятным. Для этого гостей угощают и небольшой порцией сакэ. Едят всего понемногу, иначе нет смысла в чайной процедуре.

Чаепитие начинают с густого чая. Хозяин расставляет чашки так, чтобы они были у него под рукой, и начинает чайное действие. Сначала напиток готовится в одной большой чашке для всех гостей. По традиции гости пьют из нее, передавая чашку друг другу. Это должно вызывать чувство близости. Ритуал вполне определенный: первый гость берет *фукуса* (шелковый платок, кусочек шелкового материала), укладывает его на ладонь левой руки, а правой ставит на нее чашку. Кивнув соседу — *осаки-ни* («раньше вас»), он отпивает три с половиной глотка, затем кладет *фукуса* на циновку, вытирает край чашки своим *кайси* (бумажный носовой платок; салфетка) и передает чашку второму гостю. Каждый повторяет ту же процедуру. Все выражают свое восхищение чашкой, первый от имени всех гостей просит хозяина рассказать ее историю. После крепкого чая подается жидкий чай. Здесь вносятся подушки и подносы с пирожными. Жидкий чай готовится для всех сразу в нескольких чашках. Гости могут пить, как им захочется.

В Японии существует много форм чайной церемонии, однако строго установлено лишь несколько: ночной чай, чай с восходом солнца, вечерний чай, утренний чай, послеобеденный чай, специальный чай.

Ночной чай начинается при луне. Гости приходят примерно в половине двенадцатого и уходят не позже четырех часов ночи. Обычно заваривают порошкообразный чай.

Приготавливается он на глазах гостей: листья освобождают от прожилок и измельчают в порошок в ступе. Такой чай бывает очень крепким, его не подают на пустой желудок. Поэтому сначала гостей легко угощают различной едой. Чай «с восходом солнца» пьют около трех или четырех часов утра. Гости остаются при этом до шести часов. Вечерний чай начинается около шести часов вечера. Утренний практикуется в жаркую погоду, гости собираются к шести часам утра. Послеобеденный чай обычно подается только с пирожным примерно после часа дня. Специальное чаепитие (*риндзитяноу*) организуется по каким-либо торжественным случаям: встреча с друзьями, праздники, смена времени года и т. д.

Японцы считают, что чайная церемония воспитывает простоту, естественность, опрятность. По-видимому, это так, но в чайной церемонии заключено и другое. Приобщая людей к точно установленному ритуалу, она приучает их к строгому порядку и безусловному исполнению социальных правил. Чайная церемония является одной из основ культивирования национальных чувств.

Глава IV

ОСОБЕННОСТИ ОБЩЕНИЯ В ЯПОНИИ

Сфера и динамика общения определяются социальными позициями вступающих в общение, их положением в системе общественных отношений. Классики марксизма неоднократно указывали на важную роль общения в жизни общества: «Развитие индивида обусловлено развитием всех других индивидов, с которыми он находится в прямом или косвенном общении...» [8, с. 440].

В общении люди пользуются средствами, которые доступны им в их окружении — это устная или письменная речь, мимика, жесты и т. д. Японцы пользуются в общении средствами, в основе которых лежат общечеловеческие факторы, однако в оттенках существует много различий. И поскольку каждая культура имеет специфические средства, можно говорить о национально-психологических особенностях общения.

1. ВОСПРИЯТИЕ ЧЕЛОВЕКА ЧЕЛОВЕКОМ В ОБЩЕНИИ

Восприятие человека человеком начинается с оценки лица. По лицу все люди давно узнают этническую принадлежность, пол, возраст, настроение, а иногда и характер. Японцам издревле удавалось по лицу определять намерения и даже судьбу человека. С этим связано и их стремление скрывать свое лицо, поэтому у японцев, как правило, спокойное, безмятежное выражение лица, независимо от внутренних экспрессий и эмоций. Но старшее поколение японцев умеет все же различать за внешней невозмутимостью истинные чувства человека и упрекает молодых людей в том, что они не могут ухватить здесь разделительную черту (*татэмаэ-хоннэ*) между внешним и внутренним лицом, которая служит направляющим ориентиром в общении.

Внешнее лицо — это маска, точнее *татэмаэ* (букв. остов, каркас, основа). За маской скрывается *хоннэ* (затаенное, истинное). Внешнее лицо — для всех, внутреннее — для себя и для своих близких. Только здесь, среди своих, считают японцы, можно дать волю эмоциям, переживаниям. В кругу других, *ёсо-но хито* (людей со стороны), эмоции должны сдерживаться. Это считается добродетелью. Японцы в общении ведут себя очень сдержанно. Недопустимость публичного выражения эмоций воспитывается у них с детства. Всякое проявление чувств не поощряется. Скрытность японцев — не лицемерие, а норма поведения. Быть скрытным, т. е. носить на лице маску, в Японии равноценно тому, что быть благопристойным.

Стремление японцев к тому, чтобы в общении обнажать лишь внешнее лицо, т. е. маску, вылилось в увлечение искусством изготовления масок. Японцы обычно имеют много самых различных масок. У каждого японского ребенка есть по крайней мере одна любимая маска, с помощью которой он делает себя неузнаваемым. Давайте познакомимся с некоторыми наиболее популярными японскими масками. Это даст нам возможность лучше изучить лицо японца, проникнув в его *хоннэ*. Ведь в масках запечатлены то или иное состояние человека и некоторые его личностные качества.

Маски. Для японца маска — это не фиксированное раз и навсегда выражение лица. Для японца маска живет. Маски театра Но, например, очень показательны в этом плане. Зритель замечает в этих масках в зависимости от ситуации или позы актера многие оттенки душевного состояния персонажей.

Маска *тэнгу* изображает сказочного героя, обладающего сверхъестественной силой, способного парить в воздухе и прыгать по крутым скалам. Термин и сама маска *тэнгу* используется также для подчеркивания отрицательных черт характера, в частности излишней самоуверенности, надменности, хвастовства. Для этого маска имеет характерную экспрессию: сведенные брови, внешние концы которых подняты; выпученные глаза; приподнятый подбородок; растянутые сжатые губы; крупный мясистый нос. Маска окрашивается в красный цвет.

Маска *отафуку* представляет собой полную противоположность *тэнгу*: цвет бледно-пепельный, выражение умеренно-скрытное. В японской культуре отсутствие ярко

выраженных чувств издавна символизирует счастье и удовлетворенность. У японцев эта маска, кроме того, ассоциируется с жизнерадостным характером. Нужно заметить, что маска *отафуку* отражает общее отношение японцев к эмоциональным переживаниям: радостно тебе или грустно, это касается только тебя самого.

Маска *ханья* изображает лицо разгневанной женщины. Это лицо вызывает у людей отвращение, отсюда мораль: поскольку разгневанный всегда неприятен — не надо гневаться. Рога у маски (от выражения «отрастить рога» — разгневаться) означают, что разгневанная женщина похожа на дьявола. Японцы утверждают, что белый головной убор невесте надевают на свадьбе для того, чтобы потом у нее не отрастали рога. Отличительная особенность маски — большой рот, как считают, свидетельствующий о крайней истеричности. Мужская половина Японии опасается женщин с таким ртом.

Маска *цура* обозначает задумчивость, озабоченность, неуверенность. Внешние концы бровей опущены, уголки губ опущены, все лицо вытянуто. С давних пор в Японии считается, что человек с таким выражением лица является игрушкой в руках судьбы. Такие типы обычно предполагают одиночество, над ними довлеют раздумья, нередко они боятся «как бы чего не вышло». Японцы часто сравнивают таких людей с лягушкой.

Маска *кобэсими* имеет две характерные особенности — преувеличенно большие глаза и специфически сомкнутые губы. Издавна в Японии людей, изображенных с помощью этой маски, относили к страстным, темпераментным натурам, нередко прибегающим к резким суждениям. Считается, что глаза здесь свидетельствуют о пылкости характера, а сомкнутый рот с уголками опущенных губ указывает на то, что обладатель его постоянно в чем-то сомневается, что-то ищет, исследует и т. д. Подобным людям приписываются такие черты характера, как непостоянство и легкомыслие. Женщины с подобными чертами лица, по японским поверьям, имеют большой успех у мужчин, однако из-за ветрености часто остаются одинокими.

Маска *дэйган* изображает людей замкнутых, болезненных, постоянно неудовлетворенных. Эти черты передаются в маске в основном глазами. Слабое раскрытие глаз с одновременным поднятием бровей без обозначения морщин на лбу обычно говорит об усталости человека, об утомле-

нии его различными житейскими делами. Слегка раскрытый рот тем не менее говорит за то, что обладатель подобного лица все же не потерял интереса к внешнему миру. Если такого человека хорошенько вовлечь в деятельность, думают японцы, то усталость его может со временем пройти. Говорят, что маска *дэйган* свидетельствует о страданиях, пережитых в молодые годы. Женщины с таким типом лица целомудренны, знают свое место в семье, стараются быть полезными мужу.

Маски *оотобидэ* и *сисигути* отличает большой рот. С давних времен это считалось хорошим признаком для мужчины. Если человек имел такой рот, в который свободно входил кулак, его считали обладателем исключительно твердой воли и способности повелевать. Японцы наделяют людей с большим ртом различными положительными качествами, они считают, что такие люди великодушны, справедливы и правильно оценивают человеческие качества. Обычно большой рот говорит о незаурядном здоровье, физической полноценности. Для женщины же, считают японцы, большой рот нежелателен. Правда, обладательницы такого рта имеют завидную физическую выносливость, однако в семье эта выносливость часто оборачивается негативными сторонами. Люди с небольшим, даже маленьким ртом воспринимаются в Японии женственными, устремленными натурами, знающими, что им делать.

Связь эмоционального состояния людей с выражением лица использовал Уэмура Бунракуэн (1737–1810), поставивший спектакли театра кукол стиля дзёрури. В 1872 г. в г. Осака был открыт театр под вывеской: Дозволенный правительством кукольный театр Бунраку. В дальнейшем это длинное название упразднили и осталось просто Бунраку. В кукольном театре, который известен под этим названием всему миру, маски кукол передают и настроение и характер персонажей. В театре используются вполне определенные выражения лиц кукол.

Маска *мицухирэ* (героя) свидетельствует о мятежном складе натуры, о бунтарских наклонностях. Шрам на лбу героя служит устрашающим знаком для его соперников. Этот шрам свидетельствует о бурно прожитых годах, об отчаянном поведении. Если шрам находится с боку, — это признак некоторой слабости героя, означающий возможность отхода от твердой линии поведения. Сведенные бро-

ви и вздернутые вверх их внешние концы — показатель решительности и непоколебимости. Эти же черты подчеркиваются специфической конфигурацией губ.

Лицо героини (персонаж *Кохару*) — обычное стилизованное лицо японской женщины: вытянутый овал, узкие вскинутые брови, маленький рот, напыщенные губы, отсутствующий взгляд. Такое лицо говорит о глубоких чувствах, определенной скрытности и кокетливости. Нередко подобные лица, по мнению японцев, характерны для обольстительниц. Подобный тип лица, считают они, может принадлежать и женщине с переменчивой судьбой.

Тярикуби (*тяри* — интересный, привлекательный) — второстепенный персонаж кукольного театра. У него круглое лицо добряка, широко открытый рот, круглый нос, высокий лоб. Как правило, этот персонаж нравится людям, они питают к нему теплые чувства.

Тярионнакуби — женский персонаж кукольного театра. Это также привлекательное создание, сама непосредственность — слегка вздернутые брови, пухлые щеки, маленькие нос и рот. По характеру — чувствительная, хрупкая, доверчивая и бесхитростная. Быстро откликается на просьбы других, сама не ждет за это вознаграждения.

Эмоциональное состояние, а также некоторые характерологические черты людей в театре Кабуки обозначаются специфическими выразительными линиями на лице актера. Эти линии имеют вполне определенное значение. В наиболее известном гриме, называемом *кумадори*, используют три основных цвета, которым наносятся линии: красный, синий и черный. Красный цвет обозначает страсть, справедливость и доблесть; синий — зло, страх, сверхъестественные начала; черный, а иногда и алый — божественность, а также колдовство. Иногда к этим цветам добавляют лиловый, коричневый, золотой. Соответствующие линии наносятся также на руки и ноги актера, правда, сейчас для этой цели чаще надевают раскрашенные носки и перчатки.

Грим Кабуки подчеркивает характер героев. Так, сила воли выражается вертикальными мазками: резко вздернутые вверх брови, направленный вверх разрез глаз, поднятые уголки губ. Лицо отрицательного персонажа разрисовано синими линиями, имеющими ответвления, направленные вниз. Белые цвета передают смятение, болезнь, униженность и т. д.

Искусство выражения эмоциональных переживаний людей с помощью масок и грима было использовано мастерами японской живописи *укиё-э*. В работах этих мастеров нашли отражение экспрессии японского лица, свидетельствующие о вполне определенных переживаниях.

Укиё-э — это гравюра на дереве, специфическое направление японского изобразительного искусства, возникшее в середине XVII в. Основателем направления считается Хисикава Моронобу. В конце XVIII в. мастерами *укиё-э* был создан жанр своеобразного портрета актеров и куртизанок. В этом жанре особенно преуспел Тосусэ Сяраку, который, по-видимому, находился под влиянием китайской системы лицегадания, физиогномики: его работы несут на себе печать классических шаблонов выражения чувств. Так, на лице злодея выделяются изогнутые брови, скошенные глаза, опущенные концы губ, приподнятый подбородок. Злодейский характер персонажа передается и в экспрессии рук, поднятых в угрожающем жесте. Совсем иными экспрессиями характеризуются женские персонажи. Здесь превалируют мягкие линии и элегантные жесты. Лица женщин стилизованы под общий тип японок: вытянутое округлой формы лицо, узкий лоб, грустные глаза, маленький рот, прямой нос. В искусстве стилизованного женского портрета признанным мастером считается Кэйсай Эйсай (1790—1848). Большую известность в этом жанре получил также Китагава Утамаро. Изображаемых персонажей он наделял вполне определенными чертами характера. Так, женщин, отличающихся непостоянством, мастер изображал с густыми волосами, крупными зрачками, миниатюрным носом, разведенными бантиком губами.

Экспрессии японских масок и кукольных персонажей театра Бунраку, выразительные линии грима театра Кабуки и лицевые штампы гравюр *укиё-э* свидетельствуют о том, что японцы весьма восприимчивы к выражению человеческого лица. В общении они внимательно наблюдают за реакциями собеседника и тщательно контролируют свои. Впрочем, из универсальных реакций, отражающих удивление, страх, отвращение, ярость, печаль и радость (улыбка, смех), лишь экспрессии, отражающие радость, значительно отличаются от подобных реакций в других культурах.

Улыбка и смех. Мы привыкли, что улыбка появляется на лице, когда человек переживает что-то приятное,

смех сопровождает внезапную радость или какие-либо другие положительные переживания. У японцев здесь есть исключения.

Известный исследователь японской действительности Лафкадио Хёрн (1850–1904) в своем трактате «Японская улыбка» [209] рассказывает о том, как молодая служанка, нанятая в американскую семью, пробыв без разрешения хозяйки несколько дней у себя дома, вернулась к своей госпоже и с улыбкой поведала ей о том, что похоронила мужа. Американка спросила, почему же тогда она улыбается. Служанка ничего не смогла ответить. Американка не поняла, подчеркивает Хёрн, что улыбка – это знак вежливости и деликатности у японцев, которых с детства учат не расстраивать своими личными горестями других людей.

Во время второй мировой войны, когда в семьи японцев приходили извещения о гибели близких, родственники встречали эти новости с улыбкой. Нет сомнения, что они переживали глубокое горе. В этом проявляется японская деликатность. Теперь молодые японцы иногда считают все это устаревшей традицией, но, когда им самим перевалит за 35, эта традиция и для них дает себя знать.

У Кёкава Рюносукэ есть короткий рассказ «Носовой платок» [332]. Суть его сводится к следующему.

К американскому профессору, читавшему лекции в Токийском университете, пришла мать его ученика. Из рассказа матери профессор узнал, что этот ученик покончил с собой. Профессор был не столько поражен новостью, сколько поведением рассказчицы: на лице матери была улыбка. После того как женщина удалилась, профессор заметил упавший под стол скомканный носовой платок. Он понял все. Бедная женщина улыбалась, но сердце ее сжимало неутешное горе. Мать смеялась лицом, но плакала сердцем. В этом вся Япония.

Японцы любят радоваться, смеяться, улыбаться. Они считают, что боги, которым поклоняются люди, тоже улыбаются и даже смеются. Легенды говорят, что именно на звуки смеха богиня солнца Аматэрасу вышла из своей пещеры, где она пребывала в дурном настроении. Если бы богиня не услышала смеха, она осталась бы в пещере, и тогда не было бы ни солнца, ни Японии.

Для японца существует не только радостный, счастливый смех, который всегда был убедительной силой. Благо-

даря развитому чувству собственного достоинства японцы особенно остерегаются стать посмешищем. Об этом знает каждый японский ребенок: «Если ты поступишь дурно, люди осмеют тебя».

Улыбка или смех в Японии могут означать разное — это и признак дружеского расположения, и выражение сдержанности, скрытности, и открытое выражение эмоций, и признак неловкости, вызванной затруднительным положением. Улыбка японца может означать «я понимаю» или «я не понимаю». Не удивительно поэтому, что одной из самых обычных улыбок японцев является «загадочная» улыбка. Такие улыбки запечатлены и на лицах будд, покоящихся в храмах, и на лицах каменных фигур *дзидзо*, служащих украшением на больших дорогах.

У японцев можно различить несколько типов улыбок: улыбка, за которой скрывается печаль (женщина встречает мужа, который вернулся с похорон); надменная, неопределенная улыбка (усвоенная даже шестилетней девочкой); «социальная улыбка», которая служит подобно кимоно, надеваемому для подходящего момента, и которая изображается с целью соблюдения благопристойности; профессиональная улыбка (например, доктор улыбается пациенту); довольная улыбка человека в возрасте; улыбка бизнесмена на банкете.

Конечно, за каждой улыбкой или смехом что-то кроется. Есть просто улыбка *эгао* (букв. улыбающееся лицо; лицо, озаренное улыбкой), счастливая улыбка. Есть также шумный, буйный смех *оварай* (покатываться со смеху, хохотать) и *такаварай* (букв. «высокий смех», громкий смех, взрыв смеха) — возбужденный смех, смех в приподнятом настроении. Японцы различают виды смеха по звукам, соответствующим пяти гласным японской слоговой азбуки:

(а) — ва-ха-ха: *оварай*, только для мужчин;

(и) — и-хи-хи: хихиканье или смешок злобного ликования;

(у) — у-ху-ху: *синобиварай* (подавленный смех, смех исподтишка), скрытый смех как мужчин, так и женщин;

(э) — э-хе-хе: *тэрэварай*, или *осэдзиварай*, деланный (искусственный) смех, вызванный замешательством, или льстивый смех;

(о) — о-хо-хо: *такаварай* — смех женщины, который может быть искренним или просто благопристойным.

Бывают моменты, когда японцы не прочь забыть о правилах, моменты, когда они находятся в состоянии *бурэйко* (непринужденно, без формальностей). Тогда они «снимают» маски и бурно радуются. Со своими друзьями японцы дают волю чувствам.

Жесты. Известный исследователь общения японцев Тада Мититаро в своей книге «Японская культура жестов» отмечает, что жесты и телодвижения японцев почти незаметны. «Когда я еду в электричке и наблюдаю за жестикуляцией беседующих, — отмечает он, — я убеждаюсь, что бросающихся в глаза жестов у японцев нет. Однако на днях, когда я совершал свой обычный путь, мое внимание привлекли две сидящие напротив женщины. Они, разговаривая, делали различные телодвижения, размахивали руками. Я наблюдал за ними и удивлялся: „Неужели японцы стали другими?“ Однако, прислушавшись, я понял, что собеседницы говорили не на японском языке. Я убедился: японцы ничуть не изменились! Жесты японцев все еще едва уловимы» [332]. В Японии считается похвальным умеренность и сдержанность в движениях. Поспешность воспринимается неодобрительно. Осанка, поза, манера жестикуляции у японцев имеют свой национальный колорит.

Как известно, в процессе общения собеседники часто кивают головами. У одних народов это является знаком согласия, у других — знаком несогласия. У японцев вертикальное быстрое движение головой означает не «я согласен с вами!», а скорее «я внимательно слушаю вас». По этому поводу в адрес японцев сыплются жалобы со стороны незадачливых иностранцев: «Как же так, все время мой партнер кивал утвердительно головой, а как дошло до завершения беседы, сказал что-то вроде „Нет!“» *

Чтобы подозвать кого-нибудь к себе, японец вытягивает руку вперед ладонью вниз и слегка согнутыми пальцами делает движение «ко мне». Таксист также реагирует на этот жест. Если же рука поднимается до уровня плеча, то это становится жестом «до свидания». Стоит кому-либо в толпе сделать перед собой жест, похожий на приостановленный рубящий удар, как люди расступаются и дают этому человеку дорогу. При этом даже машины, скрипя тормозами, замедляют свой бег или же останавливаются.

* О различных вариантах «нет» см. гл. IV.

Пальцы у японцев также сигнализируют определенные значения.

Кулак с торчащим вверх мизинцем означает «женщина» или «возлюбленная». Кулак с отогнутым большим пальцем означает «мужчина» или «возлюбленный». Если при этом мизинец и большой палец прикасаются друг к другу, то это означает любовную сцену. Когда же соприкасаются копчики большого и указательного пальцев, а остальные остаются вытянутыми, то это в Японии означает «деньги». А если при этом указательный палец изгибают, да еще пошевеливают им, вам следует покрепче держать свой кошелек, это предупреждение, что поблизости появился грабитель.

Если кто-либо усиленно всей пятерней почесывает голову, это значит, как и у некоторых других народов, что человек попал в затруднительное положение. Потирание брови кончиком среднего пальца, иногда смоченного языком, воспринимается в Японии как обозначение обмана или плутовства. Такой жест со стороны иностранца может поставить японца в неудобное положение. При виде этого жеста японец начинает менять тактику разговора и свертывать на нет решение обсуждаемой проблемы. Иностранец недоумевает: «Почему бы это вдруг?»

Или другой случай для недоумения. Открываются двери лифта, иностранец оказывается перед стеной японских бизнесменов в безукоризненных темных костюмах. Все смотрят куда-то мимо вновь входящего. А он не знает, нажимать ли ему самому кнопку, или это сделает кто-нибудь из стоящих. Вошедший теряется перед этими отсутствующими взглядами. А они в Японии всюду: в переполненных поездах, в парках, на деловых совещаниях. С точки зрения японца, необычной является «фамильярность», которая создается через участливое обращение к незнакомому.

Рукопожатие в Японии не принято. Хотя бизнесмены, дипломаты, студенты, прожившие ряд лет на Западе, и привыкли к рукопожатию, японцы считают этот жест инородным. Он немислим, по их мнению, для женщины. И если японцы замечают обменивающихся рукопожатием женщин, у них возникают негативные чувства. Чем объяснить, что в такой стране, как Япония, принимающей многие атрибуты Запада, рукопожатие не прививается? Нам думается, что, во-первых, японцы избегают присталь-

ного, прямого взгляда, который неизбежен при рукопожатии, а во-вторых, им не импонирует манера прикасаться друг к другу. Так или иначе, рукопожатие в Японии не включается в процесс общения.

Поза. Японские дети, пишет социолог Тада Мититаро [332], постоянно слышат наставления взрослых: «А ну, выпрями спину!» Между тем сами обычно находятся в сторбленной сутуловатой позе. Эта особенность японцев бросается в глаза.

Европеец, принимая наступательную позу, выставляет вперед подбородок, японец же поджимает подбородок, отчего его поза становится смиренной — *тэйсисэй*. Зачем это делается? Чтобы слиться со всеми, стать как все, не выделяться из общей массы. Если японец будет поступать иначе, он окажется как бы вне группы. Весь жизненный путь нации привел его к тому, чтобы он принимал смиренную позу. В Японии смиренная поза стала культурной и социальной ценностью. Эта поза регламентирует поведение японца в повседневной жизни. Понимать значение той или иной смиренной позы — значит правильно воспринимать японца.

Японец принимает смиренную позу при ходьбе, стоя, сидя. В Японии не принято вставать, когда входят другие люди, даже старшие. В сознании японца сидение — это смирение, поэтому он и не встает. Если приходит старший или почтенный посетитель, японец, не вставая, склоняется в его сторону и отвешивает вежливые поклоны. Поведение японца остается таким же, когда он сидит на стуле. Само смирение в сидячем положении проявляется в наклоне поясницы. Отсюда выражение — «Коси га хикуй» (букв. согнуть поясницу). Человека, который постоянно держит смиренную позу, японцы оценивают словами: «Анохито ва коси га хикуй» («Этот скромный человек»).

Как видно, смиренная поза у японцев не обязательно носит оттенок раболепия. Склоненная поза делает человека более учтивым. Люди, «выпрямившие поясницу», считаются в Японии высокомерными. Выпрямление спины вызывает напряженность, японцы же стремятся к расслаблению мышц.

Принять позу расслабления — всегда приятно для японца. Когда его проводят в гостиную, заставленную европейской мебелью, и говорят: «Отдыхайте, будьте как дома!» — он чувствует себя стесненно. Какое там расслабление, ког-

да мебель блестит от полировки или покрыта различными покрывалами. Японцу больше подходит *горонэ* — «полулежа». Отсюда появилось новое слово *тэрэнэ* — «прилечь у телевизора».

Служащий, уставший за неделю на службе, в воскресенье дает себе волю — разваливается на татами, опершись на локоть, и смотрит телевизор.

Повседневная обычная поза японца, в которой он чувствует себя раскованно, — это сидячая поза. Интерьер национального японского дома устроен таким образом, что все его примечательности — токонома, икебана, тигайдана оборудованы на уровне обзора сидящего на татами человека. Уровень обзора сидящего является одним из стандартов японской культуры.

Сесть на татами по-японски — это встать на колени и опуститься на скрещенные ступни ног. Только длительная тренировка сидения с детства дает возможность удерживать данную позу более получаса. Когда японцы чувствуют неудобства или когда заноют их ноги, они принимают более вольные позы. По японским нормам японке никогда не разрешается сидеть со скрещенными перед собою ногами, будь она даже в брюках.

2. ВЗАИМОДЕЙСТВИЕ ОБЩАЮЩИХСЯ

Когда человек пересекает границу другого государства, вступает в атмосферу иной культуры, ему не всегда легко осуществить контакт с местными жителями. Не так сложно, например, найти куда-нибудь дорогу, выбрать что-нибудь себе поесть и т. д. Это можно сделать с помощью многочисленных справочников и путеводителей. Не так уж трудно бывает установить с кем-либо и первое знакомство. Затруднения появляются позднее, когда прибывший вступает в активное взаимодействие с людьми, начинает свои деловые контакты.

Взаимоотношения в Японии обставлены многочисленными условностями и традиционными предписаниями. Данное замечание в особенности относится к непосредственным контактам. При непосредственном контакте неизбежны взаимные взгляды. Психологические исследования показывают, что манера смотреть в глаза в процессе общения в различных культурах различна. Выявлены «глазую-

щие» культуры, где общающиеся прямо смотрят на собеседника (Франция, Италия, Ближний Восток, Южная Америка), «менее глазающие» культуры (США, Скандинавия, Восточная Европа) и «застенчивые» (Япония, Китай, Юго-Восточная Азия).

На первый взгляд можно отнести японцев к типу «глазеющих». Это связано с тем, что они нередко напускают на себя сердитый вид, принимают позу устрашения. Подобная манера поведения была нормой у самураев. Известно, что самурай, выйдя из дома, внимательно всматривался в проходящих людей, как бы отыскивая среди них врагов. Старое японское изречение гласило: «Когда самурай выходит на улицу, он должен встретить семеро врагов». От этого его лицо делалось напряженным, а взгляд «устрашающим». Безусловно, эта манера не могла не оставить следов в психологии японцев. Тада Мититаро рассматривает, например, «устрашающий» взгляд японцев в качестве маски, за которой скрывается застенчивость.

Опустить лицо, потупить взор, отвести взгляд в сторону, рассуждает Т. Мититаро, исторически оказывалось более приемлемым для простого народа, а «прямо уставившиеся глаза», как манера поведения, больше подходило к сюзеренам, т. е. к довольно малочисленному племени населения. Отведение взгляда в сторону представляет собой одну из существенных сторон контактного общения в Японии. Японцы очень удивляются, если, сморкаясь в платок, иностранец обращается в их сторону, да еще раскрывает широко глаза. Японцы делают это, отворачиваясь, застенчиво бормоча извинения. Партнер по беседе, глазающий на собеседника, воспринимается в Японии как лицо, не обладающее тактом.

Когда японцы беседуют между собой, они ищут какой-то нейтральный объект, на который бросают взгляды. Это может быть книга, безделушка, иной предмет. В японском доме икебана используется для этих целей.

Как известно, икебана, помещенная в токонома, сразу же бросается в глаза посетителю. По обычаю вошедший всегда начинает с традиционных восклицаний по поводу икебана. Рассматривая ее, гость в то же время улавливает настроение хозяев. Он воспринимает его по тону голоса, жестам, позе, походке и т. д. Наличие такого рода амортизаторов в межличностных контактах — непременный атрибут общения в японской культуре.

Для того чтобы смягчить напряжение от взгляда человека, которого японец видит впервые, наиболее желательным для японца будет сесть с ним за стол и пообедать. За столом партнеры, перебирая амортизаторы общения (меню, приборы, блюда), привыкают к взглядам друг друга и нередко делаются *мисиригоси* (хорошими знакомыми). У японок в этом отношении дела обстоят сложнее.

Японская женщина, привыкшая к специфическому японскому этикету, еще труднее переносит взгляды. Даже когда японка приглашена по делу к официальному лицу, она старается прийти с кем-то вдвоем. В данном случае японка руководствуется часто не чувством настороженности, а потребностью разделить на двоих «нагрузку чужого взгляда».

Традиционно в Японии добродетельным поведением женщины считается, когда она молчит и отводит глаза. Пристальный взгляд женщины на незнакомца рассматривается как призыв к интимности. Японку всегда устрашали этим жупелом непристойности, но, как и все другие женщины мира, она не могла оставаться вечно безмолвной. Как можно было найти из этого круга выход? Японка начала общаться через символику икебана. Икебана стала первым посредником в общении вступающих в контакт.

Общение в Японии подчиняется многочисленным правилам этикета.

Японский этикет. При обращении японцев друг к другу обычно применяется слово «сан», что значит «господин». Употребительно также и слово «сэнсэй» (дословно «ранее родившийся»). Обычно это слово выступает в значении «учитель». Оба слова ставятся после фамилии (например, Сато-сан), «сэнсэй» употребляется и самостоятельно.

В Японии все приветствия сопровождаются поклонами. Поклон (*одзиги*) является наглядным отражением социальных отношений. Вот несколько неписаных правил, дающих понять, кто, кому и как отвечает поклон.

(1) Старший является вышестоящим для младшего. Японский язык кодифицирует такие различия даже в семье: братьев и сестер (или даже сыновей и дочерей) называют не по личным именам, а по «возрастным» (например, *нисан* – Старший брат). (2) Мужчина – вышестоящее лицо по отношению к женщине, отец – в сравнении с матерью. Женщина может быть и более влиятельна

в семье, но социально она стоит ниже. (3) Учитель — всегда вышестоящее лицо, независимо от его возраста или иных обстоятельств. И если однажды случится так, что ученик станет премьер-министром и вдруг встретит своего бывшего учителя, он будет кланяться ему так же низко. (4) Гость воспринимается хозяином как вышестоящее лицо; это правило соблюдает и персонал гостиницы. (5) Продавец низко кланяется покупателю, торговец — клиенту, взявший займы — заимодавцу. Чем больше получаемые благодеяния, тем ниже поклоны. (6) В школах, клубах или организациях, где ранги зафиксированы, человек низшего ранга ниже кланяется коллеге, имеющему более высокий ранг.

Существует три вида поклонов: *сайкэйрэй*, ординарный (церемониальный) поклон и легкий поклон. Слово *сайкэйрэй* обозначает высшую форму приветствия — поклон, который совершается медленно, глубоко и выражает полное почтение. Так кланяются перед алтарем в синтоистском храме, в буддийском монастыре, перед национальным флагом. Раньше поклон *сайкэйрэй* отвечивался и императору, после войны японцы приветствуют императора так же, как и других людей. При ординарном поклоне корпус наклоняется на 20–30 градусов и в таком положении сохраняется около двух-трех секунд. Если приветствуют, сидя на полу, то руки кладут на пол ладонями вниз на расстоянии 10–20 сантиметров, голову склоняют так, чтобы она находилась над полом на высоте 10–15 сантиметров. В случае легкого поклона делается небольшой наклон корпуса и головы, продолжающийся лишь одну секунду. Руки при этом держат по бокам или на коленях.

Раньше при встрече со старшим, если младший ехал на велосипеде, полагалось сойти с него и поклониться, если шел в пальто, — снять пальто, а уже потом приветствовать. Теперь все это считается излишним. Единственно, что требуется, — это при встрече со старшим остановиться и поклониться первым. Если одна рука занята, то вторую все равно нужно опустить ладонью вниз до колен. На улицах поклоны отвешивают менее глубокие, чем в помещениях, в этом есть резон: соблюдение всех формальностей поклона может быть помехой для других прохожих. Теперь даже сами японцы посмеиваются над теми, кто усердствует в ритуале поклона. Однако нередко можно наблюдать, как один из отвешивающих поклон, подняв голову, увидел, что

другой еще находится в согнутом положении, и спешит снова поклониться. Затем то же самое повторяет другой и т. д. Никто не хочет показаться невежливым.

Японцы кланяются друг другу по несколько раз в день. Если встречаются со старшим, например, в учреждении, то в первый раз отвешивают ординарный поклон. При последующих встречах в течение того же дня полагается делать легкий поклон. При уходе родителей и при их возвращении принято, чтобы домашние провожали их до двери и встречали. У японцев вошло в привычку при уходе говорить: «Я иду», а по возвращении: «Я вернулся».

Ритуал поклона, хотя он и самим японцам кажется довольно громоздким, продолжает существовать. С него, собственно, и начинается общение людей.

До начала XX в. большинство японских женщин сидело все время дома. Лишь иногда они посещали родственников или друзей, где любили беседовать за чашкой чая. Теперь эти ограничения сняты. Женщины ходят в гости, принимают знакомых дома. Женщин в Японии учат процедуре встречи гостей, их развлечения, угощения и т. д.

В ответ на приглашение войти в дом обязательно отвечают: «Благодарю вас, с удовольствием». Раньше воспитанные гости снимали пальто перед входом в дом. Сейчас можно снимать пальто и в помещении. Если приходит гость, то хозяйка сама провожает его внутрь дома, при этом она открывает и закрывает раздвижные двери, становясь на колени.

В японском доме самым почетным местом считается место у токонома, затем у книжной полки и зигзагообразной полки тигайдана. Место у входа — менее почетное, и сначала гость должен занять именно его, если ему не предложили сразу другого. Если это место занято, то можно садиться и на другие места, за исключением места у токонома, которое занимают только по приглашению хозяев. Раньше у японцев было принято угощать гостя обедом, когда бы он ни пришел. После войны в обычай вошло предлагать только чай.

Если гость пришел первый раз, то он находится в доме не более получаса. При удобном случае он должен сказать: «Я долго беспокою вас, извините, пожалуйста». Если хозяева продолжают удерживать, то гость обязан сказать: «Спасибо, но, пожалуйста, позвольте мне откланяться». Прощаясь, гость кланяется и идет к выходу. Сняв домаш-

ние туфли, он поворачивает их носками внутрь комнат. У выхода гость снова кланяется, благодарит за гостеприимство, берет пальто и уходит. Есть японцы, которые, несмотря на настойчивые просьбы хозяев, не станут надевать пальто, пока не выйдут за ворота.

Старинный обычай наделять подарками каждого гостя отмирает. Японцы понимают, что человек, зная, что ему придется взять подарок, может и не зайти. Единственное, что сглаживает эту неловкость, — это подарок гостя. Согласно обычаю, подарок не разворачивают в присутствии вручившего. Однако в наше время все больше японцев начинают придерживаться западных обычаев, когда считается естественным интересоваться подарком при его вручении.

Любой подарок в Японии заворачивают в белую бумагу и перевязывают бумажным шнуром. В официальных случаях используется специальная бумага. На свертке обязательно делается надпись. Содержание и само оформление надписи зависит от того, по какому случаю преподносится подарок. Если это связано с радостным событием, то желают счастья, если с печальным, пишут *го-рэйдзэн* (духу усопшего) и т. д. Различаются такие надписи, как *о-рэй* (благодарность), *о-мимай* (выражение соболезнования), *о-сэмбэцу* (прощальный подарок).

Вручитель пишет свое имя внизу свертка посередине, имя того, кому делается подарок, пишется вверху слева. Получая подарок, люди благодарят и отвешивают поклоны.

В Японии утвердились и неукоснительно соблюдаются сложные процедуры поведения за столом. Особенностью японской трапезы является особо учтивое поведение. Главный принцип здесь: делать так, чтобы было приятно соседу. Японцы стараются прежде всего налить рюмку рядом сидящему, подвинуть к нему различные блюда, словом, сделать так, чтобы соседу было удобно. «Делая как можно больше приятного чело веку, — говорит Тада Мититаро, — мы, японцы, сами получаем от этого большое удовольствие».

При входе в национальный японский ресторан гостей с поклонами встречает хозяйка заведения и выражает радость по поводу такого события. Хозяйка принимает обувь гостей, предлагает им шлепанцы и провожает до отведенного кабинета. Гости оставляют шлепанцы у двери каби-

нета и в носках ступают на татами. Там они усаживаются по-японски за низкие столики и, соблюдая ритуал, отдают себя в распоряжение прислуги. Гостям приносят горячие надушенные полотенца, чтобы они вытерли лицо и руки, и начинают сразу же, но без какой-либо спешки обслуживать. По окончании трапезы вновь приносят горячие полотенца и подают счет, который включает все услуги. Чаевые в Японии не приняты. Провожать гостей бросаются со всех ног. Им помогают надеть обувь и верхнюю одежду, подают вещи, причем делают это с неподдельным дружелюбием.

Японский этикет со своими многочисленными правилами сегодня воспринимается японцами как довольно обременительная процедура, поэтому он всячески упрощается. Постепенно уходят из сферы общения сложнейшие приемы поклонов, приветствий и ответов на приветствия. Неизменным в японском этикете остается следование правилу: делать приятное другому. Довольно щепетильным моментом в японском этикете является касание собеседника при общении.

Касание демонстрирует эмоциональную взаимоприемлемость. Среди японцев, пишет Тада Мититаро, считается важным «взаимное касание». В повседневной жизни, подчеркивает он, можно наблюдать, как мужчина подходит к товарищу, хлопает его по плечу и говорит: «Сегодня вечером выпьем по маленькой», или как девушки, покатываясь со смеху от чего-то смешного, задевают своих подружек. Говоря в целом, заключает Тада Мититаро, для японцев «касание» не является табу: касаясь друг друга на улице плечом, они не испытывают недоумения или замешательства; японцы совсем не считают это «неэтичным». С японской точки зрения, кажется смешным и странным то, что европейцы с большой нервозностью относятся к прикосновению. Диаметральную противоположную точку зрения высказывает Дин Барнланд [160], специально изучавший этот вопрос.

Д. Барнланд провел социально-психологическое исследование, собирая информацию о частоте касания общающихся в Японии, о том, кого касаются при общении японцы, а кого стараются не касаться, как относятся к прикосновению мужчины и как женщины и т. д. Все эти данные были проанализированы в сравнении с такими же данными об американцах. К исследованию привлекались

240 студентов обоего пола, американцев и японцев, обучающихся в США.

На основании обследования Дин Барнланд утверждает, что японцы живут в значительной изоляции друг от друга. Так, из 120 испытуемых японцев, отмечает он, несколько десятков человек смогли вспомнить случаи, когда сами касались кого-либо в общении или когда собеседник касался бы их самих. Были и такие, кто вообще не смог назвать ни одного случая такого прикосновения.

Эти выводы кажутся нам слишком категоричными. По нашим наблюдениям, хотя японцы не проявляют стремления касаться собеседника, это правило строго применяется лишь по отношению к иностранцам, а между собой японцы часто ведут себя так же, как и люди на Западе, конечно, проявляя свойственную им сдержанность, особенно по отношению к старшим.

Доверительность в общении. Люди, общаясь друг с другом, так или иначе раскрываются перед собеседником. Замечено, что представители одних культур делают это свободно даже при первых встречах с незнакомыми людьми, в других культурах собеседники демонстрируют скрытность. Для японцев характерно последнее. Эта особенность соответствует общей тенденции общения в японской культуре: японцы не открывают душу перед первым встречным. Общение с хорошим знакомым устраивает их больше. Отсюда определенная специфичность в выборе тематики бесед.

Социально-психологические исследования показывают, что каждая культура имеет специфическую тематику беседы. Эта тематика группируется под несколькими рубриками: а) общественное мнение (политические, религиозные, социальные проблемы); б) житейские интересы (продукты и характер питания, телевидение, музыка, книги); в) работа (мотивы, трудности, профессиональные способности, обучение мастерству); г) финансовые заботы (доходы, затраты на жизнь, сбережения); д) личностные факторы (восприятие себя как личности, отношение к другим, оценка человеческих достоинств и недостатков); е) физические данные (восприятие внешности, мнение о здоровье и физических возможностях, секс). В зависимости от собеседника, будь это мать, отец, друг или подруга, незнакомец или лицо, вызывающее недоверие, люди по-разному раскрывают себя в общении, в различных куль-

турах по-разному подходят к указанным темам обмена информацией [160].

У японцев обнаружена следующая иерархия тематического общения: житейские интересы, работа, проблемы политики, финансовые заботы, личностные факторы, вопросы физического состояния и секса. Можно сказать, что японцы в процессе общения предпочитают вести речь прежде всего о вкусах, телевизионных передачах, книгах, работе и политике. Формирование доверительности у них идет именно в этой последовательности. Поэтому перескакивание собеседника через общие вопросы и попытка сразу начать разговор о вопросах личного порядка вызывает негативную реакцию.

Доверительность в общении начинает формироваться с того момента, когда люди чувствуют тягу друг к другу. Выраженность этой тенденции у различных народов различна. Для того чтобы у японца сложилось мнение о том, что «этому человеку доверять можно», необходима не одна встреча, беседа, совместное пребывание где-либо. Другими словами, межличностная дистанция при общении в японской культуре длиннее, чем на Западе.

Поскольку доверительность складывается в совместном переживании событий межличностного плана, то незнакомцу в Японии приходится проделывать сложный путь переживания по тематике бесед, пока станет возможным обсуждать с японцем эти проблемы. Однако, переходя к личной тематике, незнакомец еще не может считать свою задачу решенной. Его подстерегают новые подводные камни — это языковые барьеры.

3. ОСОБЕННОСТИ РЕЧЕВОГО ОБЩЕНИЯ

В устном общении японцы часто испытывают робость, неловкость и смущение, когда беседуют с иностранцами. Последние поэтому находят японцев уклончивыми, пассивными и не обладающими даром речи. Так ли это?

Если обратить внимание на то, как японцы слушают собеседника, как обдумывают ответы на вопросы, как ведут полемику, то можно заметить, что они просто не считают достоинством наступательную манеру общения: говорить без умолку для японца — не добродетель. Сдержанность вообще является нормой их поведения. Детей

они с ранних лет приучают не говорить слишком много, не перебивать говорящего. Детей учат не разговаривать во время еды, не вступать в общение с незнакомыми людьми, если в этом нет особой необходимости. К тому же японцы озабочены своей репутацией, сохранением лица, и потому избегают всего, что может поставить их в неловкое положение.

В результате опроса, проведенного в Японии в 1976 г., было установлено, что 76% опрошенных считают, что молчаливый человек имеет больше шансов добиться успеха в делах, чем красноречивый. Свыше 65% опрошенных женщин высказалось в пользу молчаливого кандидата для замужества.

Многие японцы, которые считают себя красноречивыми, предпочли бы быть молчаливыми. И все же возникает вопрос: «Можно ли японцев назвать молчаливниками?» По-видимому, нет!

Молчание — золото? Нужно признать, что японцы менее разговорчивы, чем, например, американцы. Однако они не молчаливники. Психологи подсчитали, что более чем четыре часа в день японцы вовлечены в разговоры друг с другом. Как видно, для японца «молчание — не золото».

Тем не менее японцы не стремятся к разговорам, предпочитая обходиться без частых высказываний. Исследования свидетельствуют о том, что большая часть японцев испытывает определенное чувство страха перед устным выступлением. По сравнению с американцами, например, японцы более пассивны во всех видах речевого общения. Основные характеристики речевого общения японцев будут следующими:

1. В большинстве социальных ситуаций японец не управляет ходом беседы и не пытается ее поддерживать. В разговоре он не стремится господствовать или убеждать. Японец обычно делает короткие замечания и не произносит длинных тирад. Есть все основания сказать, что типично для японца чувство ответственности за свои слова.

2. Японец не склонен сам начинать разговор, он предоставляет делать это другим. Говорит он с осторожностью, не позволяет себе свободных высказываний, однако в компании с друзьями и хорошо знакомыми японец разговаривает охотно.

3. Типичному японцу не свойственна беглость речи, в

разговоре он часто делает паузы. Японец сознает это как недостаток для публичных выступлений.

4. Японцы проявляют очень большую избирательность в отношении собеседника, для них важна группа, к которой тот принадлежит. В связи с такой особенностью японцы воздерживаются от разговора с малознакомыми людьми и поэтому на различных конференциях и встречах часто остаются без компаньонов. Японцы нередко совершенно равнодушны к тому, прислушиваются к их мнению или нет.

5. Японцы ценят доброжелательный тон общения. Они далеко не всегда станут возражать своему собеседнику, даже если он высказывает противоположную точку зрения. Речь японца не конкретна.

Расплывчатость речи. В японском языке многие слова включают в себе сложнейшие социальные оттенки. Подтекст, который присущ всякому высказыванию, в японском языке обладает исключительно большим весом, иногда весь смысл сказанного можно почувствовать только за словом. В целом примерно одна десятая существа дела лежит на поверхности и может быть подвержена словарному анализу, остальное — в подтексте, в самом построении беседы, в развитии обсуждения и т. д., что создает ощущение расплывчатости речи.

Сам строгий японского языка, пишет С. В. Неверов, дает в этом отношении большие возможности, позволяя изменять, например, смысл сказанного одним заключительным словом. Это ведет к избытию некатегорических форм высказывания и в конечном счете к неконкретности. «В нас заложена привычка опасаться четких форм выражения», — говорит японский лингвист Э. Ивабути [107, с. 59].

В речевом общении японец при обращении выражает свою социальную позицию: подчиненное положение или, наоборот, превосходство по отношению к собеседнику. Это делается с помощью специальных префиксов, суффиксов, определенных слов. Одна группа существительных, местоимений, глаголов употребляется только по отношению к нижестоящему, другая — к вышестоящему, третья — только по отношению к равным. Раньше местоимение Я имел право употреблять только император.

Не далее как полвека назад в японском языке употребляли шестнадцать слов для обозначения «вы» и «ты». На сегодняшний день сохраняется до десятка форм личного

местоимения второго лица единственного числа при обращении к детям, ученикам, слугам. Имеются девять слов для обозначения понятия «отец», одиннадцать — «жена», семь — «сын», девять — «дочь», семь — «муж». Правила употребления всех этих и ряда других слов коренятся в социальном окружении и связаны с устоями.

Богатейшая синонимика разговорного языка позволяет японцам по-особому строить беседу, дает возможность тактично касаться деликатных тем.

Когда разговор ведется «вокруг да около», люди западной культуры обычно стремятся поскорее уяснить дело и поставить точки над «и». Японцев же раздражает такая прямолинейная манера, она кажется им угловатой. В Японии довести дело до полного разрешения в ходе беседы — значит сделать так, чтобы наиболее острые углы были сглажены, закруглены. «Кадо-га торэру» (обходить, сглаживать острые углы), — говорят японцы. Они предпочитают вести обсуждение так, чтобы оно продвигалось вокруг сути дела до тех пор, пока не будут представлены все точки зрения. В этом случае суть постепенно и выявляется, поскольку каждый уже как бы определяет самое главное путем «окружения» его в процессе дискуссии, путем многократных подходов к нему по концентрическому кругу. Говорят, что японцы обучаются такой тактике ведения беседы во время игры в «го». В этом есть доля правды.

Расплывчатость японской речи особенно сильно проявляется в манере говорить «нет».

Как сказать «нет»? В Японии редко прибегают к категорическому отрицанию.

Японцы считают, что безусловное «нет» уместно в кругу родственников или в крайнем случае в общении с близкими друзьями. При взаимодействии с «другими», чьи чувства и настроения неизвестны, японцы избегают резко го «нет». Русскому «нет» в японском языке примерно соответствует слово *ийэ*, которое несет в себе заряд формальности и категоричности. Хотя не существует каких-либо правил, ограничивающих употребление *ийэ*, японцы стараются обходить это слово. Вместо *ийэ* в Японии применяются дюжина различных оборотов речи.

Хотя многие японцы сегодня считают, что лучше было бы в разговоре не уходить в сторону и, когда нужно, говорить «нет», общепринятые нормы довлеют над ними.

Японцы часто пользуются выражениями, которые легко можно истолковать и как «да» и как «нет». В одних случаях они прибегают к подобного рода выражениям, если не знают, как вести себя в конкретной ситуации, в других случаях пользуются ими, чтобы избежать невежливости.

Японцы считают, что если даже собеседник чувствует, что ему отказывают, с ним не соглашаются и т. д., но делают это мягко, не оскорбляя его чувства собственного достоинства, он легче примет отказ. В связи с этим японцы вводят в речь «мягкие» обороты-отрицания, которые не отталкивают собеседника, создают у него надежду на продолжение контакта. Такая манера общения служит внешним проявлением одной из основных черт японского национального характера — вежливости.

Молчание тоже может быть знаком «нет». В толковом словаре японского языка подчеркивается, что молчание — это не вакуум общения, а состояние, когда собеседник вынужден воздерживаться от внешнего выражения своих мыслей и переживаний. Молчание нередко используется как знак отрицания в ответ на просьбу незнакомцев или малознакомых людей.

Когда собеседник хочет сказать «нет» в ответ на какую-нибудь просьбу или вопрос, он использует такой вид отрицания, как контрвопрос. Так, на предложение «Не хотите ли пообедать в ресторане?» японец может сказать: «А почему вы это спрашиваете меня?» После контрвопроса настаивать на повторном приглашении, с точки зрения японцев, просто неэтично.

Иногда, чтобы избежать категоричного *ийэ*, японцы переводят разговор на другую тему. Этим японец дает понять, что его реакция на вопрос отрицательна и он ожидает, что собеседник проявит такт, прекратив дальнейшие расспросы. Когда японец видит, что его партнер не улавливает намеков, он может покинуть собеседника без всяких объяснений.

Если японцы хотят ответить отрицательно, но не имеют веских аргументов, они ссылаются на плохое самочувствие, ранее данные обещания, занятость и т. д. Бывает, что спрашивающий верит в подобные объяснения, однако чаще воспринимает их как отрицание, как эквивалент *ийэ*.

Вместо ответа на вопрос собеседник может подвергнуть критике саму постановку вопроса, как бы подчеркивая,

что вряд ли стоит вообще отвечать. Этот прием в основном используется собеседником, стоящим на более высокой социальной позиции, чем спрашивающий. Собеседник низкого ранга такого рода критических замечаний обычно не высказывает.

Когда спрашиваемый оказывается в неловком положении, он может извиниться перед собеседником за то, что ему не хотелось бы отвечать на заданный вопрос. Это случается, например, когда вопрос касается, скажем, личности близкого или влиятельного лица. Когда японец чувствует, что не сможет выполнить какую-либо просьбу, он может сказать, что приложит к этому все усилия, говорит, что сделает все возможное, но если его старания не приведут к результату, то заранее просит извинить его. Это есть самый настоящий отказ. Словосочетание «да, но...» также означает отказ в Японии, хотя и выглядит в виде формального согласия: «Я сделаю это, однако меня что-то берет сомнение — смогу ли я». Такой прием отрицания обычно используется, когда к японцу обращаются с просьбой «с места в карьер», т. е. не дав обдумать ситуацию.

На прямо поставленный вопрос нередко отвечают «Кангаэтэ окимас» («Надо подумать»). Это означает отказ. Данный прием наиболее употребителен в общении на деловые темы, хотя к нему часто прибегают и в обычном каждодневном взаимодействии. Конечно, судить о смысле такой фразы можно только с учетом ряда сопутствующих факторов: выражения лица, тона, ситуации в целом. Надо сказать, что люди различных возрастных групп по-разному оценивают фразу «Надо подумать». Пожилые рассматривают ее как отрицание. Японская молодежь склонна воспринимать фразу «Надо подумать» в ее прямом смысле.

Указанные выше особенности отрицания во многом связаны с приверженностью японцев к вежливости. Вежливость, справедливо подметил Н. Т. Федоренко, чрезвычайно характерна для всех японцев. «С прислугой в ресторанах, к а ф е , — пишет о н , — обращаются вежливо. Стандартное обращение к официантке: „Тётто, нэ-сан" — „Сестрица, на минуточку!" При рассказе собеседника считается невежливым сохранять молчание. В таких случаях неоднократно повторяют излюбленное стандартное выражение: „Со дэс ка?" — „Вот как?"» [146, с. 373]. Особая вежливость и такт нашли свое отражение в специфике речевого общения.

Вежливая речь. Известный японский профессор Римпэй Маруяма пишет, что «вежливые обороты речи и специальные выражения учтивости или самоуничижения можно найти почти во всех языках мира, однако японский язык в этом отношении находится на первом месте». Крупный лингвист, знаток японского языка англичанин Чемберлен в свое время говорил, что «нет в мире другого такого языка, который содержал бы в себе такое огромное количество правил и оборотов вежливой речи, как японский» (цит. по [146, с. 373]).

Современный японский язык содержит в себе сложнейшую систему построения вежливой речи, которую нельзя считать лишь фразами изысканной учтивости. Умение быстро и правильно пользоваться такой речью составляет едва ли не самую трудную сторону овладения японским языком. Иностранцы, замечает Н. Т. Федоренко [146, с. 373–378], хорошо владеющие японским языком, обычно употребляют самые примитивные формы вежливой речи, так как полностью овладеть этой системой «возвеличивания собеседника и уничижения себя» удастся только после длительной практики, пребывания в языковой среде, постоянного общения с японцами. Понимая это, японцы прощают многие ошибки и упущения, допускаемые иностранцами, но они очень требовательны и строги, когда собеседник-японец нарушает «кодекс учтивости».

О значении, которое сами японцы придают этому кодексу, можно судить по замечанию того же Маруяма, отмечающему, что «по одному только умению употреблять вежливые обороты речи японец легко определяет культурный уровень собеседника». Здесь следует отметить, что условности, составляющие вежливую речь, постепенно упрощаются, однако они все еще остаются весьма весомым слоем японского языка.

Вежливая речь, по мнению Н. Т. Федоренко, имеет три основных аспекта. Во-первых, разговор со старшим по службе или по возрасту, занимающим более высокое социальное положение, и т. п. Во-вторых, разговор с равным и, в-третьих, обращение к низестоящим. В диалоге у японцев нет ни одной фразы, которая не имела бы на себе следов одного из указанных аспектов. «Мысль о том, чтобы себя в речи унижить, а собеседника возвысить, не покидает мозг говорящего японца».

Вежливая речь образуется путем подбора специальных

слов и выражений и особыми морфологическими образованиями, специально предназначенными для этой цели. Существуют глаголы, употребляемые только применительно к действиям первого лица. Есть также глаголы, относящиеся исключительно ко второму лицу. Нарушить это правило или отступить от него — значит попасть в смешное положение. Например, глагол «приходить» имеет для первого лица варианты: *куру, маиру, сандзё-суру*; для второго лица: *оидэнинару, о-миэнинару, корарэру, ирассяру*.

Чтобы сказать, например, «мне дают», «я даю» или «я беру», надо учитывать конкретную систему отношений с собеседником. Японцы до сих пор строго соблюдают сложившиеся веками нормы вежливой речи, без которой трудно представить себе диалог на любую тему. Особенно характерны формы и степени выражения благодарности.

Обычное слово «спасибо» или «благодарю» приобретает самые различные оттенки в зависимости от социального и служебного положения собеседника, а также от характера услуги или внимания, за которые выражается благодарность. Наиболее распространенным выражением благодарности, употребляемым с собеседником, занимающим более низкое положение в обществе, а также в семейной обстановке в устах родителей по отношению к детям, является «аригато!». Общепринятый стандарт или норма в публичных выступлениях и в общении с малознакомыми людьми, а также в устах детей по отношению к родителям — «аригато годзаймас!» Менее распространенная форма, но столь же вежливая, в последние годы — «аригато дзондзимас!»

Наиболее часто употребляемые речевые варианты выражения благодарности следующие [146, с. 374]:

- 1) Канся итасимас!
- 2) Канся ни таэнай сидай дэ годзаимас!
- 3) О-рэй о-мосимас!
- 4) Гокуросама!
- 5) Осорэиримас!
- 6) О-сэва сама-ни наримасита!
- 7) Итадакимас!
- 8) Готисо сама дэсита!

Каждая из этих форм имеет конкретную значимость, определенную обусловленность и предполагает соответствующую ситуацию. Например, *осорэиримас* применяется в знак благодарности за комплимент или похвалу, а также

в случае приглашения к столу для трапезы или предложения занять место (только в отношении вышестоящих или старших лиц). Форма *гокуросама* применяется для выражения благодарности за оказанную услугу безотносительно к положению собеседника. Для выражения благодарности за подарок, а также за всякую самую малую услугу или за приглашение в гости применяется форма *о-рэй о-мосимас*. Форма *о-сэва сама-ни наримасита* используется для выражения благодарности, например, в значении «спасибо за внимание и обслуживание». Выражение *итадаки-мас* преимущественно употребляется в тех случаях, когда принимается предложенное угощение. Для выражения благодарности в значении «спасибо за угощение» применяется форма *готисо сама дэсита*.

Правильное употребление всех многообразных форм и степеней вежливости рассматривается японцами как само собой разумеющееся и усваивается с самых ранних пор, практически с первых шагов ребенка. И всякое отступление, а тем более нарушение в применении соответствующих форм и степеней осуждается как нарушение общепринятых норм, неперемennых правил общения.

Вежливая речь, бытующая до сих пор в Японии, нередко ставит иностранцев в чрезвычайно трудное, а порой и смешное положение. Незнание этих условностей часто заставляет отделяться молчанием, когда элементарная вежливость требует немедленно реагировать на высказывания собеседника. Однако известно, что для японца приятнее слышать от собеседника ничего не значащие восклицания, чем неуместные замечания или, еще хуже, неуместные вопросы.

Пословицы. Пословицы представляют собой зеркало нации, в пословицах отражена психология этнической общности людей. Пословицы говорят о мировоззрении народа, его национальном характере, чувствах и чаяниях. Японские пословицы углубляют наши представления об этой стране.

Приведем несколько десятков пословиц, имеющих хождение в различных слоях японского общества:

1. Где люди горюют, горюй и ты.
2. Радуйся и ты, если радуются другие.
3. В дом, где смеются, приходит счастье.
4. Не бойся немного согнуться, прямее выпрямишься.
5. Пришла беда — полагайся на себя.

6. Друзья по несчастью друг друга жалеют.
7. И Конфуцию не всегда везло.
8. Нет света без тени.
9. И добро и зло — в твоём сердце.
10. Злу не победить добра.
11. Бог живет в честном сердце.
12. Выносливость лошади познается в пути, нрав человека — с течением времени.
13. Где права сила, там бессильно право.
14. Таланты не наследуют.
15. И мудрец из тысячи раз один раз да ошибается.
16. Слугу, как и сокола, надо кормить.
17. Любит чай замутить.
18. Кто родился под грохот канонады, тот не боится оружейных залпов.
19. Женщина захочет — сквозь скалу пройдет.
20. Бессердечные дети отчий дом хают.
21. Какая душа в пять лет, такая она и в сто лет.
22. Об обычаях не спорят.
23. Кто чувствует стыд, тот чувствует и долг.
24. Кротость часто силу ломает.
25. С тем, кто молчит, держи ухо востро.
26. Кто плавать может, тот и утонуть может.
27. За излишней скромностью скрывается гордость.
28. Прямой человек, что прямой бамбук, встречается редко.
29. Свою лысину три года не замечают.
30. Из пороков самый большой — распутство, из добродетелей самая высокая — сыновний долг.
31. Сострадание — начало человеколюбия.
32. Гнев твой — враг твой.
33. Лошадь узнают в езде, человека — в общении.
34. И камень может проговориться.
35. Металл проверяется на огне, человек — на вине.
36. У кого веселый нрав, тот и сквозь железо пройдет.
37. Кто любит людей, тот долго живет.
38. За деньги ручайся, за человека — никогда.
39. Рождают тело, но не характер.
40. Кто пьет, тот не знает о вреде вина; кто не пьет, тот не знает о его пользе.
41. Где нет чувства долга и людского глаза, там все возможно.
42. У человека внешность обманчива.

43. Тигр бережет свою шкуру, человек — имя.
44. Прощай другим, но не прощай себе.
45. Чрезмерное послушание — еще не преданность.
46. Искренность — драгоценное качество человека.
47. Верный вассал двум сюзеренам не служит.
48. Если уж укрываться, так под большим деревом.
49. Писатель писателя не признает.
50. Хочешь узнать себя — спроси других.
51. Не будешь гнуться, не выпрямишься.
52. Нужен был — тигром сделали, нужда прошла — в мышь превратили.
53. Эгоист всегда недоволен.
54. Ущипни себя и узнаешь — больно ли другому.
55. Тщеславию, как и сыпи, любой подвержен.
56. Со старым человеком обращайся, как с отцом.
57. Хочешь узнать человека — узнай его друзей.
58. Задумал муравей Фудзияму сдвинуть.
59. Пляши, когда все пляшут.
60. В дружбе тоже знай границу.
61. Фальшивый друг опаснее открытого врага.
62. С деньгами и в аду не пропадешь.
63. Кто беден, тот и глуп.
64. Нечестно нажитое впрок не идет.
65. Деньги льнут к деньгам.
66. Колос зреет — голову клонит; человек богатеет — голову задирает.
67. Распутство лишает и денег и сил.
68. И Будда терпит лишь до трех раз.
69. Воля и сквозь скалу пройдет.
70. Кто терпелив, тот бедности не поддается.
71. Раннее вставание трем добродетелям равно.
72. Вспылил — дело погубил.
73. Ветви, что дают прохладу, не рубят.
74. Что оценивать шкуру неубитого барсука!
75. Отдать вору на хранение ключи.
76. Дурака никаким лекарством не вылечишь.
77. Кто в сорок лет глуп, тот умным не станет.
78. Близ умного дети, и не учась, читают.
79. Нет врага опаснее дурака.
80. Мудрому человеку не вода, а близкий зеркалом служит.
81. На подарок не жалуется.
82. Читать проповедь Будде.

83. И в пении и в танцах надо знать меру.
84. Ищет сладкого, а пирожок лежит на полке.
85. Коня за оленя принимает.
86. Кто слишком умен, у того друзей не бывает.
87. Когда насилие входит во двор — справедливость уходит.
88. Малые рыбки теснятся там, где большие.
89. Счастье приходит в веселые ворота.
90. Довод — сильнее насилия.
91. Стены слушают, бутылки говорят.
92. Купец купцу — враг.
93. Как только беда миновала — принарядись.
94. Пыль, нагромождаясь, образует горы.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

В послевоенное время, за каких-то два-три десятка лет, Япония превратилась во вторую промышленную державу капиталистического мира. По многим экономическим показателям она далеко опередила европейские страны и на внешнем рынке выступила грозным конкурентом Соединенных Штатов Америки.

Причины столь необычного промышленного «скачка» разноплановы. Здесь, как довольно убедительно показано в известных работах советских авторов по экономическим и общественно-политическим проблемам, сыграли роль такие факторы, как наличие в стране дешевой рабочей силы, помощь и кредиты США, закупки лицензий и патентов, усиление влияния государственного аппарата на экономические процессы страны и т. п. Довольно существенное воздействие на этот процесс оказали и национально-психологические особенности японцев, их национальный характер.

Практически все экономические и политические процессы, имеющие место в какой-либо стране, всегда бывают окрашены национально-психологической спецификой. К. Маркс в своей работе «Восемнадцатое брюмера Луи Бонапарта» показал, что «над различными формами собственности, над социальными условиями существования возвышается целая надстройка различных и своеобразных чувств, иллюзий, образов мыслей и мировоззрения» [3, с. 145]. Все эти явления оказывают существенное влияние на материальную жизнь общества, на нормы поведения. Трудолюбие народа, дисциплинированность, бережное отношение к материальным и духовным ценностям, увлеченность процессом труда и т. п. — эти сформировавшиеся веками качества определяют структуру и сущность национального характера народа, нации.

Приведенные в книге суждения о японском национальном характере, высказанные японскими, западными, русскими и советскими авторами, создают яркую картину на-

циональной специфики жизнедеятельности японцев. Эти суждения по форме выступают в виде описаний специфических характерологических черт поведения японцев, что соответствует утвердившимся у нас взглядам на методику оценки национально-психологических особенностей изучаемых этнических общностей [60, с. 105]. Однако указанные авторы, раскрывая эти особенности, нередко исходили при этом с позиций своей профессии или же делали упор на черты поведения, присущие узкому кругу японцев, с которыми им приходилось общаться. Так или иначе вычлененные ими черты характера оказались вне какой-либо системы. С целью систематизации основных черт японского национального характера мы сгруппировали их по трем разделам, выделив: а) общеэтнические черты; б) черты группового поведения; в) обыденно-жизнейские черты.

Вполне понятно, что такое деление условно. В действительности любая из названных черт проявляется во всех аспектах национального характера. Но сама реальная жизнь — общеэтническая ситуация, особенности группового общения, условия обыденного существования — диктует необходимость группировки черт характера именно по этим направлениям. В методологическом плане мы опираемся здесь на положения марксизма-ленинизма о том, что личность и общество существуют во взаимной связи, имея между собою в качестве связующего звена дополнительную социальную структуру.

Все, что сформировано в человеке, несет на себе печать общественного. Промежуточным звеном между обществом и человеком в единой системе человеческого бытия стоит группа: семья, друзья, сослуживцы и т. п., где и происходит становление и формирование личности. Наша группировка доминирующих черт японского национального характера по трем разделам базируется на объективных социально-психологических закономерностях. В деталях же, т. е. отнесение каждой конкретной черты к той или иной группе, не исключает известного допущения.

Исследования советских и зарубежных этнографов, социологов и психологов показывают, что все черты национального характера люди запечатлели в элементах культуры, понимаемой нами как совокупность материальных и нематериальных продуктов деятельности, социальных ценностей и способов поведения. Это имеет непосредственное отношение и к японцам.

Традиционно японские манеры каллиграфии, живописи, чайной церемонии, аранжировки цветов, приемы каратэ и других видов военно-спортивного искусства — это не только элементы какого-то направления культуры, но и шаблоны социализации, воспитывающие вполне определенные качества. С этими шаблонами тесно соседствуют унаследованные нормы социальной регуляции поведения, зафиксированные в различных моральных кодексах и народных поверьях. В книге прослеживается влияние этих и подобных им элементов культуры на духовный облик японской нации, дается представление о влиянии унаследованных шаблонов на современный стиль жизни.

Интенсивность жизненных процессов нашего времени и расширившиеся связи Японии с другими странами вносят серьезные изменения в условия существования народа. Изменяется архитектура Японии, быт, привычки и пристрастия японцев. Наряду с привычным традиционным рисом на столе японца все чаще появляется хлеб, и пить сегодня японец предпочитает пиво и виски, нежели сакэ. Многие японцы привыкают к иностранной кухне, живут в домах европейского типа и носят европейскую одежду. Однако японцы остаются японцами. Унаследованные национальные стереотипы поведения дают себя знать во многих жизненных ситуациях. Подавляющее большинство японцев продолжает сохранять приверженность к национальным обычаям, традициям японской самобытности. Национально-психологические особенности японцев, сформировавшиеся на протяжении тысячелетий, сегодня остаются в своей основе незыблемыми.

Опираясь на известные работы этнографов, социологов и психологов, а также на свои личные наблюдения, мы пытались показать сущность и проявление японского национального характера в самых различных аспектах социальной действительности, обратив внимание на отношение японцев к другим людям, к себе, к труду, к материальным и духовным ценностям. Мы будем считать свою задачу выполненной, если книга помогла читателю получить дополнительную информацию для более полного понимания духовного мира современного японца.

ПРИЛОЖЕНИЯ

Приложение 1

ЯПОНСКАЯ КУХНЯ

Японцы очень любят сырую рыбу. Перед употреблением ее режут тонкими ломтиками и замачивают в соусе (главным образом соевом), куда в зависимости от сорта рыбы добавляют хрен или уксус. Широко употребляется также рыба в жареном или вареном виде. Рыбу маринуют, вялят, сушат... Из рыбы японцы приготавливают многочисленные кушанья. Вот некоторые из них.

Кацуобуси. Рыба (тунец) готовится следующим образом: вынимаются кости, тушка режется на три части, варится и после этого сушится в духовке, затем долгое время висит в темном, прохладном, умеренно влажном помещении. В результате рыба покрывается специфической зеленью, ферментируется и приобретает своеобразный вкус и аромат. Готовый продукт может храниться годами. Из такой рыбы японцы готовят супы, добавляют в домашние консервы, которые едят с рисом.

Сушеная сепия. Это головоногие моллюски, кальмары, каракатицы. Их массами вылавливают у острова Хоккайдо и сушат на солнце. Высушенные моллюски становятся тонкими, как кленовый лист, их режут на мелкие кусочки и продают в пакетиках как жевательную резинку.

Осьминог. Осьминога слегка отваривают, режут на кусочки и замачивают в уксусе. Мясо осьминога довольно твердое, но японцам нравится его специфический вкус.

Суси. В Японии суси выполняет роль бутерброда. Суси представляет собой горстку подкисленного риса с ломтиком сырой рыбы. Рис смешивают со специально приготовленными овощами и иногда завертывают в лист морской водоросли.

Фугу. Блюдо готовится из небольшой рыбы (иглобрюх или фахак), которая, когда ее поймают, надувается и делается круглой. Ее едят и в сыром виде и жареной. Фугу должны готовить только искусные повара, имеющие специальные лицензии, поскольку внутренности рыбы содержат сильнейший яд, от него ежегодно умирают до 200 человек (в 1947 г. число умерших достигло 470).

Сасими. Готовится из сырой рыбы, особым образом нарезанной и обмакиваемой в соевый соус, иногда сбобренный японским хреном. Для приготовления блюда чаще всего используется тунец, морской лещ или фугу.

Тэмпура. Состоит в основном из креветок, которые обмазываются специальным тестом и жарятся в растительном масле. Вместо креветок могут использоваться мясо и овощи, но креветки все же считаются главным продуктом для тэмпуры.

Японцы употребляют в пищу и мясо, однако оно является все же дорогим удовольствием и потому многим не по карману. Нужно сказать, что до революции Мэйдзи (1868) мясо в Японии было редкостью. Теперь из мяса, как и из рыбы, японцы готовят самые разнообразные кушанья. Наиболее известное из них сукияки. Блюдо в его нынешнем виде стали готовить в Японии лет девяносто тому назад, оно состоит из ломтиков мяса и овощей, приготовленных со специальными приправами.

Японцы очень любят свои национальные кушанья удон и соба (которые можно сравнить с крупной лапшой). Удон замешивается на воде из пшеничной муки, а соба из смеси пшеничной и гречичной муки с добавлением яиц. Их отваривают и подают в самых различных сочетаниях с другими блюдами. Эти кушанья продают на улицах, в кафе и ресторанах.

Естественно, самым распространенным и основным кушаньем у японцев является рис. В мире известны семьсот сортов риса, в Японии культивируются сорок четыре, хотя одному сорту, а именно моти-гомэ отдаются предпочтение. Японцы едят рис два-три раза в день, без риса они не мыслят прожить и суток. Рис подается с различными приправами, но нередко его едят и без приправ. Японцы убеждены в том, что рис сохраняет их здоровье. И действительно в Японии меньше распространены сердечно-сосудистые заболевания, чем в западных странах. Возможно, что это связано с японской кухней, но не исключено, что и невысокая средняя продолжительность жизни японцев тоже имеет отношение к кухне.

Приложение 2

ИГРА ГО

Го пользуется популярностью в Японии с древних времен. Полагают, что игра была завезена более 1300 лет тому назад из Китая. На первых порах сохранялась китайская манера, но постепенно игра модифицировалась, приобретая специфические японские формы.

Игра Го ведется двумя лицами на доске, расчерченной 19-ю линиями в продольном и поперечном направлениях, образующими 361 пересечение. Применяются также доски с меньшим числом линий (13x13) и, естественно, с меньшим числом пересечений. Для игры прилагается комплект камней — 180 белых и 181 черный (один черный камень дается для компенсации преимуществ первого хода). Играющие по очереди ставят камни на пересечениях линий. Каждый должен полностью обвести своими камнями участок доски, по сумме пересечений превышающий «захваченную» противником территорию.

Легче обвести себе кусок территории у угла или края доски, так как часть ее уже огорожена краем. С этого обычно и начинается игра. Противник, в свою очередь, огораживает камнями себе участок. При этом он внимательно наблюдает за партнером, стараясь вовремя поставить свой камень к его ограде и, таким образом, помешать охвату намеченной территории. Партнеры, обходя чужие камни, стараются замкнуть намеченные участки своими камнями.

Игра Го предполагает неисчислимое множество комбинаций, так что никакой компьютер не может с нею полностью справиться. Игра дает простор развитию всех способностей человека (здесь расчет и комбинаторика, стратегия и тактика, понимание психологии партнера), поэтому она очень увлекательна. Игра кончается, когда не остается никаких возможностей для огораживания территории. На одну партию затрачивается примерно один час. Выигравшим считается тот, у кого огорожена большая площадь, легко исчисляемая заключенными в ограде квадратиками-очками.

В игре Го проверяются не только умственные способности и квалификация игроков, но и ценимые японцами черты характера. Игрок должен всегда быть сдержанным, не увлекаться, быть учтивым, стремиться к тому, чтобы игра доставляла удовольствие обеим сторонам, а расстановка камней на доске должна быть не только целесообразной, но и красивой. Известные японские мастера Го всегда говорили о том, что если соперники станут стремиться только к победе, они не получат эстетического удовольствия от игры. Один японский мастер в свое время сформулировал на этой основе главную заповедь игры в Го: «Играющие в Го должны отказать от эгоистической страсти к победе».

Игра Го в Японии занимает первое место среди комнатных игр. Считается, что в этой игре японцы получают наслаждение, познают характер своего партнера и самих себя. Чтобы познать конкретного человека, говорят японцы, надо сесть с ним за доску и сыграть несколько партий в Го.

Приложение 3

БОНСАЙ

Бонсай — это небольшое дерево или растение, выращенное в комнатных условиях, но во всей полноте сохраняющее красоту дерева, растущего на природе. Буквальное значение слова «бонсай» — «растущий на подносе». Разница между бонсай и обычными растениями в горшках заключается в том, что последними бывают те виды растений, у которых первостепенное значение придается цветам и листьям, тогда как у первых предметом эстетической заботы является сохранение пропорций всех частей дерева. Бонсай нередко бывает всего 30 см высотой, но все же в точности копирует высокое развесистое дерево, растущее в горах.

Существует много видов бонсай: с прямыми, наклонными, двойными или тройными стволами и т. д. Одно из последних направлений искусства бонсай ставит своей задачей создать на подносе целый участок леса.

Первое упоминание о бонсай встречается в письменных памятниках периода Камакура (1192—1333). Изображение бонсай можно увидеть на знаменитом свитке, написанном священником Хонэнном, жившим в это время. На картине изображены деревья естественной формы, растущие в мисках, стоящих на полке. Упомянутый свиток был создан в период Камакура, но он воспроизводит жизнь периода Хейан (794—1191). Это означает, что бонсай, вероятно, существовали и в те далекие времена.

Литературные источники периода Камакура и более позднего

времени содержат сведения о том, что материалом для бонсай были самые различные деревья и растения. В знаменитой драме Но под названием «Хати-но-ки» («Дерево в горшке»), в которой рассказывается о событиях этого периода, упоминается о посаженных в горшки сливах, вишнях и соснах. Как видно, искусство бонсай имеет более чем восьмисотлетнюю историю, однако интерес японцев к бонсай не был постоянным.

Увлечение этим искусством в Японии возросло в конце XIX в. В 1914 г. в Токио была проведена первая национальная выставка бонсай. С 1934 г. в токийском Музее искусств проводятся ежегодные выставки бонсай, которые устраивают и по сегодняшний день.

Когда-то увлечение бонсай считалось занятием для избранных. В настоящее время оно популярно и среди широких слоев общества. Чаще всего подносы с бонсай можно увидеть в перенаселенных городах, т. е. там, где люди не имеют прямых контактов с природой. Интерес к этому искусству растет во многих странах мира. Энтузиасты-любители из-за рубежа все чаще обращаются в Японию с просьбой о посылке инструментов, оборудования и технических рекомендаций по бонсай.

Вырастить бонсай — не простое дело. Надо, во-первых, выбрать растение, имеющее природные данные для того, чтобы стать бонсай; во-вторых, рассчитать необходимый поток солнечного света, количество и качество воды, удобрений и подходящей почвы; в-третьих, следить за сохранением формы дерева, что предполагает подрезание, пересаживание, связывание проволокой отдельных веток растения и т. д. В результате этих усилий дерево выращивается действительно миниатюрным, но пропорциональным.

Бонсай выращивают в почве, объем которой определяет рост растения. При этом количество питательных веществ и воды, которое могут поглотить и передать дереву корни, тщательно нормируется. Известно, что растения по своей природе сохраняют определенные пропорции между надземной и подземной частью. Между корнями, с одной стороны, и стволом, ветвями и листьями, с другой, всегда поддерживается равновесие. Подрезание корней неизбежно приводит к тому, что наземной части растения передается меньше питательных веществ. Это обуславливает тот факт, что и от надземной части к корням поступает меньше живительной энергии. Таким образом, подрезание корней приводит к созданию цикла, под воздействием которого ограничивается рост всего дерева. Поэтому мастера бонсай всегда принимают во внимание факт обеспечения равновесия между надземной и подземной частями растения. Это означает, что очень тщательно для бонсай выбирается сосуд. Здесь важны его форма и глубина. Исключительно важную роль играет освещенность растения.

Яркий солнечный свет, особенно ультрафиолетовые лучи, замедляют рост деревьев. Это видно на примере альпийских растений, которые не бывают высокими. Поэтому, за исключением особых случаев, как, например, в период, следующий за пересадкой, после сильной подрезки и т. д., бонсай оставляют на солнечном свету в течение целого дня. При этом, конечно, земля быстро сохнет. Если ее постоянно увлажнять, то это вызывает рост растения. Следовательно, поливку всегда ограничивают. Бонсай требуют ежедневной поливки, но количество воды всегда контролируется.

Как известно, сильные ветры также ограничивают рост растений. Известно также, что деревья, растущие высоко в горах или на продуваемом ветрами морском берегу, не бывают очень высокими. Хорошая вентиляция способствует быстрому высыханию почвы, в которой растет бонсай, и, следовательно, также является косвенным фактором, ограничивающим рост растения.

Как видно, выращивание бонсай — это довольно тонкое и хлопотливое дело. С ним могут справиться лишь люди, горящие страстной любовью к природе. Японцы хорошо знают это и, когда видят на подносе, например, миниатюрную сосну, они испытывают искреннее уважение к тем, кто ее вырастил.

Приложение 4

«ХАГАКУРЭ БУСИДО» (ИЗВЛЕЧЕНИЯ *)

Первопричина смерти

Бусидо — путь воина — означает смерть. Когда для выбора имеются два пути, выбирай тот, который ведет к смерти. Не рассуждай! Направь мысль на путь, который ты предпочел, и иди!

Невольно напрашивается вопрос: «Почему я должен умирать, когда это невыгодно? Почему я должен платить жизнью за ничто?» Это обычные рассуждения себялюбивых людей.

Когда надлежит сделать выбор, не позволяй мыслям о выгоде колебать твой ум. Принимая во внимание, что все мы предпочитаем лучше жить, чем умереть, это предпочтение определяет и наш выбор. Думай об ожидающем тебя бесчестии, когда ты, стремясь к выгоде, вдруг ошибешься. Подумай о жалкой участи человека, который не добился цели и продолжает жить.

Когда ты потерпел фиаско в своих намерениях и расплачиваешься за свою неосмотрительность смертью, — значит твоя жизнь проведена бесцельно; но помни, что твоя смерть не роняет твоего достоинства. Смерть не бесчестит.

Каждое утро думай о том, как надо умирать. Каждый вечер освежай свой ум мыслями о смерти. И пусть так будет всегда. Воспитывай свой разум. Когда твоя мысль постоянно будет вращаться около смерти, твой жизненный путь будет прям и прост. Твоя воля выполнит свой долг, твой щит превратится в стальной щит. Если ты не можешь проследить свой путь прямо, открытыми глазами, с умом, свободным от путаных мыслей, ты не избежишь ошибок.

Выполнение долга должно быть безукоризненным, а твое имя незапятнанным.

Смерть и истина

Однажды какой-то человек спросил:

— Что есть смерть?

И получил ответ короткосложными стихами:

В жизни все фальшиво,

Есть только одна истина и эта истина — смерть.

* Цит. по: Восточное обозрение. 1943, XVI.

Лицом к смерти

Воистину храбр тот, кто смерть встречает с улыбкой. Таких храбрецов мало, они редки.

Есть люди, умеющие спорить благородно, но есть такие, которые теряют рассудок в решительный момент. Человек, потерявший сердце в последнюю минуту, не храбрый человек.

Расчетливые умы

Очень расчетливый ум не достоин уважения. Рассчитывать — это значит взвешивать и помнить, что можно потерять и что нужно выиграть. Расчетливый ум никогда не сможет подняться над мыслью о корысти и убытках.

А что есть смерть, как не убыток? Что есть жизнь, как не корысть? Кто рассчитывает, тот корыстен. Поскольку такой человек в любых обстоятельствах работает только с корыстной целью, — он должен опасаться смерти. Значит, такой человек — трус.

Кто обучался наукам, у того свободный и острый язык. Но остроты таких людей часто служат маской для их немощного ума. Язык часто защищает их расчетливый ум. Их остроумие часто вводит людей в заблуждение, а язык отвлекает уши.

Выбор

Сидя Китиносукуэ, один из подданных его светлости, сказал: «Когда и жизнь и смерть одинаково не бесчестны, — останови свой выбор на жизни». Но он имел в виду выразить обратное тому, что сказал. В другом случае он заметил: «Когда вы не можете решить: идти или не идти? — лучше не ходите».

Он добавил: «Когда вы задаетесь вопросом: есть или не есть? — лучше не ешьте. Когда вас мучит вопрос: умереть или не умереть? — лучше умрите».

Примерная смерть

Смерть посещает всех: великих и малых. Смерть наступает вас, не считаясь с тем, подготовились вы к ней или нет. Но все люди подготовлены к факту смерти. Однако вы склонны думать, что вы переживете всех. Это вводит в заблуждение и вас и других. Смерть подкрадывается к вам, прежде чем вы об этом узнаете. Встречая смерть, будьте уверены в том, что вы встречаете ее в полной готовности.

Когда приходит смерть

Бусидо — путь воина — приказывает сражаться отчаянно, на смерть. «Любого противника, с которым ты сражаешься, считай настолько сильным, что с ним не управятся и десятки людей», — сказал Наосигэ из рода Набэсима.

Ты никогда не сможешь совершить подвиг, если будешь следить за ходом сражения. Только тогда ты достигнешь многого, когда, не обращая внимания на окружающее, станешь биться отчаянно, как бешеный.

Бусидо запрещает увлекаться рассуждениями. Рассуждающий воин не может принести пользу в бою.

Не думай о твоём князе. Не думай о твоих родителях. Путь воина означает лишь одно — сражаться бешено, насмерть. Только идя этим путем, ты выполнишь свой долг перед твоим владыкой и перед твоими родителями.

Внешность самурая

В столь отдаленные времена, как эра Камбун (1661—1672), самурай каждое утро принимал ванну, брился, душил волосы, стриг ногти, аккуратно шлифовал их пемзой и полировал токуса*. Так же тщательно следил он за своим оружием, которое всегда содержал в чистоте, старательно очищая от ржавчины.

Все это делалось не ради только наружного блеска, но потому, что самурай хотел быть всегда таким чистым, каким он должен быть после смерти, ибо призыв к оружию мог раздаться в любой момент. Воин, чьи бранные останки находились в неряшливом состоянии, выставлялся на посмешище, если его труп доставался в руки неприятеля. Самурай, который ежегодно готовился к смерти, приготавливал себя к тому, чтобы не стать посмешищем врага.

Лицом к врагу

В сражении старайся быть впереди всех. Думай только о том, как преодолеть вражеские укрепления. Никогда не отставай от других, но и не хвались своей доблестью.

Так рассуждает один почтенный господин. И он советует правильно. Кто вышел на поединок, тот всегда должен помнить, что он обязан встретить смерть, повернувшись лицом к врагу.

Даже оставшись один, защищай свою позицию. Тотчас же найдется другой, чтобы образовать фронт вместе с тобой, и вас станет двое.

В доблести и бесстрашии будь вторым за пустым местом. Будь таков, чтобы самому чувствовать, что твоё искусство непобедимо.

Накано Сюзэмон так выразился о доблести: «Какая тренировка хороша для военного? Закрой глаза, шагни вперед и бей; в противном случае ты не принесешь пользы».

Голова живет и после того, как тебя уже больше нет. Солдату могут отрубить голову, но это еще не означает, что настал его конец. Если его воинственный дух силен, он может проявить себя даже и после того, как потеряет голову. Храбрость солдата памятна достаточно долго, чтобы нанести ущерб и даже после того, как его обезглавили.

Если древние воины были способны на это, то почему мы не можем быть способными? Люди остались теми же.

Ум воина

Самурай должен думать лишь о борьбе. Но его мысль часто блуждает, не решаясь на чем-нибудь остановиться.

Позовите самурая и спросите его: «Что является главным правилом воина?»

* Токуса — хвощ зимующий.

В наше время у немногих имеется уже готовый ответ на подобный вопрос. Люди редко задумываются над этим вопросом. Застыгнутый врасплох самурай часто обнаруживает свою неосмотрительность. Нерадивость самурая непростительна.

Если хочешь быть полезен своему князю, будь всегда осторожен. Будь бдительным, когда находишься возле хозяина.

Отдыхать можно вне службы. Тому, кто внимательно относится к своим обязанностям, и служба является отдыхом.

Добросовестно относящийся к своим обязанностям не утруждает своего ума.

В разгар сражения

— Когда я находился лицом к лицу с врагом, мне казалось, будто меня окутала какая-то тьма. В этот момент я был сильно ранен. А как вы, distinguished господин?

— Это правда. Когда я оказался в самой гуще врагов, меня окутал какой-то туман. Я остановился на миг, чтобы успокоиться, и тогда наступил просвет. Если бы я сразу же пошел вперед, я бы не смог причинить врагу столько вреда, сколько причинил.

Секрет войны

Иэмицу, третий правитель Токугава, был склонен к ратному делу. Его светлость потребовал однажды к себе двух вассалов. Оба вызванные были известны как мастера военного искусства. Один был Сукэкуро из вассалов князя провинции Кии, другой Набэсима Мотосигэ.

Правитель пожелал узнать истинные секреты войны. Первый из названных полководцев изложил секрет своей школы письменно. То, что он рассказал, заняло три листа бумаги.

Мотосигэ изложил свой ответ тоже на бумаге. Он написал в следующей сжатой и краткой форме:

«Никогда не следует задумываться над тем, кто прав, кто виноват. Никогда также не следует задумываться над тем, что хорошо и что плохо. Спрашивать, что плохо, так же плохо, как спрашивать, что хорошо. Вея суть в том, чтобы человек никогда не вдавался в рассуждения».

Сёгун Иэмицу сказал: «Вот то, чего я хотел».

Долг

Самурай обязан отдать своему князю душу и тело; кроме того, он должен быть мудрым, милосердным и мужественным. Без этого он ничего не достигнет. Если хочешь стать мудрым, советуйся с другими; если хочешь стать милосердным, помогай другим; если хочешь стать храбрым, бросайся на врага и вырывай у него победу. Все это необходимо в жизни. Достойные поймут это.

Суровый князь и спокойный подданный

Однажды князь Кацусигэ выехал на охоту. По какой-то причине он рассердился на одного из его сопровождавших. Князь поднял свой длинный меч и, не вынимая его из ножен, ударил им

своего подданного. Меч выскользнул из руки князя и упал в узкое ущелье.

Провинившийся подданный вскочил на ноги и тотчас стал спускаться по крутому обрыву. Он достал меч и заткнул его под платье на спине, пропустив его через воротник. Неся таким образом княжеский меч, он стал карабкаться обратно на четвереньках. Выбравшись из ущелья, он так низко преклонил колени перед своим владыкой, что эфес меча пришелся как раз в руку его владельца.

Этот человек не только быстро выполнил то, что должно было быть выполнено, но и, кроме того, передал меч своему достопочтенному хозяину в наиболее приличествующей случаю манере.

Клятва воина

Где бы я ни находился — в глухих ли горах или под землей, — в любое время и везде мой долг обязывает меня охранять интересы моего владыки. Это долг каждого, кто является подданным Набэсима. Это позвоночник нашей религии, не меняющейся и вечной.

Никогда, в течение всей своей жизни, я не должен иметь собственных суждений о замыслах моего владыки и господина. Не поступать иначе во всю свою жизнь. Даже после смерти я воскресну семь раз, чтобы оградить от несчастий дом моего владыки.

Я даю клятву исполнить четыре задачи:

1. Ни перед чем не отступать при выполнении долга.
2. Быть полезным своему владыке.
3. Быть почтительным к родителям.
4. Быть великим в милосердии.

Когда я утром и вечером произношу эту клятву, мои силы удваиваются и мои подвиги становятся непревзойденными. Я должен двигаться, пусть медленно, как червь, но я должен всегда двигаться только вперед.

Тренировка воина

Тренируя себя, никогда не надо думать об отдыхе. Нужно быть корректным и внимательным даже в собственном доме.

Надо быть скупым на слова. Вместо десяти слов говорите одно.

Следите за своими губами, прежде чем сказать. Иногда бывает достаточно одного слова, чтобы доказать свое мужество.

И в смутах надо быть таким же спокойным, как в мире. Одно слово может выдать труса. Надо помнить, что часто одно слово бывает содержательней ста.

Тренировка

Тренировке человека нет конца. Бывает так, что вы вдруг начинаете чувствовать себя достигшим полного совершенства и перестаете заниматься тем, чем занимались до сих пор. Между тем, кто хочет быть совершенным, тот всегда должен помнить, что он еще очень далек от этого. Только не довольствующийся уже достигнутым и постоянно стремящийся к высшим достижениям будет почитаться потомством за лучших людей.

Для достижения полной безупречности тренируйте свою мысль так, чтобы она стремилась к единой цели. Будьте правдивыми на военной службе. Неискренние никогда не смогут честно служить оружию.

Месть

Самурай, имя которого осталось неизвестным, был однажды оскорблен. Не сумев оружием защитить свою честь, он был публично опозорен.

Если случается такое, что требует отмщения, действуйте, не теряя времени, даже если это стоило бы вам жизни. Вы можете потерять жизнь, но честь — никогда. Если вы задержитесь, чтобы обдумать, как лучше отомстить, вы можете не дожидаться другого подходящего случая. Считая врагов, вы можете навсегда упустить удобный шанс. Будь против вас хоть тысячи, решительно бросайтесь вперед, разите каждого, и вы достигнете того, к чему стремились.

Подданные князя Асано отомстили за смерть своего господина, но они совершили ошибку, что сразу же после гибели врага не сделали себе харакири в храме Сэнкакудзи *, где был похоронен князь Асано.

Они долго ждали, прежде чем получили возможность реванша. Если бы человек, которого они искали для совершения над ним акта своей мести, за это время успел умереть, их торжественному обещанию суждено было бы остаться невыполненным.

Совет старого воина

Ямамото Сакино — Камизмон, рыцарь, которым гордится дом Набэсима, советовал следующее:

1. Все возможно для вас, когда вы работаете с усердием.
2. Дома — в собачьей шкуре, из дома — в тигровой шкуре.
3. Будьте почтительными: от излишней учтивости ваша кисть не испортится. Будьте учтивыми и вежливыми: от низких поклонов спина не сломается.
4. Не жалейте шпор, даже если ваша лошадь скачет галопом.
5. Мужество — выше всего. Если человек обругает вас прямо, значит у него хорошая душа.
6. Жизнь человеческая быстролетна, имя вечно.
7. Можно добыть золото и серебро, но хороших людей и правду — не всегда.
8. Мужчина, который смеется с сестью, — трус. Лстыиво смеющаяся женщина — распутница.
9. Добивайтесь сведений, когда даже вы осведомлены, чтобы быть вежливым; а когда вы не осведомлены, — чтобы быть мудрым.

* 47 ронинов из клана князя Асано около двух лет ожидали случая, прежде чем получили, наконец, возможность отомстить за смерть своего хозяина. По приговору сёгуна, они покончили с собой тем способом, который считался наиболее почетным, т. е. сделали харакири. Все они похоронены в буддийском храме Сэнкакудзи, где их могилы сохраниены до настоящего времени (примеч. авторов).

10. Проходя один квартал, думай о семи идеалах.
11. Умейте по одной вещи судить о тысяче вещей.
12. Никогда не зевайте в чужом присутствии. Закрывайте свой широко разевающийся рот веером или рукавом.
13. Не заламывайте головной убор на затылок, лучше надвигайте его скромно на глаза.

Внутреннее и показное

Ямамото Сакино — Камиэмон сказал:

«Кто преданно служит своему господину и хозяину, тот должен ковырять в зубах, если даже он и не ел. Он должен находиться в собачьей шкуре дома и в тигровой шкуре на людях».

Приложение 5

ЗНАКИ ЗОДИАКА

Еще в древности люди заметили, что некоторые процессы, происходящие в их жизни, связаны с движением небесных тел, сменной времен года, дня и ночи, периодичностью приливов и отливов, чередованием максимумов солнечной активности. Люди подметили, что многие явления повторяются с определенной периодичностью, через сутки, 12 месяцев, 12 лет и т. д. Восточная система знаков Зодиака связана с 12-летним циклом колебания природных явлений.

На Востоке имеется много легенд, объясняющих смысл знаков Зодиака. Вот одна из традиционных японских историй.

Однажды под Новый год Будда созвал всех животных мира! Он пообещал, что все, кто придет к нему выразить уважение, будут наделены подарками и, как знак отличия и чести, получат по году, которые впредь будут называться их именем. Из всех животных пришли только двенадцать. Они появились в следующем порядке: мышь, буйвол, тигр, кролик, дракон, змея, лошадь, овца, обезьяна, петух, собака и вепрь. Получив во «владение» год, животное передало ему свои типичные черты. По японским поверьям, люди, рожденные в соответствующий год 12-летнего цикла, имеют соответственно и черты указанного животного. В зависимости от того, в каком году родился человек, можно определить его характер, познать слабые и сильные стороны, предвидеть будущее.

Люди, рожденные в одном году, говорят японцы, могут иметь характерные черты и другого года, но эти индивидуальные черты не являются определяющими. Порядок годов в цикле всегда одинаков. Нынешний цикл начался в 1972 г. годом Мыши (новый год в Японии начинается в феврале), 1973 г. был годом Буйвола, 1974 г. — Тигра и т. д. Закончится этот цикл в 1983 г. годом Вепря. 1984 год снова начнется годом Мыши*.

Вот характеристики людей в соответствии с их знаком Зодиака.

* Годом Мыши начался XX век. Затем год Мыши повторялся в 1912, 1924, 1936, 1948, 1960, 1972 годах.

Мышь. Мышь, по японским поверьям, обладает очарованием в глазах других людей, однако она суетлива по мелочам. С первого взгляда Мышь кажется спокойной, уравновешенной и веселой. Но за этой веселостью скрывается нервозность и беспокойство. Мышь сдержанна и хранит свои заботы про себя. Как правило, Мышь не отличается эрудицией, но она честна и честолюбива, обладает огромной способностью доводить до конца начатое дело. Она любит тратить деньги на себя. Ни в чем не отказывая себе, старается не давать денег в долг. Мышь любит общество и охотно сплетничает. У нее больше знакомых, чем настоящих друзей. Первая фаза жизни людей, родившихся в год Мыши, складывается благополучно. Во второй — они могут потерять все либо из-за опрометчивого шага, либо, что случается довольно часто, из-за пылкой разрушительной любви. В последней фазе жизнь Мыши снова течет в основном безмятежно.

Мыши лучше всего сочетаться браком с Обезьяной, Драконом или Буйволом, так как они составляют или дополняющую друг друга, или совпадающую друг с другом пару. Несколько хуже выбор Собаки, Вепря или Змеи. Ей надо избегать Лошади, и уже совсем плохо мужчине Мыши жениться на женщине, родившейся в год Огненной лошади, который бывает раз в 60 лет. У японцев есть поверье, что мужчина, женившийся на женщине — Огненной лошади, умирает насильственной смертью.

Буйвол. Буйвол терпелив и не болтлив. У него есть способность вызывать на откровенность, благодаря чему он располагает к себе других людей. Буйвол эксцентричен и страшно фанатичен. И если его кто-либо не любит, то только по этой причине. Несмотря на внешнее спокойствие, у него гневный и вспыльчивый характер. Редкий гнев его ужасен, в этом состоянии он не отдает отчета в своих поступках. Хотя он замкнут, при необходимости он может быть красноречив. Он работяга, дом его процветает, так как у него ловкие руки. Буйвол быстро принимает решения. Он упрям. Ненавидит неудачу в своих делах. С теми, кто мешает ему в его деятельности, он беспощаден.

Любовь для Буйвола занимает второстепенное место. Это вызывает серьезные эмоциональные трудности в семейных отношениях. Первая фаза его жизни в основном удачливая, во второй фазе его подстерегают трудности в браке или в общественной жизни. Тут он иногда теряет привязанность людей, ранее любивших его, и уважение людей, ранее им восхищавшихся. Третья фаза, складив все углы, может оказаться более или менее спокойной.

Брак для Буйвола достаточно труден. Считается, что лучше всего ему сочетаться браком с Петухом или Мышью. Очень плохо — с Собакой или Лошадью, но хуже всего с Овцой.

Тигр. Тигр чувствителен, эмоционален, способен на глубокие размышления, сильную любовь. Обычно Тигр уважаем, но часто он конфликтует со старшими по возрасту или по положению. Тигра обычно оценивают выше, чем он того заслуживает. Тигр может отступать перед принятием важного решения вплоть до того момента, когда его принимать уже поздно. Ограниченный, он не доверяет никому. Тигр отважен и настойчив. Вместе с тем он эгоистичен и упрям и не всегда заслуживает доверия. В Азии, и

особенно в Японии, год Тигра считается благоприятным для рождения ребенка, тем более мальчика. Тигр олицетворяет мощь земли. Тигр в доме может избавлять от трех несчастий — от воров, от пожаров и от злых духов.

Первая и третья фазы жизни Тигра спокойные и легкие. Во второй фазе ему приходится решать проблемы всех видов. Если эти проблемы не будут разрешены, они дадут о себе знать и в третьей фазе. Лучший брак для Тигра с Лошадью и Драконом. Очень плохой брак с Буйволом, Змеей или Обезьяной.

Кролик. Кролик — это счастливец. Кролик хорошо говорит, он талантлив и честолюбив. Скромный, сдержанный, добродетельный, он обладает безупречным вкусом. Кролик любит общество, и общество любит его. Кролик всегда везуч. Он любит немного посплетничать, но делает это тонко и тактично, плохие вещи говорит крайне неохотно. Кролик привязан к тем, кого любит, но странно отчужден от своей семьи, предпочитая членам своей семьи друзей по выбору. Кролик не так быстро выходит из равновесия. Он спокоен, невозмутим. Он особенно удачлив в деловой сфере.

По типу темперамента Кролики являются меланхоликами, они склонны часто расстраиваться и даже плакать. Кролик педантичен, но при этом не очень хорошо эрудирован. Кролик удачлив в азартной игре, так как безошибочным чутьем выбирает нужную цифру или карту. Он несколько консервативен и не предпринимает ничего, не взвесив заранее все за и против. Азиатские народы с недоверием относятся к Кролику, поскольку существует поверье, что колдуны иногда принимают обличье этих безобидных животных.

Жизнь Кролика обычно течет спокойно на протяжении всех трех фаз, если он не столкнется с исключительно неблагоприятными обстоятельствами. Кролик хорошо уживается с Овцой, Вепрем или Собакой. Неудачный брак — с Драконом, а самый неудачный с Мышью или Петухом.

Дракон. В Драконе избыток здоровья, жизненной силы, активности, однако он очень возбудим и легко выходит из себя. Он также ужасно упрям. Дракон волевой, нравственный, великодушный. Его уважают. Он влиятелен. Это самый неудержимый энтузиаст. Дракон не способен к лицемерию и даже к самой элементарной дипломатии. Он искренен в своих суждениях, и мнение его заслуживает доверия. Он может работать с полной отдачей, однако ввиду того, что у него доброе сердце, его легко склонить и к плохому делу. Дракон иногда беспокоится по ложным причинам. Дракон редко вступает в брак молодым, некоторые даже остаются холостяками. Дракон пользуется успехом.

У Дракона трудности в первой фазе жизни, так как он много требует от своих близких. Во второй фазе у него бывают взлеты и падения. В третьей фазе он обычно обретает мир и спокойствие. Дракон бывает несдержан на язык, и его слова часто опережают мысль. Вместе с тем следует считаться с его мнением. Драконы-мужчины считаются счастливыми людьми. Лучшие браки Дракона бывают с Мышью, Змеей, Обезьяной или Петухом; неудачным считается брак с Буйволом или Драконом; самым неудачным — с Собакой.

Змея. Змея почитаема за свою мудрость, прозорливость и волю. Змея невероятно везуча. Она может достать все, что угодно. Змея тщеславна и всегда изысканно одета. Она эгоистична и скуповата, но бывает из-за симпатии может прийти на помощь. Иногда она так сильно кого-нибудь опекает, что от нее поскорее хотят отделаться. С этим ничего нельзя поделать. Змея всегда сомневается в мнениях и суждениях других людей, поэтому предпочитает опираться на собственную интуицию. Она перевернет всю землю, чтобы достичь намеченной цели.

Мужчина, рожденный в год Змеи, страстен и сентиментален, женщина — красива. Для японки самым лучшим комплиментом являются слова о том, что она «красавица-змея». Следует заметить, что Змея очень романтична и непостоянна. Змея будет счастлива с Буйволом или Петухом, неудачен брак с Обезьяной, а несчастный — с Тигром или Вепрем.

Лошадь. Лошадь популярна. Она весела, болтлива, симпатична. Она умело обращается с деньгами, хороший финансист. Ее ум схватывает мысли людей до того, как они их высказали, что позволяет ей опередить их, опровергая или одобряя. Лошадь мудра, талантлива, любит делать вещи своими руками. Вместе с тем она очень разборчива в отношении одежды и манер. Лошадь все может бросить ради любви, став безразличной ко всему остальному. Из-за этого она часто терпит неудачи в своей жизни. Лошадь нетерпелива. Она норовиста, будничные дела ей неинтересны. В привязанностях она слепа, и ее легко обмануть. Лошадь любит зрелища, театр, концерты, оперу, собрания — все, где есть толпа. Лошадь легко выходит из себя и из-за этого теряет доверие. Лошадь крайне независима, она не слушает советов и поступает по своему.

Первая и вторая фазы жизни Лошади полны проблем и забот, но третья часть ее жизни обычно спокойна и размеренна. Лучший брак у Лошади с Тигром, Собакой, Овцой; неудачный — с Буйволом; самый неудачный — с Мышью.

Овца. Артистичная, с хорошим вкусом, страстная по натуре, Овца обладает способностями к искусству. Но она пессимистична, беспокойна, застенчива, ее часто озадачивает жизнь, она не знает, какое направление ей выбрать и всегда полагается на других. У нее приятные манеры, но ее характер капризен. Вместе с тем она умеет нравиться, она легко приспосабливается к любому образу жизни и не испытывает материальных затруднений. Часто она бывает религиозной. Охотно делится с другими, более несчастными, чем она, не ожидая и не требуя благодарности. Наоборот, благодарность приводит ее в смущение.

Если Овца связывает свою жизнь с Кроликом, Вепрем или Лошадью, все идет хорошо; неудачен брак с Мышью, но особенно с Буйволом или Собакой. Во второй фазе своей жизни она обычно переживает трудности, но в третьей фазе обретает покой и достаток.

Обезьяна. В год Обезьяны, считают японцы, рождаются люди, которых можно назвать беспорядочными гениями. Умные, способные в предприятиях большого размаха, они великолепные

работники во всех областях, которые требуют сообразительности и осведомленности. Обезьяна изобретательна и оригинальна, она способна решать самые трудные проблемы с удивительной быстротой, но если она не начинает их разрешать сразу, она может бросить их, так и не начав. Обезьяна общительна, и создается впечатление, что она со всеми ладит, на самом деле она нередко плохого мнения о других, считая себя выше всех. Несмотря на это, обезьяны любят, хвалят их за умение, талант и гибкость. Обезьяна интеллектуальна, у нее большая жажда к знаниям, она все читала, знает бесконечно много вещей, в курсе всего, что происходит. Она обладает прекрасной памятью, может с легкостью вспомнить малейшие детали виденного, прочитанного или услышанного. Это страстная и сильная натура. Обезьяна может во всем добиться успеха, если будет вести дело, которое нравится.

Первая часть ее жизни будет счастливой, вторая — бурной, смутной, и ее планы часто будут рушиться. Отношения мужчины — женщина складываются неудачно. Обезьяна может быть в хорошем союзе с Драконом или Мышью, менее удачен брак со Змеей или Вепрем; самый неудачный — с Тигром.

Петух. Петух всегда занят, увлечен своей работой. Он всегда хочет сделать больше, чем может, и берется за задачи, превышающие его силы. Когда Петух видит, что терпит поражение, он испытывает горькое разочарование.

Петух эксцентричен, он любит, чтобы его заметили. Но, блистая, он более приятен в обществе, чем в личных отношениях. Петух думает, что он всегда прав, и знает, что делает. Он не доверяет никому и полагается только на себя. Иногда создается впечатление, что он способен на серьезные дела, но это не так. Он полон абсурдных и неосуществимых проектов, он любит представлять себя героем, но остается мечтателем. Он расточителен, он израсходует все, что заработает, часто его может коснуться разорение, банкротство. Петух откровенен, он говорит то, что думает. Но эта откровенность — от безразличия к чувствам и уязвимости других. В нужных случаях Петух по-настоящему отважен и храбр. Многие люди находят Петухов интересными.

Петух будет счастлив с Буйволом, Змеей или Драконом; неудачен брак с Мышью, Петухом или Собакой; самый неудачный — с Кроликом.

Собака. Всеми прекрасными чертами человеческого характера, по японским поверьям, наделены люди, рожденные в год Собаки. Собака лояльна, верна, честна, в ней развито чувство долга. Собака внушает доверие, она умеет хранить чужие секреты. Собаки обычно высоко ценят, и это оправданно. Она делает все возможное для других, ее преданность велика — вплоть до самоотречения. Ее мало заботит собственное богатство. Она великодушна и бескорыстна. Однако если ей понадобятся деньги, она лучше других может достать их. Она не любит всякие сборища, толпу. Собака замкнута. Она упряма до крайности и знает, чего хочет. Она часто бывает циником, и ее боятся за резкие и конкретные замечания.

Люди, рожденные в год Собаки, всегда были поборниками справедливости. Любая несправедливость вызывает у них протест, и они бросаются в бой за правое, по их мнению, дело. При всей

своей эксцентричности Собака редко встает на защиту глупых дел. Собака бывает хорошим руководителем в промышленности, активным профсоюзным деятелем, воспитателем. Но чем бы она ни занималась, она остается идеально честной.

Собака может быть счастлива с Лошадью, Тигром или Кроликом; неудачен брак с Буйволом, Петухом и очень неудачен с Драконом или Овцой.

Вепрь. Людям, рожденным в год Вепря, считают японцы, нужно вести свою жизнь под белыми знаменами чистоты, ибо склонность к грязи создает для них опасность. Каковы бы ни были цели, Вепрь стремится к ним с огромной силой. Эта внутренняя сила велика, ничто не может противостоять ей. Обладая огромной стойкостью, Вепрь не отклоняется от принятого направления. У него мало друзей, но он их сохраняет и ради них способен на большие жертвы. Иметь друга-Вепря — большая удача. Эти люди сдержанны, редко говорят, но если на это решаются, то высказывают все одним разом. Как и Обезьяна, Вепрь интеллигентен, у него огромная тяга к знаниям. Он много учится, но больших успехов в познаниях не достигает. Японская поговорка гласит: «Вепрь широк спереди, но узок сзади». Вепрь довольно вспыльчив, но он питает ненависть к ссорам или даже спорам. Он привязан и добр к тем, кого любит. У Вепря часто возникают проблемы в супружеской жизни. И в первой, и во второй фазе жизни у него всевозможные трудности. Но какими бы они ни были, скромный и застенчивый Вепрь никогда не прибегнет к посторонней помощи. Он сам будет искать выход. Будучи честным, прямым и импульсивным по натуре, Вепрь часто проигрывает в пользу того, кто нечестен и хитер.

Вепрю следует связывать свою жизнь с Кроликом или Овцой; неудачный брак с Обезьяной; самый неудачный — со Змеей.

Приложение 6

Физиогномика

Физиогномика как искусство чтения лица сложилась в глубокой древности. Родиной восточной физиогномики считается древний Китай. На Западе это искусство получило распространение в древней Греции, однако восточная физиогномика отличается от западной.

Китайские исторические анналы переполнены жизнеописаниями императоров, правителей, мудрецов. Деяния этих людей соотносились с особенностями их внешности, главным образом лица. Каждому признаку на лице придавалось вполне конкретное значение. Так постепенно складывалось искусство чтения лица.

Признанными мастерами чтения лица на Востоке считались конфуцианские моралисты. Система этики, которую они проповедовали, предполагала воспитание почтительности к родителям, благопристойности, преданности господину, верности властям и т. п. Наличие или отсутствие этих качеств конфуцианцы стара-

лись обнаружить на лицах. С этой целью они настойчиво разрабатывали приемы чтения лица.

Со временем китайские физиогномисты подняли искусство чтения лица на известную высоту, создали специальные трактаты, которые распространились по разным странам Востока. Их завезли и в Японию. И хотя сегодня нельзя сказать, что в Японии повально увлекаются физиогномикой, влияние ее прослеживается в живописи, производстве масок, театре, различных сферах общения. В чем же суть японской физиогномики?

Для удобства чтения лицо человека японцы условно делят горизонтальными линиями на три зоны: верхнюю, среднюю и нижнюю. Верхняя зона — это в основном лобная часть. Она наглядно отражает весь жизненный путь человека. По этой зоне получают информацию за период жизни от 15 до 30 лет, а также в глубокой старости. Идеальный лоб (правильная форма и здоровый цвет кожи) свидетельствует о прекрасном состоянии тела и духа. Средняя зона (от бровей до кончика носа) отражает годы жизни от 35 до 50 лет. Гармоничная сбалансированность этой зоны свидетельствует об упорядоченности психики. Нижняя зона (верхняя губа, челюсти, рот, подбородок) дает информацию о периоде в 51—77 лет, а также о преклонном возрасте. Правильные формы этой зоны говорят об уравновешенности характера.

Как видно, методика чтения лица в Японии основана на раскодировке четко обозначенных позиций. Любая из этих позиций относится к определенному возрасту и связана со специфическими чертами поведения.

Существует несколько школ чтения лица, каждая из которых базируется на своей системе позиций (от 99 до 130). Толкование содержания этих позиций, а особенно их комбинаций — довольно сложная процедура, поэтому начинающему тещу лица предлагается сначала 13 основных позиций: № 16, 19, 22, 25, 28, 41, 44, 45, 48, 51, 60, 70, 71 (см. схему).

№ 16 — жизнедеятельность в детские годы. Испорченная зона этой позиции указывает на тревожное детство.

№ 19 — отношения с родителями. Лучистый цвет кожи означает удовлетворенность лаской и вниманием со стороны близких.

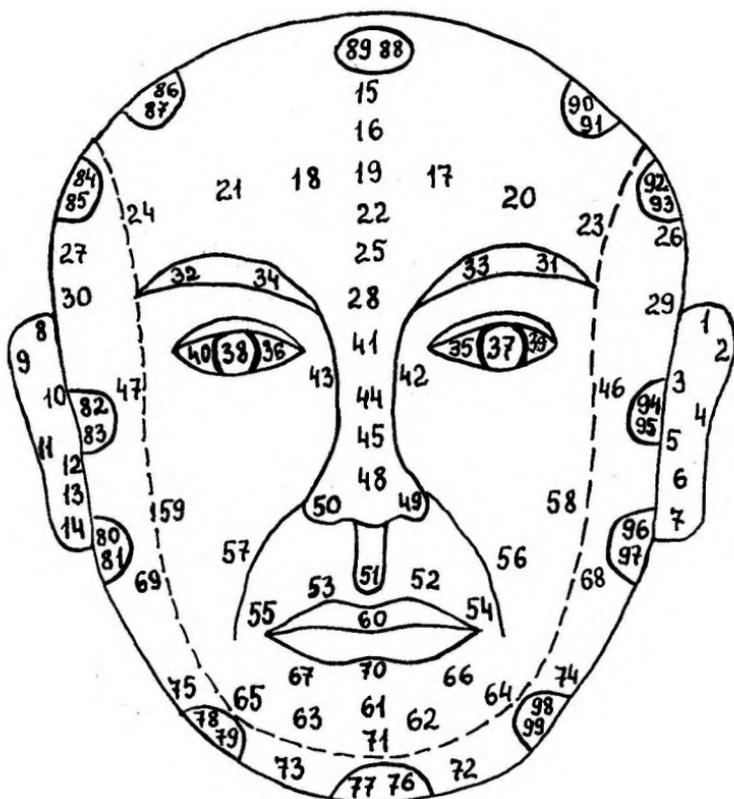
№ 22 — отношение к жизни. Приятный цвет кожи означает безмятежность, стремление к общению с другими, жизнерадостность.

№ 25 — взаимоотношения с окружающими. Ровная и без дефектов кожа свидетельствует о благополучии, родинки и неровности сигнализируют о превратностях в жизни.

№ 28 — место «жизненного клейма». Жизненный путь человека оставляет свою печать наиболее ярко именно на этом участке лица. Широкая чистая зона — это благоприятный признак. Насыщенность зоны или неправильная конфигурация говорит о неудачах.

№ 41 — взаимоотношение с домашними. Впалость и горизонтальные линии говорят о неурядицах. Наполнение бровей на глаза указывает на имевшиеся в жизни осложнения.

№ 44 — жизнедеятельность в среднем возрасте. Темная кожа свидетельствует о болезни, родинки — о трудностях взаимодействия с противоположным полом.



№ 45 — судьба. Правильная форма, приятный оттенок кожи — хороший признак. Излом и тусклая кожа означают обратное.

№ 48 — признак удач-неудач. Округлость, наполненность плотью, здоровый оттенок — удачи. Различные неровности, изрытость — неудачи.

№ 51 — наследственность. Правильная форма — благоприятная наследственность. Испорченная форма сигнализирует о неблагоприятных факторах.

№ 60 — сила воли. Сбалансированность губ в сомкнутом положении предполагает сильную волю. Напряженность губ означает разную степень самоуверенности. Отставание нижней губы свидетельствует о слабости воли.

№ 70 — жизненные силы. Темный цвет кожи — наличие жизненных сил. Белый, красный и голубой оттенки означают обратное.

№ 71 — влияние опыта жизни. Выпяченный подбородок означает, что человек был занят тяжелым, изнурительным трудом. Лучистый цвет говорит о благополучии.

Вывод о характере человека и качествах его личности делается после исследования всех позиций. Кроме того, принимается во внимание состояние пяти жизненных черт: бровей, глаз, носа, рта, ушей. Сбалансированность этих черт (пропорциональность, цвет, чистота и т. п.) является благоприятным признаком. Японские физиогномисты утверждают, что если все пять названных черт сформировались без изъянов, то жизнь человека с такими чертами подобна полноводной реке. Изъяны на лице человека свидетельствуют о трещине в его характере.

Брови. Идеальными считаются широкие, длинные брови. Пропорциональное развитие бровей (форма, цвет, густота) указывает на сбалансированность эмоций, ума и характера. Жесткие, щетинистые брови свидетельствуют о противоположном. Согласно мнению физиогномистов, брови отражают взаимоотношения с ближайшим окружением. Приятная форма бровей сигнализирует о том, что их обладатель ладит с окружающими.

Когда густые брови внешними концами дыбом поднимаются вверх, говорят, что это признак щедрости души и мужества. Такого человека считают рожденным для успеха. Опускающиеся внешние концы бровей указывают на застенчивость. Когда же структура и цвет таких бровей кажутся безжизненными, считается, что это от истощения внутренней энергии. Если у мужчины ровные и длинные брови, да притом эти брови выступают на фоне приятной по виду кожи, то он слывет интеллектуалом. Женщина с такими бровями считается кокеткой, от нее можно ждать любых выходов. Короткие брови всегда означают противоположное. Однако короткие, но густые брови сигнализируют о взрывной натуре. Если брови густы и щетинисты, то их обладателем является человек с «дьявольской» натурой. Щетинистые брови всегда указывают на строптивость, упрямство, бескомпромиссность. Густые, тяжелые, соединившиеся брови означают неодолимое стремление к доминированию. Женщина с такими бровями обладает сильным характером, она не подходит к традиционной роли домашней хозяйки. Высоко расположенные брови — признак целеустремленности. Брови, сидящие слишком низко, говорят об обратном.

Глаза. Издавна глаза считали окнами души. По глазам всегда определяли внутренние переживания людей. Считается, что человек с красивыми и притягательными глазами обладает здоровьем, волей, умом, темпераментом. Такие глаза, по мнению физиогномистов, имеют ряд характеристик. Они излучают свет и тепло, хорошо защищены веками, имеют выразительную радужную оболочку. Отклонения свидетельствуют о дефектах в характере и интеллекте.

Большие глаза обычно указывают на чувствительность души, нередко на мужество и даже на стремление к лидерству. Глаза малого размера часто принадлежат замкнутым, иногда самодовольным и упрямым людям. Нередко такие люди отличаются удивительным постоянством. Большая радужная оболочка — признак мягкости и спокойствия, малая свидетельствует о несбалансированности внутренних процессов, что неблагоприятно отражается на взаимоотношениях с окружающими. Цвет радужной оболочки указывает на наличие или отсутствие жизненной силы: черный, коричневый, и зеленый — энергичность; голубой — чувствитель-

ность; светло-коричневый – застенчивость. Посадка глаз говорит о следующем: оба глаза на одной горизонтальной линии – благоприятный признак; глаза скошены книзу: а) у мужчин – решительность, б) у женщин – неблагодарность; если верхнее веко слегка опущено – это признак зрелости; сильное опущение верхнего века у мужчин означает истощение энергии; неприятный цвет опущенного века свидетельствует о физиологических отклонениях; разбухшее нижнее веко – признак бурной жизни; слишком провисшее нижнее веко говорит о бесконтрольности влечений; вздутые веки (верхние и нижние) – усталость от жизни. Если внешние уголки глаз утопают в сети расходящихся морщинок – это признак проницательности. Японцы различают также и типы глаз.

Большие, с живым блеском глаза – это глаза дракона. Такими глазами наделяется человек, пользующийся властью. Удлиненные формы глаз с загнутыми кверху венчиками – глаза феникса. Это утонченная натура. Большие глаза с многочисленными складками на веках – глаза льва. Ими наделяются лидеры. Узкие, вытянутые глаза с двойными-тройными веками бывают у слона. Они, как правило, характерны для тучных людей, спокойных по характеру. Круглые, с желтоватым блеском – это глаза тигра; узкие маленькие глаза с черно-желтой радужной оболочкой – это глаза овцы; глаза с треугольным разрезом и провисшими веками – это глаза лошади; глаза с изломом верхнего века и тусклой радужной оболочкой – глаза вепря; глаза с чрезмерно большой радужной оболочкой – глаза волка. В Японии различают до сорока типов глаз. Все они отождествляются с глазами животных. Поведение, характерное для такого животного, приписывают обладателям соответствующего типа глаз.

В оценке характера и судеб людей глаза занимают центральное место. Трактаты по физиогномике рекомендуют чтение лица начинать именно с глаз. Однако следует иметь в виду, что наиболее достоверную информацию можно считывать с глаз человека, которому уже за сорок, т. е. когда все признаки уже устоялись.

Нос. Согласно концепциям восточных физиогномистов, нос также является показателем особенностей духовной жизни человека. Форма носа, так же как и глаз, стабилизируется после 40 лет. Однако считается, что идеальный нос имеет округлый кончик и оформленные крылья. Слишком большие ноздри сигнализируют о личностных дефектах. Человек с идеальным носом имеет натуру льва, т. е. отличается мужеством, страстью, напористостью. Окружающим нравятся люди с красивым носом. А отсюда последствия: обладатель красивого носа становится сильной личностью.

Длинный нос, как правило, является признаком ярко выраженной индивидуальности. Здесь выделяются самые различные оттенки: длинный нос, хорошо сбалансированный с глазами, ртом и подбородком, свидетельствует о сильной натуре (короткий нос говорит об «открытости души» и оптимизме); костлявый, длинный нос – показатель гордости, высокомерия, неуживчивости; костистый, длинный нос с явно выраженной горбинкой нередко принадлежит хмурому человеку. Если переносица у такого носа слишком впалая, деформированная или испещрена горизонтальными рытвинами – это признак недомогания. Однако при общей сба-

лансированности лица признак недомогания не доминирует. Идеальной у японцев считается высокая и ровная переносица. Такая переносица бывает у здоровых людей.

Многое о человеке говорит кончик его носа. Человек с кончиком носа, напоминающим «подвешенную каплю», обычно жизнерадостен, а следовательно, он процветает; если же кончик носа напоминает клюв орла, то такой человек пронидателен, хитер и нередко злопамятен. Полный, большой, луковичеобразный кончик носа — свидетельство сердечности и теплоты. Поднятый, с выпяченными ноздрями нос означает, своеволие, несдержанность, распушенность. Раздвоенный кончик носа — свидетельство робости, слишком маленькие ноздри говорят об уступчивости, широкие крылья носа — о самомнении, красный нос — это непорядочность, красный пористый нос («испорченный апельсин») принадлежит часто пьяницам. Темные пятна на носу — признак физического неблагополучия. Как правило, нос, резко выделяющийся на лице у женщины, указывает на неблагополучную жизнь в молодости. Однако эти признаки начинают явно выступать только после 35—40 лет.

Рот. Форма и размер рта дают возможность определить силу внутренней энергии человека. Японцам импонирует большой рот у мужчин и маленький — у женщин. Женщина с большим ртом считается мужественной, что не очень нравится мужчинам. Общее правило: лица с малым ртом озабочены борьбой за выживание, они наделены слабым характером. Тонкая линия закрытых губ сигнализирует о шепетильности характера. Человек с большим ртом и спадающими уголками губ обладает сильной волей, на него трудно оказать влияние. Постоянно подергивающийся рот («рот лошади») является признаком невротичности.

Небольшой по размеру рот в форме дуги (уголки губ имеют тенденцию устремляться вниз) принадлежит чувствительной натуре. Выпуклые большие губы — свидетельство успеха. Симметричное (без перекосов) открытие рта говорит о сбалансированности эмоций. Если к обеим сторонам рта от глаз спускаются лицевые морщины — это признак нелегкой жизни. Если же такие морщины идут к уголкам губ от крыльев носа (создается кольцо рот — нос) — это свидетельство коварства. Рот, одна сторона которого опущена, часто принадлежит упрямцу. Верхняя губа явно выступает над нижней — нерешительность, нижняя выпячивается дальше верхней — эгоистичность. Морщины над губами — естественный признак старения. Часто тонкие морщины сигнализируют о слабом здоровье. Морщины, глубоко врезавшиеся в губы, иногда говорят о процветании в молодости и лишениях в зрелые годы. Испорченные зубы и язык — показатели плохого здоровья.

Уши. Восточная физиогномика делит ухо на четыре части: внешний ободок, средний ободок, внутренний ободок, мочка. Обычно по ушам определяют особенности жизненного пути в детстве. При чтении лица опираются на общее правило: хорошо оформленное ухо свидетельствует о счастливом детстве. Бесформенность и бледность говорят о неблагоприятных факторах. Слишком большие уши почти всегда свидетельствуют об изъянах в личности. Слишком малые — тоже признак неблагополучия.

Положение ушей на голове: верхняя зона ушей: а) выше уровня бровей — высокий интеллект; б) на уровне глаз — интел-

лект выше среднего; в) нише уровня глаз – средний или даже низкий интеллект. Ухо без хорошо оформленной мочки указывает на несбалансированность личности. Мочка длинная – беспечность, мочка маловыраженная – щепетильность. Люди с очень большими мочками на Востоке считаются мудрецами. Если мочка уха слегка подается вперед – душевность. Внутренний ободок уха является показателем эмоциональных переживаний: если ободок втянут – сдержанность, если выпячен – несдержанность. Предпочтение отдается розовому цвету ушей; желтизна или голубизна ушей считаются признаком недомогания. Темный цвет кожи около передней и верхней частей уха – скрытое заболевание. Родинки внутри уха – неблагоприятие.

Анализ пяти жизненных черт лица считается основой процедуры чтения лица. Однако это только главная фаза. При составлении общего впечатления о лице учитываются еще особенности лицевых костей, форма челюстей и подбородка. Так, высокие обозначенные подкожные выпуклости при высоких надбровных дугах – это признак воли и силы. Низкая расположенность лицевых выпуклостей – отсутствие воли. В принципе широкая кость и крупный подбородок – свидетельство сильного характера. Однако эти компоненты лица становятся самыми выразительными лишь на склоне лет.

Отвисшая челюсть говорит о различных психических неурядицах. Слабо очерченный подбородок – признак мягкости. Легкое раздвоение такого подбородка свидетельствует о силе страсти. Однако если имеется значительное раздвоение, то это признак стремления к уединению. Тяжелая челюсть – свидетельство неконтролируемых страстей, нередко она указывает на чрезмерное самонимение.

Чтение лица осуществляется двумя способами: путем наблюдения со стороны и в процессе беседы. Второй способ предпочтительнее. В обоих случаях сначала определяется форма лица. Японские физиогномисты различают продолговатую, треугольную, трапециевидную, квадратную и круглую формы.

Продолговатое лицо – это прямоугольник. Ширина лба примерно такая же, как и ширина подбородка. Это так называемый аристократический тип. Японские физиогномисты утверждают, что большинство правителей Японии имели именно такую форму лица. Продолговатость свидетельствует об интеллекте, чувствительности, уравновешенности. Нередко человек с такой формой лица расчетлив и рассудителен. Говорят, что такие люди обладают организаторским талантом, кроме того, у них ярко выражена устремленность к цели.

Для треугольного лица характерен высокий и широкий лоб, выступающие скулы, небольшой, но костистый нос, глубоко посаженные глаза, малый по размеру и слегка выпяченный вперед подбородок. В зоне между скулами и подбородком на таком лице мало плоти. Считается, что человек (мужчина или женщина) с таким лицом обладает высокой чувствительностью. Треугольная форма лица в Японии воспринимается как признак высокой одаренности. Вместе с тем в характере человека с треугольным лицом японцы отмечают и такие черты, как хитрость и неуживчивость. Такие люди, считают физиогномисты, не склонны к при-

вязанности и преданности. Говорят, что среди шпионов и изменников больше всего людей с треугольной формой лица.

Трапециевидная форма лица имеет много общего с треугольной. Для этого лица характерен широкий лоб и слегка суженный (но не заостренный) подбородок. Считается, что человек с такой формой лица является интеллигентным, чувствительным, артистичным, при этом ему не свойствен дух борца. Женщины с явно выраженной трапециевидной формой лица отличаются оптимизмом. Они живут счастливо, создавая приятную атмосферу для окружающих.

Квадратная форма лица обычно принадлежит суровому, мужественному, нередко бессердечному типу. Такие люди, как правило, тугодумы, часто грубы, настойчивы. Наиболее яркой чертой их характера является решительность. В общении они прямолинейны и откровенны. Люди с квадратной формой лица обладают неустойчивой жадной успеха. Из них получаются хорошие исполнители, хотя сами они настойчиво тянутся к лидерству. Женщины с такой формой лица отличаются стремлением к доминированию.

Круглая форма лица ассоциируется в Японии с добродушием, мягкостью, миролюбием. Нередко люди с круглой формой лица являются гурманами. Они любят комфорт, хорошую компанию и не стремятся к славе. Вместе с тем таким людям не чуждо и честолюбие. Если же у человека с круглой формой лица высокая переносица, выступающие скулы, да притом горящие глаза, его считают целеустремленным. Из таких людей, считают физиогномисты, получаются завидные лидеры и полководцы.

Японская физиогномика базируется на системе возрастных позиций. Как основные жизненные позиции (брови, глаза, нос, рот, уши), так и формы лица оцениваются через призму возраста. Поэтому перед началом чтения лица рекомендуется обязательно устанавливать возраст объекта. Кроме того, требуется учитывать и тот факт, что у человека могут измениться некоторые участки лица (операция, шрамы, косметика). Здесь помогают приемы оценки динамики поведения изучаемого человека. Считается, что следует обращать внимание на улыбку, жесты и позу.

Улыбка помогает проникнуть за маску лица японца и увидеть скрытые за ней черты характера. Жесты открывают перед наблюдателем конкретные переживания людей и дополняют сведения об их характере. Поза часто сигнализирует о более глубоких особенностях в психике человека (см. подробно гл. IV). Однако все это, по мнению японских физиогномистов, не простое дело. Искусству чтения лица, как и любым другим видам искусства в Японии, учатся настойчиво, терпеливо и долго.

ЛИТЕРАТУРА*

1. К. Маркс. Экономическо-философские рукописи 1844 года. Из ранних произведений. М., 1956.
2. К. Маркс. Тезисы о Фейербахе. — Т. 3.
3. К. Маркс. Восемнадцатое брюмера Луи Бонапарта. — Т. 8.
4. К. Маркс. Антицерковное движение. Демонстрация в Гайдпарке. — Т. 11.
5. К. Маркс. Из экономических рукописей 1857—1858 годов. — Т. 12.
6. К. Маркс. Капитал. — Т. 26, ч. III.
7. К. Маркс. Экономические рукописи 1857—1859 годов. — Т. 46, ч. II.
8. К. Маркс и Ф. Энгельс. Немецкая идеология. — Т. 3.
9. Ф. Энгельс. Положение Англии. Восемнадцатый век. — Т. 1.
10. Ф. Энгельс. Положение рабочего класса в Англии. — Т. 2.
11. Ф. Энгельс. Армии Европы. — Т. 11.
12. Ф. Энгельс. Анти-Дюринг. — Т. 20.
13. Ф. Энгельс. Паулю Эрнесту. В Берлин. — Т. 37.
14. Ф. Энгельс. Полю Лафаргу. В Ле-Перре. — Т. 38.
15. В. И. Ленин. О национальной программе РСДРП. — Т. 24.
16. В. И. Ленин. Конспект «Науки логики». — Т. 29.
17. В. И. Ленин. VIII съезд РКП(б). — Т. 38.
18. В. И. Ленин. Государство и революция. — Т. 39.
19. В. И. Ленин. Детская болезнь «левизны» в коммунизме. — Т. 41.
20. В. И. Ленин. Проект тезисов о роли и задачах профсоюзов в условиях новой экономической политики. — Т. 44.
21. В. И. Ленин. К вопросу о национальностях или об «автономизации». — Т. 45.
22. Абаев Н. В. Архаичные формы религиозной теории и практики в чань-буддизме. — Буддизм и средневековая культура народов Центральной Азии. Новосибирск, 1980.
23. Андреева Г. М. Социальная психология. М., 1980.
24. Андреевская Н. Япония. Как живут японцы. М., 1924.
25. Аночин Д. Н. Япония и японцы. М., 1907.
26. Арутюнов С. А. Новая американская литература об этнографии японцев. — «Советская этнография». 1973, № 6.
27. Арутюнов С. А. Современный быт японцев. М., 1968.
28. Арутюнов С. А., Джарылгасинова Р. Ш. Синтез традиционного и нового в материальной культуре народов Восточной Азии. — «Народы Азии и Африки». 1972, № 5.

* Ссылки на сочинения К. Маркса и Ф. Энгельса даются по 2-му изданию Сочинений, а ссылки на сочинения В. И. Ленина — по Полному собранию сочинений.

29. Арутюнов С. А., Светлов Г. Е. Старые и новые боги Японии. М., 1968.
30. Афанасьев В. Старина и современность. Япония наших дней. — «Правда», 25. VI. 1979.
31. Бандура Ю. Возвращение самурая. — «Литературная газета», 10. IV. 1974.
32. Бежан С. Психология буддизма. Харьков, 1913.
33. Бельц Э. О воинственном духе японцев и их презрении к смерти. СПб., 1906.
34. Бобнева М. И. Социальные нормы и регуляция поведения, М., 1978.
35. Бреславец Т. И. О философско-эстетических основах формирования образа в поэзии Басё. — Литературы стран Дальнего Востока. М., 1979.
36. Бромлей Ю. В. Этнос и этнография. М., 1973.
37. Буланже П. А. Конфуций. Жизнь его и учение. М., 1910.
38. Булгакова Е. И. Япония и японцы. М., 1898.
39. Васильев Л. С. Культы, религии, традиции в Китае. М., 1970.
40. Васильев П. В. Буддизм, его догматы, история и литература. СПб., 1857.
41. Вениаминов И. Г. Религия и христианство в Японии. СПб., 1905.
42. Венюков М. И. Обзорение японского архипелага в современном его состоянии. СПб., 1871.
43. Венюков М. И. Очерки Японии. СПб., 1869.
44. Верн М. Современная Япония. М., 1882.
45. Виленский-Сибиряков В. Д. Япония. М., 1923.
46. Владимиров В. А. О национальном характере японцев. — «Азия и Африка сегодня», 1976, № 2.
47. Воейков А. И. Очерки из путешествия по Японии. СПб., 1878.
48. Войтоловский Л. Н. Японцы. Пг.—М., 1924.
49. Волланд дэ, Григорий. В стране восходящего солнца. СПб., 1903.
50. Востоков Г. Общественный, домашний и религиозный быт Японии. — «Япония и ее обитатели». СПб., 1904.
51. Выготский А. С. Психология искусства. М., 1968.
52. Вятр Е. Социология политических отношений (пер. с польского). М., 1979.
53. Глезерман Г. Е. Классы и нации. М., 1977.
54. Го — самая пленительная игра в мире. Токио (на русск. яз.), 1974.
55. [Головин В. М.] Записки флота капитана Головина о приключениях его в плену у японцев в 1811—1813 годах. Хабаровск, 1872.
56. Гончаров И. А. Фрегат «Паллада». М., 1950.
57. Горегляд В. Философия дзэн-буддизма. — «Азия и Африка сегодня». 1976, № 10.
58. Горо Хани. История японского народа (пер. с яп.). М., 1957.
59. Горький М. О литературе. М., 1953.

60. Горячева А. И., Макаров М. Г. Общественная психология. М., 1979.
61. Гранин Д. Сад камней. М., 1972.
62. Григорьева Т. П. И еще раз о Востоке и Западе. — «Иностранная литература». 1975, № 7.
63. Григорьева Т. П. Послесловие. — И была любовь и была ненависть. М., 1971.
64. Григорьева Т. П. Читая Кавабата Ясунари. — «Иностранная литература». 1971, № 8.
65. Григорьева Т. П. Японская художественная традиция. М., 1979.
66. Григорьева Т., Логунова В. Японская литература. М., 1964.
67. Гришелева Л. Д. Театр современной Японии. М., 1977.
68. Гришелева Л. Д., Чегодарь Н. И. Культура послевоенной Японии. М., 1981.
69. Гришелева Л. Д., Чегодарь Н. И. О загадках японской души. — «Народы Азии и Африки». 1972, № 3.
70. Джандильдин Н. Природа национальной психологии. Алма-Ата, 1971.
71. Древнекитайская философия. Собрание текстов в 2-х томах. М., 1972.
72. Дунаев В. И. Японцы в Японии. М., 1977.
73. Жуков Е. История Японии. Краткий очерк. М., 1939.
74. Завадская Е. В. Культура Востока в современном западном мире. М., 1977.
75. Иванов И. Е. В интимных уголках и в общественных местах у японцев. М., 1911.
76. Иванов И. Е. Японский философ Исэ Тейдзю. Японская этика. М., 1911.
77. Иоффе А. А. Япония в наши дни. М., 1922.
78. История Японии (1945—1975). М., 1978.
79. Кан Кикюти. События и дух бусидо. — «Восточное обозрение». 1941, № 6.
80. Кавабата Ясунари. Красотой Японии рожденный. — Избранное. М., 1971.
81. Кавабата Ясунари. Существование и открытие красоты. — И была любовь и была ненависть. М., 1975.
82. Кацура Юми. Новогодние обычаи Японии. — «Новое время». 1966, № 1.
83. Киёси Иноуэ и др. История современной Японии (пер. с яп.). М., 1955.
84. Кин Д. Японская литература XVII—XIX столетий (пер. с англ.). М., 1978.
85. Коваленко И. И. Очерки истории Коммунистической партии Японии после второй мировой войны. 1945—1961. М., 1981.
86. Кон И. С. Национальные особенности психологии людей. — Социальная психология. М., 1975.
87. Кон И. С. Национальный характер — миф или реальность? — «Иностранная литература». 1969, № 9.
88. Конрад Н. И. Запад и Восток. М., 1956.
89. Конрад Н. И. Избранные труды. Синология. М., 1977.

90. Конрад Н. И. Избранные труды. Литература и театр. М, 1978.
91. Королев С. И. Вопросы этнопсихологии в работах зарубежных авторов. М., 1970.
92. Королев С. И. Элементы духовной культуры в этнической психологии. — Методологические проблемы социальной психологии. М., 1975.
93. Корягин К. Конфуций. Его жизнь и философская деятельность. СПб., 1891.
94. Кочетов А. Н. Буддизм. М., 1965.
95. Краснов А. Н. Чайные округа субтропических областей Азии. Вып. 1. Япония. СПб., 1897.
96. Крюков В. К. К изучению системы родства японцев. — «Советская этнография». 1965, № 3.
97. Кэндзоо Акияма. Культура японская и культура китайская. — «Восточное обозрение». 1942, № 4.
98. Латышев И. А. Япония наших дней. М., 1976.
99. Лемуан М. Был ли счастлив г-н Накамура? — «За рубежом». 1977, № 52 (913).
100. Леонтьев А. Н. Проблемы развития техники. М., 1972.
101. Ломов Б. Ф. Общение как проблема общей психологии. — Методологические проблемы социальной психологии. М., 1975.
102. Маркова В. Н. Стихотворение Басё «Старый пруд». — Китай. Япония. История и философия. М., 1961.
103. Мечников Л. И. Японская империя (страна, народ, история). СПб., 1881.
104. Минаев И. П. Буддийские молитвы. СПб., 1887–1888.
105. Михайлов Н. Н., Косенко З. В. Японцы. Путевая повесть. М., 1965.
106. Навлицкая Г. Чайная церемония-поклонение. — «Азия и Африка сегодня». 1979, № 3.
107. Неверов С. В. Национальная специфика и проблемы общения в современной Японии. — Национальная культура и общение. М., 1977.
108. Николаева Н. С. Декоративное искусство Японии. М., 1972.
109. Николаева Н. С. Художник, поэт, философ... М., 1968.
110. Николаева Н. С. Японские сады. М., 1975.
111. Общая психология. Под ред. А. В. Петровского. М., 1978.
112. Овчинников В. В. Ветка сакуры. М., 1975.
113. Ояма Мацутацу. Что такое каратэ? (пер. с англ.). М., 1976.
114. Павловские среды. Т. 2, М., 1949.
115. Парыгин Б. Д. Основы социально-психологической теории. М., 1971.
116. Пильняк Б. Корни и камни. М., 1935.
117. Пильняк Б. Корни японского солнца. М., 1927.
118. Платонов К. К. О системе психологии. М., 1972.
119. Платонов К. К. Психология религии. М., 1967.
120. Позднеев Д. Япония. Страна, население, история, политика. М., 1925.
121. Померанц Г. С. Басё и Манделъштам. — Теоретические проблемы изучения литератур Дальнего Востока. М., 1970.

122. Померанц Г. С. Дзэн и его наследив. — «Народы Азии и Африки». 1964, № 4.
123. Попов К. М. Япония. Очерки развития национальной культуры и географической мысли. М., 1964.
124. Поршнев Б. Ф. Социальная психология и история. М., 1979.
125. Поршнева Е. Б. Рецензия на книгу Т. П. Григорьевой «Японская художественная традиция». — «Народы Азии и Африки». 1980, № 3.
126. Поспелов Б. В. Очерки философии и социологии современной Японии. М., 1974.
127. Пучков П. И. Современная география религий. М., 1975.
128. Рассошенко Т. А. Основные тенденции развития современной японской семьи. — Япония. М., 1976.
129. Радуль-Затуловский Я. Б. Конфуцианство и его распространение в Японии. М.—Л., 1947.
130. Розенберг О. О. Введение в изучение буддизма по японским и китайским источникам. Ч. 1—2 Пг., 1918.
131. Сафонова Е. С. Дзэнский смех как отражение архаического земледельческого праздника. — Символика культов и ритуалов народов зарубежной Азии. М., 1980.
132. Светлов Г. Отказ от старого наследства. — «Азия и Африка сегодня», 1967, № 4.
133. Свиридов Г. Г. Некоторые популярные буддийские культы Японии. — Япония, М., 1978.
134. Сидихменов В. Я. Китай: страницы прошлого. М., 1978.
135. Симонов К. М. Рассказы о японском искусстве. М., 1958.
136. Симонов К. Япония 46. М., 1977.
137. Слово Будды. СПб., 1907.
138. Современная Япония. М., 1968.
139. Спальвин Е. Г. Конфуцианские идеи в этическом учении японского народа. Владивосток, 1913.
140. Спеваковский А. Б. Самураи — военное сословие Японии. М., 1981.
141. Стэдом А. Японцы о Японии (сборник статей первоклассных японских авторитетов). СПб., 1908.
142. Таникава Тэцудзо. Душа японца. — «Восточное обозрение». 1939, № 1.
143. Танидзаки Дзюньитиро. Похвала тени. — «Восточное обозрение». 1939, № 1.
144. Томацу Ивадо. Хагакурэ Бусидо (книга воина). — «Восточное обозрение». 1943, XVI.
145. Федоренко Н. Т. Кавабата: взгляд в прекрасное. — «Иностранная литература». 1974, № 7.
146. Федоренко Н. Т. Японские записки. М., 1960.
147. Федоров М. Япония и японцы. Страна, религиозный, государственный, общественный и домашний быт японцев. СПб., 1905.
148. Фрейд З. Я и Оно. — Хрестоматия по истории психологии. М., 1980.
149. Харанский К. Япония в прошлом и настоящем. Владивосток, 1926.
150. Хирьяков А. Во что веруют японцы? М., 1906.
151. Шефтелевич Н. С. Хайку Басё «Старый пруд...». — Литература стран Дальнего Востока. М., 1979.

152. Шмидт П. Ю. Япония. Культурно-географический очерк. Пг., 1917.
153. Шорохова Е. В. Социальная детерминация поведения. — Психологические проблемы социальной регуляции поведения. М., 1976.
154. Шорохова Е. В. Социальная психология. — Методологические проблемы социальной психологии. М., 1975.
155. Шохин В. Проникновение буддизма в Японию. — «Азия и Африка сегодня». 1973, № 3.
156. Щепаньский Я. Элементарные понятия социологии (пер. с польск.). М., 1969.
157. Эйбус Х. Т. История Японии с древнейших времен до наших дней. М., 1968.
158. Эренбург И. Японские заметки. М., 1969.
159. Япония и ее обитатели. СПб., 1904.
160. Barnland D. The public self and private self in Japan and the United States. — International encounters with Japan. Tokyo, 1976.
161. Ben-Dasan. The Japanese and the Jews. N. Y., 1963.
162. Benedict R. Patterns of culture. N. Y., 1934.
163. Benedict R. The chrysanthemum and the sword. Boston, 1947.
164. Buddhism in the life and thought of Japan. L., 1937.
165. Bun Nakajima. Japanese etiquette. Tokyo, 1963.
166. Bunce W. K. Religions in Japan. Tokyo, 1960.
167. Bush L. Japanalia. Tokyo, 1960.
168. Condon J., Karita Keisuke. In search of what's Japanese about Japan. Tokyo, 1974.
169. Dale C. Woman talk to woman: no formula for happy divorce. — «The Japan Times», 8.IV.1978.
170. Divine wind. Anapolis, 1958.
171. Dore R. City life in Japan. L., 1958.
172. Erskine W. H. Japanese customs. Tokyo, 1975.
173. Feibleman J. Understanding oriental philosophy. N. Y., 1976.
174. Funakoshi Gichin. Karate — dojo. My way of Life. Tokyo, 1978.
175. Fukutake T. Japanese rural society. Tokyo, 1976.
176. Gluck J. Zen Combat. N. Y., 1976.
177. Guillain R. Japan: troisieme grand. P., 1969.
178. Gullick S. East and West. N. Y., 1961.
179. Halloran R. Japan. Images and realities. Tokyo, 1970.
180. Hayakawa Masao. The garden art in Japan. Tokyo, 1979.
181. Hasegawa Nyozeikan. The Japanese character. Tokyo, 1966.
182. Henderson H. Y. An introduction to haiku. N. Y., 1958.
183. Herrigel E. Zen and the art of archery. N. Y., 1963.
184. Hirai Tomio. Zen and the mind. Tokyo, 1978.
185. Honau M. D. Are manners learned in the cradle? — «The Japan Times», 1.IV.1979.
186. Hori Ichiro. Folk religion in Japan. Chicago, 1968.
187. Jackson C. Kendo. Cal., 1975.
188. Jansen M. B. Changing Japanese attitude towards modernisation. N. Y., 1965.
189. Japanese gardens. Tokyo, 1978.

190. Japanese mind. Essentials of japanese philosophy and culture. Tokyo, 1973.
191. Jung C. Memories, dreams, reflections. L., 1963.
192. Kakuzo Okakura. The book of tea. Tokyo, 1956.
193. Kato Kyosuke. Hidden beauty in Japan. Tokyo, 1964.
194. Kawasaki Ichiro. Japan Unmasked. Tokyo, 1969.
195. Kurita Yasuyuki. Urban life seen through household possessions. — «Japanecho». 1978, vol. 4.
196. Kuyama Yasusi. Modernisation and tradition in Japan. Tokyo, 1969.
197. Manual of Zen Buddhism. Kyoto, 1935.
198. Mead G. H. Mind, self and society. Chicago, 1934.
199. Minami Hiroshi. Psychology of japanese people. Tokyo, 1971.
200. Moloney J. C. Understanding the japanese mind. Tokyo, 1954.
201. Moore C. Philosophy: East and West. N. Y., 1946.
202. Moore C. The japanese mind. Essentials of japanese philosophy and culture. Honolulu, 1967.
203. Munro N. G. Primitive culture in Japan. Yokohama, 1906.
204. Nakamura Yasuo. Noh. The classical theater. Tokyo, 1971.
205. Nakamura Hajime. The ways of thinking of eastern peoples. Tokyo, 1960.
206. Nitobe Inazo. Bushido: the soul of Japan. An exposition of japanese thought. Tokyo, 1969.
207. Noda Yosiyuki. Introduction to japanese law. Tokyo, 1976.
208. Noma S. Masks. Tokyo, 1957.
209. Puzzling body language of the japanese. — «The Nation Review». Bangkok, 7.V.1978.
210. Reishauer E. O. Japan. Past and present. N. Y., 1964.
211. Reishauer E. O. The United States and Japan. N. Y., 1968.
212. Roggendorf J. Studies in japanese culture. Tokyo, 1963.
213. Ross N. W. The world of Zen. N. Y., 1960.
214. Sato K. An intensive course of Zen Training. — «Psychologia». 1963, vol. XI, № 4.
215. Sato K. Zen from a personological viewpoint. Tokyo, 1968.
216. Sekida Katsuki. Zen training. Tokyo, 1976.
217. Seward J. More about the japanese. Tokyo, 1971.
218. Shioda Cozo. Dinamic aikido. Tokyo, 1977.
219. Smith R. Japanese culture. Chicago, 1962.
220. Smith W. Confucianism in modern Japan: a study of conservatism in japanese intellectual history. Tokyo, 1959.
221. Spae J. Christian corridors in Japan. Tokyo, 1967.
222. Spae J. Japanese religiosity. Tokyo, 1971.
223. Spae J. Shinto man. Tokyo, 1972.
224. Study of the japanese national character. Tokyo, 1961—1975, Vol. I—V.
225. Suzuki D. T. An introduction to zen buddhism. Kyoto, 1934.
226. Suzuki D. T. Zen and japanese culture. N. Y., 1955.
227. Suzuki D. T. Zen and japanese buddhism. Tokyo, 1970.
228. Teaching of Buddha. Tokyo, 1970.
229. Tohei Koichi. Aikido. Tokyo, 1968.
230. White M. The native strangers. — «The Internationals». 1977, 24.V.

231. Yosiyuki Sakamoto. A study of Japanese national character. Tokyo, 1975.
232. Zen teaching of Huang Po (on the transmission of mind). N. Y., 1958.

На японском языке

233. Абэ Ёсинари. Кова то нихондзин (Мир и японцы). Токио, 1951.
234. Абэ Ёсинари. Ногаку то кокуминсэй (Театр Но и национальный характер). Токио, 1923.
235. Абэ Синносукэ. Гандай нихондзинбуцурон (Теория японской индивидуальности). Токио, 1952.
236. Акаси Тэруо. Нихондзин-но когоро-но ёридогоро (Фундамент японской души). Токио, 1952.
237. Аmano Тоситакэ. Нихондзин-но кокуминсэй то кёйку (Японский национальный характер и образование). Токио, 1960.
238. Андзай Фумио. Судан-но нака-но нингэн-нихонтэки кодзинсюги (Человек в коллективе. Индивидуализм японцев). Токио, 1958.
239. Андо Масадзи. Котоба то бунгаку ни араварэтару вага кокуминсэй (Отражение национального характера японцев в языке и литературе). Токио, 1924.
240. Вакамори Таро. Нихондзин-но косай (Взаимоотношения японцев). Токио, 1953.
241. Ватанабэ Рётаро. Нихондзин миндвоку токусю сэйрон (Особенности японского национального характера). Токио, 1930.
242. Ватанабэ Садаму. Нихондзин-но дзисацу (Самоубийства японцев). Токио, 1957.
243. Ватанабэ Синъитиро. Сэкай ни цуёсүру нихондзин (Представление о японцах в мире). Токио, 1953.
244. Вацудзи Тэцуро. Нихон-но кунито хито (Япония и японцы). Токио, 1951.
245. Вацудзи Тэцуро. Нихондзин-но сюкёсин ни цуйтэ (О религиозности японцев). Токио, 1957.
246. Гото Тосио. Морару комоникэсэн (Мораль и коммуникация). Токио, 1976.
247. Дои Такэо. Амаэ-но кодзо (Структура «амаэ»). Токио, 1971.
248. Ёсида Кэнъити. Нихондзин дэ ару кото-но фуан ни цуйтэ (О сложностях, с которыми сталкиваются японцы). Токио, 1958.
249. Иидзука Кодзи. Нихондзин-но кайбо — «Кику то катана» о кэнто сүру (Изучение японцев — обсуждение книги «Хризантема и меч»). Токио, 1949.
250. Иидзука Кодзи. Нихондзин-но сэйсинтэки фудо (Особенности японского характера). Токио, 1952.
251. Иидзуми Рокуро. Нихондзин-но косай рэйги (Японский этикет). Токио, 1957.
252. Икэдзима Симпэй. Нихондзин-то обэйдзин (Японцы, европейцы и американцы). Токио, 1952.

253. Инагаки Тарио. Нихондзин то ва (Кто такие японцы). Токио, 1949.
254. Иридзава Тацукити. Нихондзин-но сувариката ни цуйтэ (О манере японцев сидеть). Токио, 1921.
255. Исоно Сэйити. Нихондзин-но хихан сэйсин (Критический настрой японцев). Токио, 1953.
256. Ито Кокан. Тя то дзэн (Чайная церемония и дзэн). Токио, 1977.
257. Ито Тимадзо. Нихон кокуминсэй (Японский национальный характер). Токио, 1937.
258. Ито Ясудзи. Мохо, бунка, нихондзин (Подражание, культура, японцы). Токио, 1952.
259. Ито Ясудзи. Нихондзин-но синсэй о китэйсуру моно (Психологические установки японцев). Токио, 1962.
260. Иэнага Сабуро. Нихондзин то ва нани ка (Кто такие японцы). Токио, 1966.
261. Кавасима Такэнобу. Нихон сякай-но кадзоку тэки ко-сэй (Семейная структура в японском обществе). Токио, 1950.
262. Кавато Сюити. Тэнносэй то нихондзин-но исики (Императорская система и сознание японцев). Токио, 1957.
263. Камэи Кацуитиро. Гэйдзюцу то миндзокусэй (Изобразительное искусство и национальный характер). Токио, 1957.
264. Камэи Кацуитиро. Нихондзин-но дэнтэ (Традиции японцев). Токио, 1956.
265. Камэи Кацуитиро. Нихондзин-но си (Смерть и японцы). Токио, 1944.
266. Камэи Кацуитиро. Хайсэн то нихондзин (Поражение в войне и японцы). Токио, 1949.
267. Канэда Иккёсукэ. Кокуто ни араварэта кокуминсэй (Проявление национального характера в японском языке). Токио, 1934.
268. Канэко Хикодзиро. Нихон кокуминсэй-но дзиссётэки кэнкю (Изучение японского национального характера). Токио, 1930.
269. Като Сюити. Сэйо-но тисикидзин то нихон-но тисикидзин (Западноевропейская и японская интеллигенция). Токио, 1957.
270. Като Хато. Цудзоку кокуминсэй кова (Популярные беседы о национальном характере). Токио, 1916.
271. Като Хидэтоси. Бунка дзинруй гаку ни окэру кокуминсэй-но сёмондай (Проблема национального характера в этнографии). Токио, 1957.
272. Кацура Хиросукэ. Нихон-но сякай то дзинкаку кэйсэй (Японское общество и формирование характера). Токио, 1951.
273. Кисида Кунио. Нихондзин то ва (Кто такие японцы). Токио, 1952.
274. Кисида Кунио. Нихондзин то ва нани ка-атэна-но най тэгами (Кто такие японцы – письмо без адреса). Токио, 1948.
275. Коаи Цутому. Нихондзин-но сидзэнкан (Восприятие природы японцами). Токио, 1956.
276. Кобаяси Хидэо. Нихондзин-но бикан (Чувство прекрасного у японцев). Токио, 1951.
277. Коидзуми Рёити. Нихондзин дэ ару кото (Что значит быть японцем). Токио, 1962.

278. Кон Вадзиро. Нихон-но минка (Японский национальный дом). Токио, 1976.
279. Кон Хидэми. Нихондзин то ва (Кто такие японцы). Токио, 1949.
280. Кондо Харухико. Нихондзин-но дзюёсэй (Восприимчивость японцев). Токио, 1959.
281. Конума Юкинари. Нихондзин то тюгокудзин (Японцы и китайцы). Токио, 1951.
282. Косуги Хоан. Нихон-но фудзин (Женщины Японии). Токио, 1950.
283. Кояма Ивао. Нихон миндзоку-но кокоро (Сердце японской нации). Токио, 1977.
284. Кувада Хато. Кокуминсэй то сюкё (Национальный характер и религия). Токио, 1915.
285. Куга Яити. Нихондзин. Сэнсо то кокуминсэй (Японцы, война и национальный характер). Токио, 1939.
286. Куки Сюдзо. Нихонтэки сэйкаку ни цуйтэ (О японском характере). Токио, 1937.
287. Кумацу Сэнъити. Манъёсю то кокуминсэй («Манъёсю» и национальный характер). Токио, 1938.
288. Масаки Хироси. Нихондзин-но рёсин (Добродетели японцев). Токио, 1949.
289. Мацумото Нобухиро. Тоа миндзоку бунка рон (Теория культуры восточно-азиатских народов). Токио, 1968.
290. Маэда Окадо. Нихондзин-но сэкининкан (Чувство ответственности у японцев). Токио, 1954.
291. Минами Хироси. Нихон ни окэру нингэнканкэй (Человеческие отношения в Японии). Токио, 1952.
292. Минами Хироси. Нихондзин-но кодо кэйко (Тенденции в поведении японцев). – Журн. «Тэаторо». Токио, 1966, май, июнь, август.
293. Минами Хироси. Нихондзин-но синри (Психология японцев). Токио, 1968.
294. Мияги Отоя. Нихонхэй ва надзэ дзангяку ка (Почему японские военные жестоки). Токио, 1949.
295. Миякэ Сэцурэй. Синдзэнми нихондзин (Правдивые, добродетельные и прекрасные японцы). Токио, 1891.
296. Мориока Киёми. Нихондзин-но сюкётэки синсэй-но токусшу (Особенности религиозных чувств японцев). Токио, 1956.
297. Мотода Сидзуро. Нихон-но фудо то кикоку минсэй (Японские природные особенности и национальный характер). Токио, 1934.
298. Мукай Кэйю. Эй нихондзин варуй нихондзин (Хорошие и плохие японцы). Токио, 1957.
299. Мусякодзи Кинхидэ. Нихондзин-но тайгай исики (Отношение японцев к внешнему миру). Токио, 1961.
300. Муто Итио. Нихондзин-но сюкёсин то киристокё (Религиозные чувства японцев и христианство). Токио, 1957.
301. Нагаи Тору. Сякай синри дзё ёри митару нихон-но миндзоку (Японская нация с точки зрения социальной психологии). Токио, 1927.
302. Накамура Дзиро. Гайкокудзин кара мита нихондзин – ази-но нака но нихон (Японцы глазами иностранцев. Япония в Азии). Токио, 1951.

303. Накамура Кадзуо. Дзисацу (Самоубийство). Токио, 1972.
304. Накаяма Таро. Рэкиси то додзоку (История и народные обычаи). Токио, 1941.
305. Нисимура Санэцугу. Нихонминдзокусэй-но токутё (Особенности японского национального характера). Токио, 1938.
306. Норимото Ёсихиро. Нихондзин-но сисэйкан (Отношение японцев к жизни и смерти). Токио, 1944.
307. Обаяси Таро. Миндзокугаку кара мита нихондзин (Японцы с точки зрения этнологии). Токио, 1967.
308. Огава Тэцу. Эйга ни миру нихондзин-но кофукукан (Представления японцев о счастье. По материалам кино). Токио, 1956.
309. Ока Кадзуо. Нихондзин-но рэттокан (Комплекс неполноценности у японцев). Токио, 1957.
310. Ока Киёси. Нихон миндзоку (Японская нация). Токио, 1968.
311. Ока Масао. Нихон миндзоку-но кигэн (Происхождение японской нации). Токио, 1970.
312. Окоти Кадзуо. Кайгайёри мита нихон оёби нихондзин (Японцы и Япония: взгляд из-за границы). Токио, 1955.
313. Окура Тадаси. Нихондзин то фукаку (Личные качества японцев). Токио, 1955.
314. Омори Согэн. Кэндо то дзэн (Кэндо и дзэн). Токио, 1977.
315. Оно Нобуюки. Кэкконрон то сюфурон (Брак и домашняя хозяйка). Токио, 1957.
316. Оцуки Масао. Нихон-но кунито хито (Японцы: страна и люди). Токио, 1951.
317. Сакагүти Сабуро. Нихондзин-но тиз (Ум японцев). Токио, 1955.
318. Сакаи Цукихара. Нихон кокуминсэй-но ситэки кэнкю (Японский национальный характер с исторической точки зрения). Токио, 1930.
319. Сакамото Таро. Рэкиси то кокуминсэй то-но хансё (История и национальный характер). Токио, 1950.
320. Саканиси Сиро. Гайдзин ёри мита нихондзин (Японцы глазами иностранцев). Токио, 1949.
321. Саканиси Сиро. Нихондзин-но кокёсин (Общительность японцев). Токио, 1958.
322. Сако Дзюньитиро. Нихондзин-но сюкётэки мукансин (Безразличие японцев к религии). Токио, 1957.
323. Сакураи Сётаро. Онтогирискай гакутэки кэнкю (Чувство обязанности и чувство долга). Токио, 1961.
324. Сибаяма Дзэнкэй. Дзэнсинтябанаси (Рассказ о дзэн, душе японца и чайной церемонии). Токио, 1975.
325. Симата Кадзуо. Нихондзин-но пасонарити кэнкю-но гайкан (Особенности характера японцев). Токио, 1962.
326. Сираянаги Сюко. Сэнсо ни араварэта нихон-но кокуминсэй (Японский национальный характер: как он проявился во время войны). Токио, 1933.
327. Софуэ Такао. Нихондзин-но синри то кодо-но ката (Психология и образ действия японцев). Токио, 1960.
328. Судзуки Сигэо. Изэ-но сэйсин — кокутай оёби миндзоку

- сэйкаку-но кюмэй (Дух семьи — государственный строй и национальный характер). Токио, 1943.
329. Сэкинэ Хидэкацу. Нихондзин-но дзиндзё дзинги ни цуйгэ (О моральном кодексе японцев). Токио, 1956.
 330. Сэра Масатоси. Нихондзин-но вараи (Японцы улыбаются). Токио, 1959.
 331. Сюдзуй Кэндзи. Гири ни икиру (Чувство долга в жизни). Токио, 1955.
 332. Тада Мититаро. Сигуса-но нихон бунка (Японская культура жестов). Токио, 1978.
 333. Такаги Масаёси. Нихондзин-но сэйкацу синри (Жизненная психология японцев). Токио, 1954.
 334. Такаги Масаёси. Нихондзин соно сэйкацу то бунка-но синри (Жизнь и психология японцев). Токио, 1955.
 335. Такаги Масаёси. Осю кара мита нихондзин (Японцы глазами европейцев). Токио, 1949.
 336. Такакува Сумио. Окориуру нихондзин (Сердитые японцы). Токио, 1950.
 337. Такахаси Осаму. Микикуй нихондзин (Безобразные японцы). Токио, 1970.
 338. Такигава Косин. Канцу то нихондзин (Преподобейание и японцы). Токио, 1952.
 339. Токутоми Митиро. Сото ёри митару нихондзин (Как японцы выглядят со стороны). Токио, 1965.
 340. Тэдзука Томио. Моно о ивану нихон о кангаэру (Размышления о молчаливой Японии). Токио, 1972.
 341. Уи Мусю. Нихондзин-но вараи (Смех японцев). Токио, 1969.
 342. Усидзима Сюнсаку. Нихондзин-но моно-но микага (Отношение японцев к вещам). Токио, 1958.
 343. Хага Яйти. Кокуминсэй дзюрон (Десять эссе о национальном характере). Токио, 1957.
 344. Хара Кими. Нихондзин-но кати сико ни кансүру кэнкю (Изучение ценностной ориентации японцев). Токио, 1958.
 345. Хасэгава Нёдзэкан. Нихонтэки кокуминсэй (Японский национальный характер). Токио, 1943.
 346. Хасэгава Нёдзэкан. Нихонтэки сэйкаку (Японский характер). Токио, 1938.
 347. Цуда Сокичи. Нихондзин-но кангаэката (Способ мышления японцев). Токио, 1951.
 348. Цудзи Дзэнносукэ. Нихондзин-но хакуай (О филантропии японцев). Токио, 1932.
 349. Цукуи Сакио. Кэйдзай сэйкацу кара мита нихондзин (Японцы с точки зрения экономической жизни). Токио, 1959.
 350. Эндо Ёсимицу. Нихондзин то киристо кё (Японцы и христианство). Токио, 1961.
 351. Юдзи Айда. Нихондзин-но исики кодзо (Структура сознания японца). Токио, 1970.
 352. Юдзи Айда. Нихон-но фудо то бунка (Окружающая среда и культура Японии). Токио, 1972.
 353. Ямагути Итиро. Нихондзин-но итирюсюги (Чувство превосходства у японцев). Токио, 1951.
 354. Ямада Тамабаяси. Нихондзин-но сэйсикан то дзэн (Восприятие жизни и смерти и дзэн). Токио, 1944.
 355. Янагида Кунио. Нихондзин (Японцы). Токио, 1954.

СОДЕРЖАНИЕ

Предисловие	3
Глава I. Японский национальный характер	7
1. Кто такие японцы?	8
Социальная история японцев	9
Японский язык	14
2. Что пишут о японцах?	15
Запад о японцах	16
Японцы о японцах	20
Русские о японцах	22
Японцы в работах советских авторов	26
3. Черты характера японцев	31
Общезначительные черты	32
Черты группового поведения	37
Обыденно-житейские черты	40
4. Японцы в повседневной жизни	45
Японец в национальном доме	45
Японец в городской квартире	48
Японец вне дома	52
Глава II. Социальная регуляция поведения в Японии	59
1. Религия, боги, идолы Японии	59
2. Социализация в японской культуре	90
3. Социальные нормы поведения японцев	112
4. Дух бусидо	132
Глава III. Дзэн в жизни японца	147
1. О сущности дзэн	147
2. Дзэн как предмет психологических исследований	150
3. Основы дзэн-тренировки	153
4. Военно-спортивное искусство Японии	163
5. Дзэн в искусстве	175
6. Икебана	190
7. Чайная церемония	194
Глава IV. Особенности общения в Японии	201
1. Восприятие человека человеком в общении	201
2. Взаимодействие общающихся	212
3. Особенности речевого общения	220
Заключение	232
Приложения	235
Литература	258

П81 Пронников В. А., Ладанов И. Д.
Японцы. Этнографические очерки. М., Главная редакция восточной литературы издательства «Наука», 1983.

270 с. с ил.

Книга знакомит читателей с особенностями японского национального характера. Используя обширный фактический материал и личные наблюдения, авторы выявляют национально-психологическую специфику речевой коммуникации японцев, установления межличностных отношений и другие особенности их социального поведения. Это первая в нашей стране работа по социальной психологии японцев.

0508000000-005

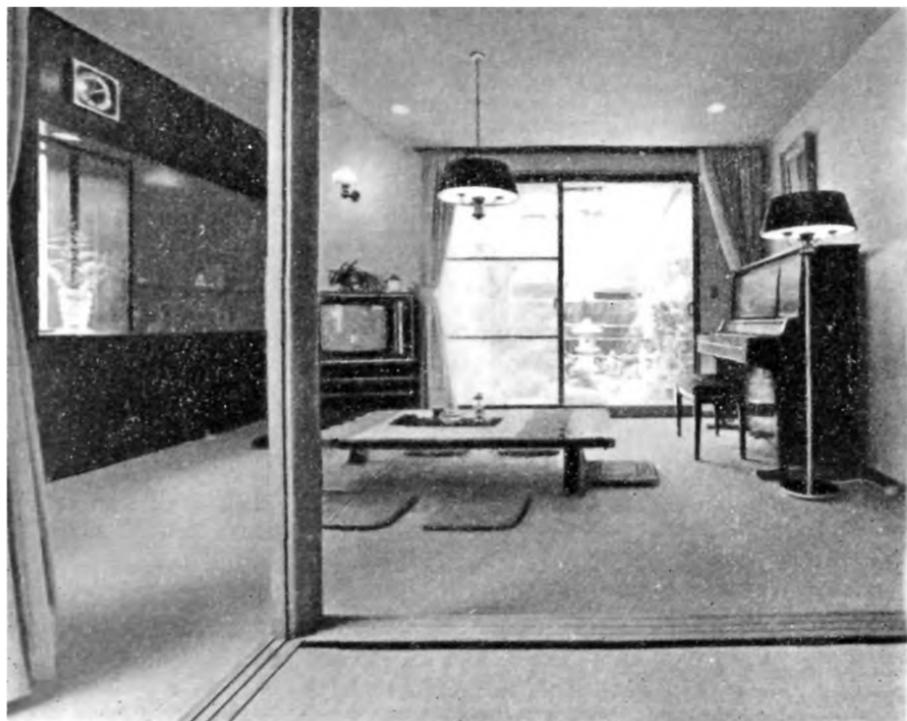
013(02)-83

КБ-5-34-82

902.7



В токонома ставят букет
и вешают какэмоно



Интерьер
современного японского дома
Девушки все еще не мыслят себя
лишенными кимоно





Японские женщины носят детей за спиной

Институт гейш ценится в Японии и по сей день





Обучение искусству икебана

Икебана стиля нагайре





Обувь в Японии
довольно практична
Свадебная церемония





Праздник мацури при храме

←

Третьего марта отмечают праздник кукол

←

В праздник мальчиков
на специальных подставках расставляются
куклы-воины





Для японского сада
характерна атмосфера
тайнственности

—
Песочный фон
вокруг камней

Камни как украшение
ставят около дома







Стрельба из лука требует упорной тренировки

Фехтовальщики кэндо держат меч двумя руками

Обучение медитации по методике дзадзэн





Маски Бунраку передают настроение и характер персонажей

Грим Кабуки подчеркивает характер героев

Укиё-э — гравюра на дереве



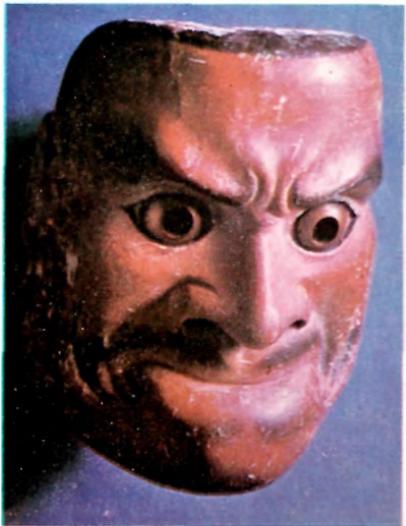




Костюмы театра Но носят условно-исторический характер

Маска в японском театре выражает многие оттенки душевного состояния

—



Японские кушанья
не только вкусны,
но и привлекательны
на вид

